
КУЛЯБИН
ПАКЕТОМ из 28-й

Салья
РЕКА КИЛЬМЕЗЬ
РЕКА
Кильмезь
Селино
Старое Село
Викар
ВЯТКА
Бол. Порек
Мелеть
Малмыж
Вят. Поляны

Путь разведчиков-азинцев

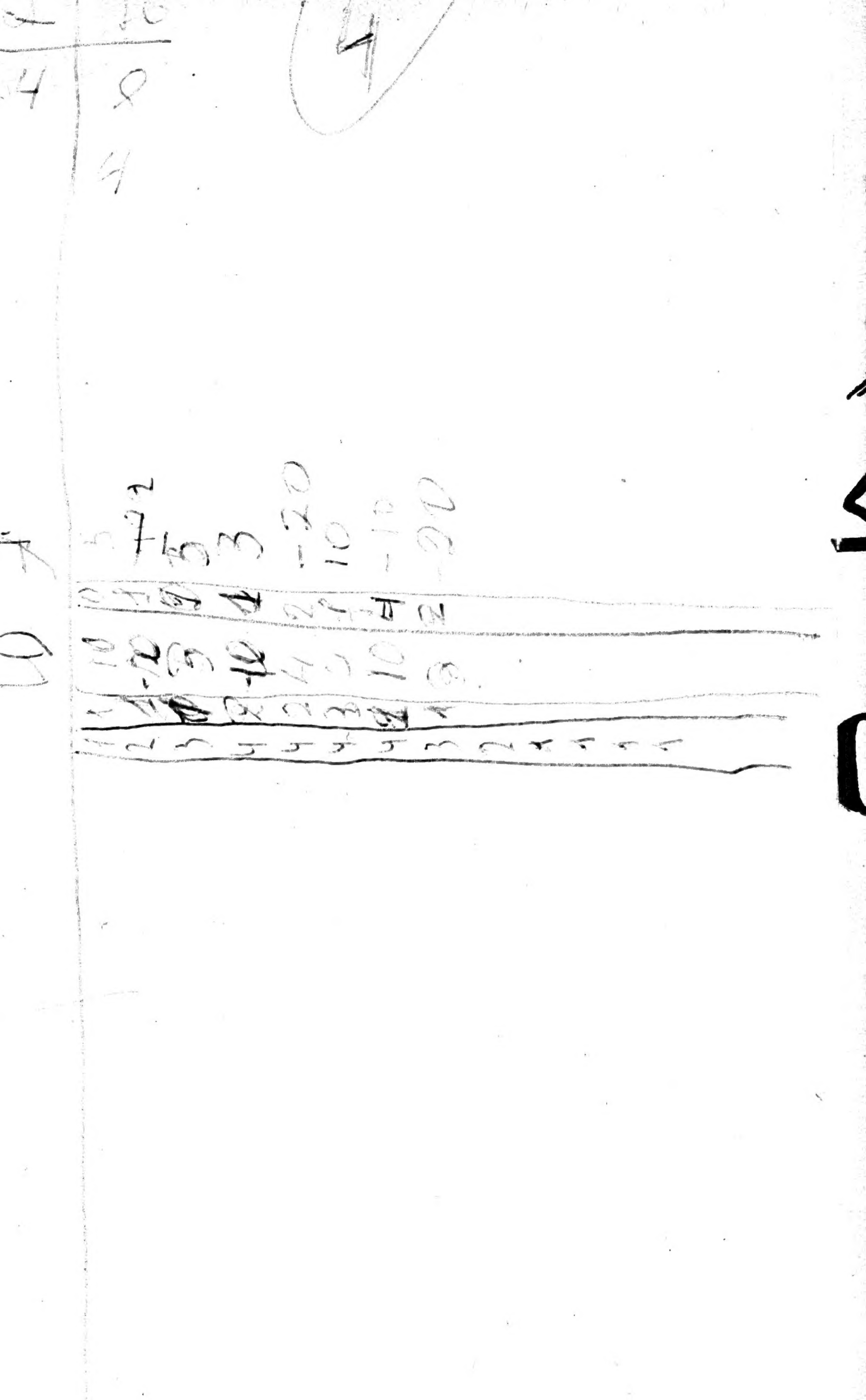
Сюмси

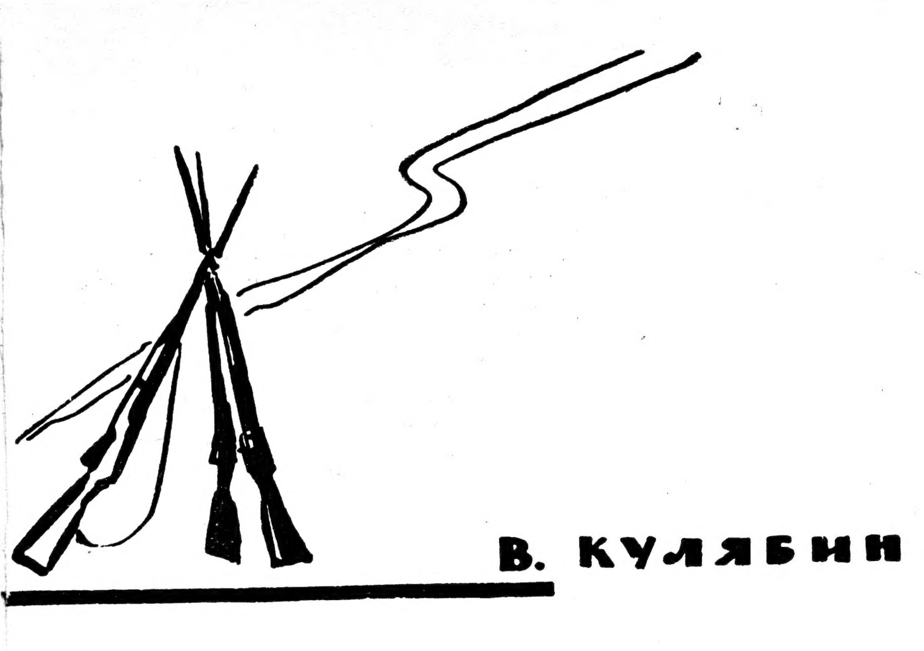
Мукикакси

Нижний Юс

рево

Река Вала

В. КУЛЯБИН

С ПАКЕТОМ из 28-й...

ПОВЕСТЬ

Кировское книжное издательство
1963

Р2
К90

„Поколение за поколением советские люди несут славную революционную эстафету. И на долю каждого из них выпали свои задачи, свои трудности, свои подвиги".

(Из доклада тов. Л. Ф. Ильичева на Пленуме ЦК КПСС 18 июня 1963 г.)

От автора

Моя родина — село Сюмси бывшей Вятской губернии (ныне оно находится на территории Удмуртской АССР). В годы гражданской войны в этих местах проходили события, связанные с наступлением колчаковских армий и их последующим разгромом.

Позднее, вместе со своими сверстниками-мальчишками, я не раз слушал удивительные рассказы нашего односельчанина Михаила Евдокимовича Мезенцева, командовавшего эскадроном в знаменитой Азинской дивизии.

Еще через полтора десятка лет в мои руки попали любопытные документы о дерзком рейде разведчиков-азинцев через колчаковский фронт, который проходил по моим родным местам. Этот рейд предшествовал крупной наступательной операции Красной Армии в мае 1919 года.

Так зародилась эта повесть. Основные ее события и действующие лица подлинны. Изменены лишь фамилии. Но это не документальное произведение: я позволил себе применить художественный вымысел в той степени, в какой он был необходим для связи отдельных событий и фактов, для более широкой обрисовки образов героев.

Вместо пролога

Над Челябинском только что прошла гроза. Полыхнув вдалеке зарницами, она уползла в горы. Словно вторя далеким раскатам грома, дружно ударили церковные колокола. Это городские власти торжественно встречали Колчака.

Колчак, нахохлившись, вышел из вагона, торопливо прошагал мимо именитых граждан в автомобиль, чихающий отработанным газом. Адмирал беспокойно скрипел пружинами протертого сиденья, морщил лоб. Ему было о чем поразмыслить...

Еще недавно огромная армия Колчака успешно наступала на фронте протяженностью почти в две тысячи километров. Прекрасно одетая и вооруженная на деньги империалистов Америки, Англии, Франции и Японии, она наносила удары по молодой Советской республике. Основной из них был нацелен армией генерала Ханжина на Самару. Сибирская армия Гайды рвалась к Казани и Вятке. У Оренбурга, Орска и Актюбинска действовал атаман Дутов.

Ослабевшие в беспрерывных боях, малочисленные красные армии вынуждены были отступать. Адмирал и союзники торжествовали. Еще бы! Одна за другой сыпались победные реляции: корпус генерала Бакича переправился через Салмыш, в восьмидесяти километрах от Самары; взят Чистополь, а рядом — рукой подать — Казань; войска вышли на дальние подступы к Сызрани...

И вдруг все так тщательно разработанные планы полетели вверх тормашками.

В течение восемнадцати дней три ударных белогвардейских корпуса Западной армии были разбиты. Пятая, Первая, Четвертая и Туркестанская красные армии под

командованием Михаила Васильевича Фрунзе ринулись в решительное контрнаступление...

Мысли об этом и не давали Колчаку покоя, заставляли его хмуриться, судорожно сжимать пальцы...

Автомобиль, подпрыгнув на ухабе, остановился у огромного особняка с бело-зеленым флагом на флагштоке.

В просторном кабинете начальника штаба был в сборе весь генералитет. Ждали только приезда верховного правителя.

Совещание началось сразу.

Все внимательно слушали доклад начальника штаба ставки генерала Лебедева.

— Итак, господа, я охарактеризовал обстановку на фронте. Армия генерала Ханжина терпит неудачи. Мы теряем инициативу. Это чревато серьезными последствиями. Нужны срочные меры по укреплению фронта Западной армии. В этих целях предлагаю, Александр Васильевич...— Лебедев повернулся вполоборота к нахмуренному верховному правителю, попросил глазами разрешения продолжать.

Колчак кивнул головой.

— Я предлагаю,— уже увереннее продолжал начальник штаба,— немедленно выдвинуть под Белебей главный резерв фронта — корпус генерала Каппеля, пополнить резервами из группы генерала Белова третий, пятый и шестой корпусы. Это нам позволит разгромить ударную группировку красных в районе Белебей—Бугульма—Бугуруслан, а также продолжать движение на Самару. Основной же удар нанести силами Сибирской армии генерала Гайды по Третьей и Второй красным армиям, взять Вятку и Казань,— генерал водил костяной указкой по огромной, во всю стену, карте.—Для нанесения удара создать две группировки. Корпусу генерала Пепеляева движением по железной дороге Пермь—Вятка сковать основные силы двадцать девятой и тридцатой дивизий врага по фронту, а обходной колонной по Сибирскому тракту завершить их окружение и уничтожение по частям. Сводному корпусу генерала Вержбицкого с приданными соединениями из Степного корпуса генерала Гривина захватить железнодорожный мост у Вятских Полян, форсировать реку, овладеть Казанью и одновременно предпринять охват сильной колонной города Вятки в направлении Малмыж—Котельнич. Только

энергичное наступление по линии Пермь—Вятка—Котлас и Вятские Поляны—Казань—Котельнич позволит нам соединиться на севере с нашими английскими союзниками, уничтожить обе красные армии и объединенными силами обрушиться на Москву и Петроград... Именно такой план поддерживают наши английские друзья,— докладчик поклонился в сторону угрюмого полковника Уорда.

Англичанин, с усилием подбирая русские слова, медленно произнес:

—Наконец-то ви делайт правилен ход, коллега...

Сидевший по соседству с ним французский генерал Жанен вскочил на ноги и торопливо заговорил на чистейшем русском языке, обращаясь не к Лебедеву, а к Колчаку:

— Это безумие — согласиться с таким планом! Сибирская армия увязнет в северных лесах, в грязи, останется без продовольствия и резервов... Нет! Успех может принести только наступление армии Ханжина. Необходимо перебросить все резервы в Западную армию, продвинуться к Волге и соединиться с Деникиным. Только в этом случае мы сможем объединенными силами ударить на Москву.

Верховный нервно засопел. Раздувающиеся крылья ястребиного носа, сбившаяся челка, перекатывающиеся на скулах желваки — все выдавало его крайнее раздражение. Наконец, он не выдержал:

— Господа союзники! Нам надо найти общий язык... По вашему предложению, господин Жанен, мы уже наносили главный удар по направлению к Волге. Но большевикам удалось остановить наступление. Лучшей помощью армии Ханжина сейчас будет именно стремительное, беспощадное наступление на Казань и Вятку, соединение с северными союзниками. Моя агентурная разведка доносит о резервах, которые подходят во Вторую и Третью армии красных. Это не позволяет ни терять драгоценного времени, ни брать хотя бы одну дивизию из армии Гайды. Других же резервов у меня нет...

Последние слова Колчак произнес с трагическим вздохом. Потом тяжело подошел к окну и, отодвинув штору, исподлобья взглянул в темень ночи. Повернувшись, сказал тоном, не терпящим возражений:

— Наступать будем только на Казань и Вятку!

Жанен снова вскочил:

— В таком случае союзное командование может прекратить доставку снаряжения и отозвать войска. Давно пора нам сделать ставку на генерала Деникина: он успешно борется с большевиками.

Это прозвучало как вызов, и все подумали, что адмирал сейчас сорвется.

Но приподнялся полковник Уорд, разжал челюсти и выдавил с издевкой:

— Генерал, ваш войск при верховный правитель — ви и ваш адъютант. Может их отзывайт,— он гордо вытянулся и, с полупоклоном в сторону Колчака, заявил:— Соединенный королевств, Александр Васильевич, будет до конец верен союзнический долг.

Жанен, багровея, с яростью взглянул на своего английского коллегу, резко отодвинул мягкое кресло и вышел из кабинета.

Проводив его злыми глазами, Колчак долго молчал. Потом учтиво сказал Уорду:

— Благодарю, полковник, за поддержку,— и начал в раздумье шагать по кабинету.

Генералы почтительно следили за ним. Он остановился, обвел их взглядом. Вспомнив о своем высоком сане, картинно подтянулся, принял наполеоновскую позу (правая рука за бортом сюртука с адмиральскими погонами) и сказал торжественно:

— Господа генералы! Решительный час настал. Я призван богом избавить Россию от красной чумы...

Едва адмирал закончил эту патетическую тираду, как в кабинете появился адъютант. Нерешительно потоптавшись у двери, он робко обратился к Колчаку:

— Начальника штаба экстренно вызывают к телефону...

— Он занят! — недовольно оборвал адъютанта Колчак. Но что-то его встревожило. Вопросительно подняв правую бровь, он коротко бросил: — Кто?

— Генерал Гривин... По неотложному делу...

Адмирал опять нахмурился, подумал и шагнул к двери:

— Я сам переговорю.

Он вернулся быстро. Его лицо было озабочено больше обычного. Присутствующие видели, что верховный

взволнован. После затянувшейся паузы он угрюмо проговорил:

— На фронте Второй армии красных появились новые дивизии. Видимо, красные собираются перейти в наступление и на этом участке. Наступление может сорвать нашу майскую кампанию и тяжело отразиться на всем фронте. Любой ценой необходимо их опередить, ударить первыми. И главное — захватить мост через Вятку. Особенно меня беспокоит их двадцать восьмая... Она и так доставила нам немало забот! Вы помните это, генерал?

— Так точно!—встрепенулся Лебедев и добавил:—В этой дивизии до двадцати тысяч штыков и сабель, самая грозная сила для нашей Сибирской армии.

— Пора с ней свести счеты! Я полагаю, два наших корпуса сумеют сделать так, чтобы ее не существовало.

— Да, но этой дивизией командует Азин,— обронил кто-то осторожно. — А вся чернь так и бросается за ним сломя голову. Недаром красные зовут дивизию «железной». С ней не так-то легко будет справиться...

Колчак сердито покосился на говорившего, но Лебедев предупредил его вспышку, проговорив с усмешкой:

— Ничего. Медведь попервоначалу тоже кажется страшным, но его одолевает десяток дюжих собак. Будем Азина бить по частям. Лучшая его бригада под командованием Северихина держит плацдарм у моста. Вот с нее и начнем.

— Нам нужно знать их планы, места сосредоточения! — Колчак строго посмотрел на присутствующих, отыскивая глазами начальника оперативного отдела.

— Принимаем все меры, Александр Васильевич, — успокоил его Лебедев.— В двадцать восьмую еще месяц назад мы забросили самых опытных разведчиков.

— Что же они молчат? — раздраженно повернулся Колчак.

Генерал Лебедев приблизился к нему, проговорил вполголоса:

— Днями ждем оттуда, Александр Васильевич, опытного офицера.

— Я надеюсь, он даст ответ на интересующие нас вопросы? — закинув голову, спросил Колчак.— Прошу незамедлительно поставить меня в известность...

Задание Азина

1.

За лесом ухали пушки. Тяжелые взрывы сотрясали землю. Вдалеке рассыпались пулеметные очереди.

Приглушенные расстоянием крики «ура» тонули в громе канонады.

Бой у реки Казанки, что впадает в Вятку выше железнодорожного моста у Вятских Полян, шел уже пятнадцатые сутки.

Наступил полдень, а дождь, начавшийся ночью, все еще продолжал сыпать. Спешенные кавалеристы, затаившись в мелколесье и чутко прислушиваясь к перекатам боя, ждали своего часа.

Они сидели на жухлой прошлогодней траве, на поваленных замшелых стволах деревьев. Один пришивал сыромятиной оторванное стремя, другой протирал исшарпанную винтовку; моложавый конник, сбросив ботинок, прилежно обвертывал широкую ступню выгоревшей под солнцем обмоткой. Многие жадно курили. Сизый дымок цигарок медленно таял в кустах.

Редко слышался среди бойцов разговор, но и тот, что вспыхивал вдруг, сразу обрывался очередным далеким разрывом снаряда.

Лошади напряженно храпели; пугливо прядая ушами, приседали в тревоге.

У надломленной раскидистой ели на сухих кочках особняком расположились разведчики. В центре сидел немолодой кряжистый здоровяк. Его широкие стрельчатые усы расходились в стороны над тонкими губами. Серые, вприщур, глаза спокойно и внимательно смотрели на чубатого паренька, одетого в легкую кавалерийскую шинелку. Паренек привалился спиной к стволу дерева и при каждом разрыве снаряда нервно вздрагивал, будто сбрасывал прилипшие к плечам пожелтевшие иглы. Струйки дождя стекали с его фуражки по шее за ворот.

— Как, не боязно, Андрейка?

— Терпимо, товарищ командир, — отозвался подросток, блеснув карими глазами. — Только мокрень — до нитки размочило... И как мы только в атаку пойдем? Тем более впереди болото. Непролаз... Лошади увязнут...

Мезенцев усмехнулся и промолвил, вглядываясь в кусты:

— Белым она, грязь-то, больше нашего мешает... А насчет болота будь спокоен: давно брод нашли под носом у белых. Придет время — вдарим.

— Только бы не вышло, что они первее вдарят, — угрюмо произнес сутулый конник.

— Да-а, сегодня чтой-то особенно прут,— согласился с ним командир. — Ох, и хочется им нашу бригаду в Вятку-реку спихнуть, по железнодорожному мосту к Казани прорваться... Горячий денек будет: недаром и нам, разведчикам, в бой велено идти... Ты вот что, Данилов, поглядывай за Андрейкой: горяч парень. И не бывал он еще в открытом бою...

— Усмотрю,— кивнул головой Данилов и бросил добродушный взгляд на паренька.

В это время по цепочке негромко прозвучало:

— Мезенцева к командиру эскадрона!

Длинное с орлиным профилем лицо Мезенцева на миг вспыхнуло. Быстро вскочив на ноги, он подбежал к коновязи. Комья грязи брызнули из-под копыт буланого коня...

Вскоре Мезенцев вернулся. Еще издали скомандовал:

— Взвод, по коням! За мной!

Разведчики торопливо разбирали оружие, подтягивали подпруги. Взлетев в седла, поскакали за командиром.

Сизые тучи низко опустились над лесом и сеяли, сеяли мелкий назойливый дождь. Клочья тумана цеплялись за кусты, за ветви деревьев, мутной пеленой прикрывали скачущих всадников.

Андрейка не отставал от Данилова. Упругие ветви хлестали паренька по лицу, обдавали водой. Но вот конники остановились на опушке. Командир выехал вперед, осторожно раздвинул кусты и поднес к глазам бинокль. Рукой подозвав Андрейку, показал ему в сторону далекой речки:

— Казанка, край нашей обороны.

Гул сражения на миг стих, так что Андрейке показалось, будто стоят они с командиром на опушке леса одни... Он скользнул рукой по шинели и тоже достал из футляра бинокль.

Словно приблизившись, лощина легла перед ним, как на ладони. За лощиной круто загибалась река; по взгорью вилась изломанная линия окопов, в которых сидели красноармейцы. Левее низина переходила в густой березняк. Над окопами то и дело вставали черные разрывы — это артиллерия колчаковцев била по укреплениям. Вдали, правее, видны были окопы белых.

«Так вот мы где! Под самым носом у беляков!» Андрейка невольно оглянулся, по его спине проползли холодные мурашки. Но спокойными были лица товарищей. «Колчаковцы думают, что здесь непроходимое болото...»

Он успокоился и еще крепче прижал бинокль к переносью.

Над окопами красных продолжали вспыхивать разрывы. То вдруг разгоралась, то затихала ружейная трескотня. Ухо паренька привычно улавливало звуки боя. За лесом ударило несколько колчаковских орудий. «Сссу-у, сссу-у», — просвистело высоко над головой, и вот уже «А-а-хх-а! А-а-хх-а!» — гудят громовые удары из-за березняка.

Колчаковцы перенесли огонь в глубь позиции.

— Скорее бы, товарищ командир! Чего ждем? — с тревогой сказал Андрейка, повернувшись к командиру.

— Помалкивай!— неожиданно грубо оборвал его Мезенцев.— Когда нужно будет, тогда и ударим...

Андрейка, обиженно засопев, повел биноклем вправо и замер. Там, из недавно еще, казалось, пустых окопов

раз за разом выплескивались темно-серые волны колчаковцев. Они то сползались, то растекались, пока не выровнялись в бесконечные четкие шеренги, ощетинившиеся штыками. Тотчас же над ними поплыли белые барашки разрывов — это ударили шрапнелью батареи красных. На какое-то время ровные линии шеренг сломались. Однако белые оправились и перебежками устремились к березняку. И сразу же ожили молчавшие пулеметы, залились бешеным лаем. Но и пулеметы оказались бессильны — шеренги сливались в лавину; громкое «ура» разорвало воздух и заглушило канонаду.

Навстречу из окопов выскочили красноармейцы, схлестнулись с врагом врукопашную. Андрейка видел в бинокль, как люди сталкивались, нагоняли друг друга, взмахивали винтовками... В голове мелькнула соблазнительная мысль: если сейчас ударить отсюда эскадроном, все изменится — белые побегут без оглядки... Но где его взять, эскадрон, когда у Мезенцева — только взвод разведчиков?..

И будто прочитав мысли Андрейки, командир эскадрона бросил в это время конников на рубеж атаки. У паренька от радости захолонуло сердце, когда он услышал, как нарастает за спиной тяжелый конский топот... Вот уже кавалеристы рядом, Мезенцев быстро докладывает комэску обстановку; и уже взвод разведчиков пристраивается к флангу конников.

— Не пропустим Колчака к Вятке! Шаш-ки вон! На белых гадов вперед!

Бешеный взмах клинка комэска сорвал Андрейку с места, он резко пришпорил коня и выскочил вперед. Тут же, спохватившись, натянул повод, про
ред Мезенцева. Да скакать было и не
нелась болотная жижа...

Но вот она преодо
мчится вместе с

— Впе

Анд
невозм
возб

будто он и все конники не скачут, а летят, парят в воздухе, отчего все сливается вокруг.

Все-таки вскоре он сумел рассмотреть, что густые цепи белогвардейцев смяли передовую линию наших пехотинцев; те пятились, жались к окопам. Но вот белогвардейцы увидели красных конников. Стройные цепи смешались, обезумевшие от страха люди сбились в кучи.

Конники смело врезались в толпы, направо и налево раздавая удары шашек.

Андрейка вслед за Даниловым взлетел на пригорок и скорее почувствовал, чем увидел, что в него целится солдат.

— Берегись! — раздался голос Данилова.

Глаза паренька сами зажмурились перед смертельной опасностью, но мгновенную мысль о ней прервал выстрел, после которого странно было чувствовать себя живым... Поняв, что солдат с испугу промахнулся, Андрейка поднял коня на дыбы и, склонившись всем корпусом вправо, нанес ему удар маленькой шашкой. В тот же миг, как он это сделал, все оживление его вдруг пропало.

Андрейка ясно видел, как солдат ткнулся лицом в песок. Он не знал, что тот упал не столько от удара клинка, который лишь скользнул по его плечу, сколько от страха.

— Убил?..— с дрожью в голосе прошептал Андрейка.

Сдержав коня, он обернулся к поверженному врагу, этому низкорослому, щупленькому мужичку. Тот уже сидел на земле и с ужасом щурился снизу вверх на Андрейку, видимо, ожидая нового удара.

... было самое обычное, крестьянское. Еще ...йка решил, что с ним делать, солдат

...упавшему под-
...ковцев...
...ачался.

...о

2.

Настольные лампы под голубыми абажурами мягким светом заливали спальный вагон. Голубели плюшевая обивка и шторы. Массивный письменный стол, стоящий поперек вагона, делил его на две неравные части. Большие шкафы выстроились вдоль простенков.

В кресле за столом сидел военный, крепко сложенный, лысый. Странными были его глаза на морщинистом, сердитом лице: правый, коричневый, смотрел строго, тяжеловесно, зато другой, голубой, словно споря с ним, мило поблескивал.

Время от времени низким басом гудели телефоны.

Военный каждый раз неторопливо отрывался от лежавших на столе бумаг и пухлой с прожилками рукой брался за трубку. Вот и сейчас он сипло прохрипел:

— Да, я... Слушаю... Поймали разведчиков?.. Сколько?.. Да, да, допросить... И в расход!..

Только он положил трубку на рычаг и откинулся в кресле, как требовательный зуммер большого аппарата в желтом футляре подкинул его с места.

— Полковник Угрюмов слушает!.. Да, да, ваше превосходительство!.. Будет исполнено!.. Нет, пока не прояснилось. Скоро уточним... Ждем «пятого»...— он замолчал. Слушая, все больше и больше мрачнел. Лицо постепенно покрывала испарина. Наконец, он еле выдавил:— Постараюсь, ваше превосходительство, постараюсь... Будет исполнено!

Полковник медленно опустил трубку на рычаг. Отдышавшись, нажал кнопку звонка.

Щеголеватый адъютант с погонами штабс-капитана молча скользнул в кабинет и застыл в почтительной позе у двери.

Не глядя на вошедшего, полковник спросил:

— Что слышно о «пятом»?

— Есть сообщение, Арнольд Петрович...

Фамильярность в обращении показывала, что они доверяют друг другу.

— Что же вы молчите?— раздраженно и вместе с тем обрадованно повернулся к вошедшему полковник.— Звонил генерал Лебедев. Понимаете?

Адъютант понимающе кивнул головой и стал поспешно докладывать:

— Из оперотдела корпуса сообщили, что «пятый» работает в разведке бригады Северихина и днями будет здесь...

— Что же он медлит?— нервно проговорил полковник.— Если мы не установим, где и когда красные готовят наступление, адмирал спустит с нас шкуру... Имейте это в виду... Короче, как только «пятый» появится, немедленно его ко мне!.. Если же будет звонить — включить на мой прямой провод!

3.

Мелко сеет дождь. Деревенька спит. Темны подслеповатые окна домишек. Только в крайней избе еле мигает коптилка. Подтянутый командир в застегнутой на все пуговицы гимнастерке ходит маленькими упругими шагами по тесной комнатушке. Движения его быстры, порывисты. Черные волосы зачесаны на пробор; синеют свежевыбритые щеки; строгие темные глаза следят за сидящим у стола собеседником. Это — Азин, командир легендарной дивизии. Вот он остановился перед столом и проговорил:

— В общем, могу тебя обрадовать, Северихин: настало время наступать. Понял, дружище? Хватит обороняться...

— Так затем тебя и вызывали в штаб армии, к Шорину? — Северихин вскинул на начдива глаза, и широкая улыбка осветила его молодое лицо.

— Да, за этим... Южная группа наших армий уже громит колчаковцев...

Командиры склонились над развернутой на столе картой. Северихин, с интересом слушая Азина, задумчиво пощипывал аккуратно подстриженные густые усы.

— Вот почему придется твоей бригаде продержаться еще дней пять,— сказал Азин, закончив свои объяснения, и выпрямился.— Знаю, что сегодня целая дивизия на вас навалилась. И знаю, что отборный колчаковский полк не так-то просто вырубить... Но, несмотря на потери, продержаться придется. А там подойдут свежие дивизии. Они нас сменят.

— А мы куда?— быстро спросил Северихин.

Начдив заметил промелькнувшую в его взгляде тре-

вогу: уж не отведут ли бригаду в тыл накануне таких важных событий? И тотчас успокоил:

— Нам теперь путь один: вперед, на Урал.

Северихин, внимательно поглядев на него, спросил:

— Разве удар будет не отсюда, от моста?

Азин хитро подмигнул, ткнул пальцем в карту:

— Смотри. Сменившие тебя части поведут наступление с твоих позиций. Но это так, чтобы отвлечь врага... Мы же с тобой ударим вот здесь,— палец Азина скользнул к устью Вятки, прошел Елабугу, Ижевск и остановился на Каме.— Тут они нас не ждут...

— Значит, думаешь запереть колчаковцев в этих лесах?— глаза Северихина, радостно блеснув, вновь опустились на карту.

— Правильно понял!— подтвердил Азин.— Сейчас у нас для этой операции сил хватит. Сам знаешь, пополнение получили: тысячи бойцов, да каких! Коммунисты! Комсомольцы! Это, брат, силища... А наши-то орлы? Сколько бед вынесли, а не согнулись, выстояли! Я вот подготовил проект приказа о наступлении. Почитай. Что надо, исправим вместе...

Северихин взял сложенный вчетверо лист бумаги, развернул. Чем дальше он читал, тем оживленнее становилось его лицо.

«Звездоносцы, боевые орлы двадцать восьмой стрелковой дивизии! За год существования нашей доблестной дивизии тернист, но славен путь борьбы, пройденный нами. Не одна лавровая ветвь вплетена вами в победоносный венец пролетарской революции — их много. Славные бои с чехословаками под Казанью, взятие Чистополя, Елабуги, Сарапула, Ижевска — вот те кроваво-красные рубины, которые вкраплены вашими руками в страницу боевой истории. Победным шествием, сплошным триумфом был для вас минувший год. Но ежедневные бои в тридцатиградусные морозы, тяжелые переходы по глубоким сугробам снегов, физическая усталость и сменный перевес противника сделали свое пагубное дело — мы должны были отступать. С болью в сердце вы уходили с мест, купленных ценою крови наших дорогих товарищей. Тяжел был путь отступления, но вы с честью вышли из-под удара наймитов капитала, чтобы здесь, за рекой Вяткой, собраться с силами и вновь обрушиться на заклятого врага великой револю-

ции. Довольно отступления! Ни шагу назад! Революция нас призывает идти на рубежи Урала...»

Картина за картиной проносились в голове Северихина, пока он читал приказ. За этот год произошло столько событий, что иному человеку хватило бы их на всю жизнь. Именно они, эти события, скрепили дружбу Северихина с начдивом...

Вот они вместе с Азиным создают в Вятке первый батальон Уральского полка, подавляют белогвардейские заговоры и кулацкие выступления в губернии. Когда восстали белочехи, батальон был брошен на фронт под Казанью. В жестоких боях из разрозненных партизанских отрядов сцементировалась крепкая Арская группа войск, штурмовавшая Казань...

Заполыхало пламя Ижевского эсеровского восстания, начались тяжелые бои под Агрызью, Сарапулом, Ижевском... Белогвардейское восстание подавлено, но отдыхать не пришлось: через Урал перевалили армии адмирала Колчака. Навстречу им выступили азинские полки, теперь составившие двадцать восьмую дивизию. Крепко были биты колчаковцы за Сарапулом. Однако силы оказались неравными. Лютой зимой в снежных заносах пришлось дивизии Азина прикрывать отход войск всей Второй армии от берегов Камы... Было неимоверно тяжело. Измученные, обмороженные бойцы днем сражались, а ночью грузили в эшелоны хлеб для голодающих... А когда дивизия была окружена, и уже казалось, что она погибнет, Азин повел полки в атаку, прорвал вражеское окружение и сумел вывезти к реке Вятке не только больных и раненых красноармейцев, но и материальные ценности. Всего труднее пришлось бригаде Северихина. Она прорывала кольцо окружения и прикрывала отход дивизии... И вот — желанное наступление!..

Азин испытующе смотрел на своего комбрига.

Северихин поднял на него глаза:

— Хорошо написал! Такой приказ дойдет до сердца каждого бойца... Правильно: «Революция нас призывает идти на рубежи Урала!..»

— Да, только так... Ленин пишет, что если мы до зимы не вернем Урал, то революция погибнет... А сейчас давай, Алексей, поговорим о том, зачем я приехал к тебе. Смотри сюда...— и Азин снова склонился над картой.—

Видишь? Обходная колонна генерала Пепеляева по Сибирскому тракту глубоко вклинилась в тыл нашей армии, вышла к реке Вятке до устья Кильмези, пробирается к Нолинску. А это значит...

— Это значит, что белые стремятся окружить Третью армию!— возбужденно воскликнул Северихин. — Ишь что надумали! Это позволило бы им выйти на Песковский завод и Слободской с севера и Котельнич—с юга.

— Вот именно. Тридцатая дивизия отошла в леса и болота вправо от тракта, растянула свой фронт на двести километров. Ей сейчас вдвое, нет, впятеро тяжелее, чем нам. Связи с ней у нас нет. Линия фронта ежедневно меняется. Последнее сообщение из Вятки неутешительно: части тридцатой, ведя напряженные бои, отходят, уже сдали врагу Валамас. Большие трудности у них с подвозом припасов, подкреплений. А ведь там сражаются уральцы, рабочий класс, народ стойкий... Вот я и думаю послать туда для связи наших людей, самых верных и надежных разведчиков...

Северихин кивнул головой в знак согласия. Но молчал — ждал объяснения задачи.

Азин, распрямившись, продолжил:

— Они пройдут по колчаковским тылам, разведают, что и как... Это нам очень важно знать... А главное, доставят в тридцатую наш пакет о предстоящем наступлении. Хочу предложить, чтобы там выделили ударную группу. Представляешь, если бы они смогли ее двинуть на Валамас, на Игру и далее к Каме? А? Тут бы мы и встретились! Но для этого надо прямо с командиром тридцатой связаться, как, понимаешь, с боевым соседом и другом.

— Здорово!.. Честное слово, здорово!— воскликнул Северихин.— Вышло бы полное окружение почти трех неприятельских корпусов!

— Вот именно... Так найдутся у тебя надежные люди для выполнения задания?

Северихин усмехнулся:

— Как не найтись...

— Ну, и кого бы ты думал?

— Да Мезенцева, в первую очередь...

— Верно. Мои мысли читаешь...

Долго мигала коптилка, тускло освещая сидящих рядом друзей. А за окном все сеял и сеял дождь...

4.

— Ответственное задание доверяет тебе Азин!

Мезенцев вытянулся:

— Исполню, товарищ комбриг!

— Не торопись, разведчик. Садись и слушай...

Мезенцев присел на край табуретки, замер.

— Вот здесь, в районе Сюмсей, стоят части тридцатой дивизии. Помнишь, вместе с ними весной отбивались?— Северихин, склонившийся к карте, оторвал от нее взгляд и посмотрел на Мезенцева.

— Еще бы не помнить,— отозвался тот.— Уральцы!

— Они растянули фронт по реке,— пальцы комбрига циркулем прошлись по сплошным зеленым квадратам карты.— Если тридцатая одновременно ударит по Пепеляеву, то мы сможем через месяц выйти к Каме, а через два — возьмем Урал. Понятна мысль?

— Понятна... Значит, нужно пробраться по тылам врага в тридцатую?

— Совершенно верно... Можно было бы окольным путем, через Вятку. Но сам знаешь, времени потребуется много. Связи нет. Да и какая-нибудь контра телеграфную шифровку может белым передать... А этот маршрут заодно позволит разведать, что у колчаковцев делается, каково настроение солдат...

— Одному идти прикажете?— спросил Мезенцев.

— Почему же одному? Одному трудно. Прямо скажу: невозможно одному это сделать... Дорога будет нелегкой. Опасности встретишь на каждом шагу. Нужно подобрать пару верных ребят... Кого бы ты взял?

Мезенцев задумался, перебирая в памяти разведчиков.

Северихин не торопил, ждал. Закурил, пустил густое облако дыма.

— Верной кандидатурой, пожалуй, будет Данилов,— задумчиво произнес Мезенцев.

— А кто он?

— Из местных жителей. Охотник и следопыт, стрелок отменный. В германскую унтер-офицером был...

— Унтер-офицером? Не из кулаков?

— Нет. Из небогатых удмуртов.

Северихин помолчал. Потом строго взглянул в глаза разведчика:

— Что же, товарищ Мезенцев, тебе виднее. Только смотри, дело чрезвычайно ответственное... И еще одно... Мы думаем взорвать мост на реке Вале, тогда белые не смогут быстро подбрасывать сюда подкрепления... Разведайте подходы к мосту, охрану. Так сказать, сделайте это попутно. Но главное — пакет, о нем не забывайте ни на минуту!.. Кого ты еще предлагаешь?

— Может быть, Никитина, — в раздумье сказал Мезенцев.— Большой храбрости человек. Тоже на германской отличился... Но лучше дайте подумать.

— Хорошо. Подумай и доложи.

— Ясно, товарищ комбриг...— Мезенцев поднялся. Помолчав, проговорил:— Можно одну просьбу?

— Выкладывай.

— Прошу разрешения взять с собой воспитанника, Андрейку Тигунова.

Северихин нахмурился.

— Он храбрый парень, исполнительный,— добавил Мезенцев.

— Рисковать его жизнью не стоит. Особой трудности задача.

— Андрейка ходит в разведку как равный боец, — не отступал Мезенцев.— Парень имеет лично от Азина поощрение, ни разу не струсил.

— Нет, нет, не проси,— отрезал Северихин, поднимаясь. — Молод еще он, зелен. Вот вырастет, пошлем в школу красных командиров. А сейчас не могу разрешить... Вот так. Не могу!..

Он взял со стола тщательно запечатанный маленький конверт.

— Пакет непромокаемый. Положишь его в укромное место. Но не прячь далеко. При опасности он должен быть уничтожен. А это — пропуск. Пакет доставить лично комдиву тридцатой... Получите документы не сейчас, а перед уходом в разведку...

5.

Небо прояснилось. О долгом ненастье напоминали только липкая глина да мутные лужи.

Отдохнувшие кони шли размашистой рысью.

Искоса поглядывая на Мезенцева, Андрейка вздыхал. О, как не терпелось ему узнать, о чем тот говорил с

комбригом! Он пробовал завести разговор, но командир отмалчивался.

И только когда показалась деревня, где размещались разведчики, Мезенцев произнес с тяжелым вздохом:

— Придется нам с тобой, Андрейка, разлучиться... На серьезное дело меня посылают.

Андрейка даже задохнулся от такой новости.

— А как же я? Мне не доверяют?— голос его задрожал.— Все время были вместе, и вдруг?.. Я упрошу комбрига! — решительно заявил он и рванул коня.

Мезенцев перегнулся в седле, перехватил повод:

— Раз не велено, значит не велено!

Андрейка понурил голову...

На деревенской улице к Мезенцеву подбежал дневальный.

— Товарищ командир!— зашептал он взволнованно.— У нас гости. Сам Азин приехал! С бойцами беседует!

Быстро спешившись, Мезенцев побежал к избе. Но по ступенькам уже спускался Азин, окруженный красноармейцами. Он увидел Мезенцева и пошел ему навстречу, поднятой рукой предупреждая рапорт командира.

— Вольно, вольно... Здравствуй, герой. Твои друзья мне все порассказали. Молодец! Воюй так и дальше.

Пожав ему руку, Азин повернулся к Андрейке:

— А ты, комар, что нос повесил? Или кто обидел? А?

У Андрейки от этого участия оборвалось сердце. Сразу же мелькнула мысль: «Только начальник дивизии может допустить на задание с Мезенцевым; он же добрый, бинокль мне подарил...» Увидев, что разведчики подбадривающе улыбаются, Андрейка набрался храбрости и четко, по-уставному, начал:

— Прошу, товарищ начальник дивизии, разрешить мне идти на задание...— потом запнулся и сбивчиво закончил:— с Константином Михайловичем... Очень прошу!

Конец обращения рассмешил Азина. Но, погасив улыбку, он укоризненно посмотрел на Мезенцева: «Не удержался, рассказал!» — и произнес:

— Дело это взрослое и опасное... Необычная предстоит разведка.

Однако Андрейка, окончательно осмелев, продолжал горячо и прерывисто:

— Я, товарищ начальник дивизии, шесть месяцев в разведке... Сами, небось, знаете... Мне сподручнее к белым ходить, чем Данилову или кому другому. Могут посчитать за маленького... Пройду, где надо...

Азин хмурился, как будто хотел что-то возразить, но не сдержал улыбки и обернулся к Мезенцеву, отвел его в сторону:

— Как твое мнение, командир? Не подведет паренек?

— За него отвечаю как за себя!— обрадованно проговорил Мезенецев.— Разведчик испытанный.

— Ладно. Будь по-вашему... Зачисли его в состав группы. Проведете разведку моста у Валы, с докладом отправите Андрейку обратно.

— Слушаюсь, товарищ начальник дивизии!— отчеканил Мезенцев.

— Но запомни: о цели разведки никто не должен знать. А за паренька отвечаешь мне головой.

Глава вторая

В опасный путь

1.

Смеркалось. Разведчики сидели на небольшой поляне у костра. На утре они сумели пробраться через линию фронта, отмахали за день шестьдесят километров с гаком и сейчас блаженно отдыхали после скромного ужина.

Тихо кругом. Только слышно, как стреноженные кони раздирают заросли ивняка.

Зацокал с переливами соловей. Прислушался. Снова издал нежную трель. Ему ответил второй, третий...

Разговор тек медленно и лениво. Разведчики беззлобно подшучивали над Даниловым: он признался, что мечтает о свадьбе.

— А нас на свадьбу позовешь?— пошутил Мезенцев.

— Как не позвать?— отозвался Данилов.— Позову, однако. Кумышкой поить буду, лепешкам кормить.

— Значит, справно живешь? — полюбопытствовал Никитин, стройный, щеголеватый конник с правильными чертами лица.

— Бог не обижает. Все, как надо, есть. Коровы, лошади... Три борта пчел... Фу, лешак, шинель прогорела!— Данилов бросил недокуренную самокрутку и зажал пальцами тлеющее сукно. — Все есть,— продолжал он,— и невеста есть, только бы и жить, да война не дает. Скажи, командир, долго она ищо будет?

— Как разобьем Колчака и других генералов, так и кончится.

— Разобьешь их... Больно шибко прут колчаки. Гуторят, кругом они: и на Мурмане, и на море Черном.

Мезенцев приподнялся на локте.

— Разобьем, Данилов, разобьем. Потому, за нас весь трудовой народ. Это, брат, сила!.. Скоро и наша дивизия пойдет в наступление.

Данилов насторожился:

— А где наступать будем?.. Скорей, однако, по железке? В вагоне оно сподручней, чем пехом топать.

Андрейка засмеялся, а Никитин сказал наставительно:

— О месте и сроках наступления положено знать лишь командованию... Нам же нужно быть только в курсе, куда и зачем сейчас идем.— Он повернулся к Ме-

зенцеву.— Маршрут надо выработать... Или он уже есть?

— Да, есть наметки,— отозвался командир.—Задача поставлена перед нами серьезная: надо разведать кое-какие места, узнать, что беляки намерены делать, а еще — пробраться в расположение тридцатой дивизии, сообщить, что нужно.

Жестом руки пригласив разведчиков подвинуться к нему поближе, Мезенцев развернул на коленях карту.

— Весь маршрут я разбил на шесть переходов. Срок выполнения задания сжатый — десять дней. Четыре из них оставляю на непредвиденные обстоятельства. Поглядите, все ли я учел?

Никитин склонился над картой.

— Выходит, мы пойдем вдоль железной дороги, а затем по тракту на Сюмси?— и поднял глаза на командира.

— Верно, на Сюмси.

Андрейка не умел читать карту и потому только переводил взгляд с Мезенцева на Никитина. Не удержался, спросил испытующе:

— Товарищ командир, а зачем мы пойдем в тридцатую? Наверно, письмо им доставим?

— Письмо?.. Ишь ты, брат,— усмехнулся Мезенцев.— Да оно у меня в голове лежит... Понял, герой?

Глаза Андрейки вспыхнули. Он знал, что задание известно только Мезенцеву, и понял, что дал промашку, допытываясь о письме. Чтобы не казаться несмышленышем, заговорил торопливо:

— Я вот еще что надумал, товарищ командир...

И он горячо стал выкладывать свой план:

— Идем мы тихо-смирно по железной дороге, вдруг навстречу бронепоезд катит... На нашу бригаду! Мы под рельсы гранату. Бах! И нет белых. Как? Здорово?

— Здорово, да не очень,— невольно улыбнувшись, проговорил Мезенцев. И став строже, добавил:— Нас не бахать послали, а с боевым приказом. Дошло?.. Наша задача — пройти незаметно. По возможности в драку не лезть...

— Только такое решение и разумно,— неторопливо поддержал командира Никитин.— Времени нам дано мало, и рисковать нет смысла. Лучше давайте уточним маршрут...

2.

Предутренняя мгла понемногу рассеивалась. Разведчики, поеживаясь от свежести, готовились в дальнейший путь. Кони были уже оседланы.

Мезенцев знал, что успех разведки решали только постоянное движение, быстрая смена остановок и бдительность. Он еще и еще раз перебирал в уме все, что могло им помешать. Оглядев ладные фигуры разведчиков, произнес удовлетворенно:

— Ну, кажется, все уточнили,— он провел тыльной стороной руки по усам; глаза сузились, губы упрямо сжались.— Тронемся в путь, друзья! Если случится кому-нибудь отстать, держитесь железной дороги или реки. По лесу на конях быстро не проберешься, давайте выезжать на дорогу... Ты, Данилов, пойдешь в головном дозоре. Чуть что заметишь, прячься в лес и подавай нам знак.

— Какой?— спросил Данилов.

— Ты же охотник. Птицей попробуй.

— Соловьем не горазд,— вздохнул Данилов.— Вот ежели сорокой,— и он ловко затрещал.

— Неплохо,— одобрил Мезенцев.— Договоримся так: даешь этот сигнал, если увидишь мирных людей. А если военные, то, допустим, кукушкой. Сумеешь?

— Это уж как есть,— самодовольно заметил Данилов и закуковал. Кукушка у него получилась тоже отменная.

Андрейка держал свою лошадь в поводу, ожидая команды садиться. Озноб пробежал по его спине то ли от утреннего холода, то ли от нервного напряжения. Он крепился, но не мог сдержать волнения. Ему казалось, что Мезенцев забыл о нем, не считает его равноправным разведчиком.

— Товарищ командир,— попросил он,— дайте мне тоже поручение. Как Данилову.

Командир оглянулся, посмотрел строго:

— Не суйся поперед батьки в пекло.

Андрейка обиженно шмыгнул носом и вяло взобрался на седло.

— Лошадь не гнать,— напутствовал командир дозорного.— Оружие проверить, да смотри, чтоб ничего не бренчало!

Андрейка ехал молча. Все было для него ново: дальность маршрута, загадочность задания, ежеминутное ожидание встречи с врагом...

Всадники осторожно двигались неезженной дорогой под нависшими соснами. Лошади шли размеренным, ровным шагом. Солнце выглянуло краем из-за горизонта, его лучи упали слабым отражением на узкую лесную просеку. Дорога часто петляла, как бы пробиваясь между деревьями.

Андрейке казалось, будто из-за каждой мохнатой ели выглядывает глаз вражеского лазутчика. Он постоянно настораживался, рука сама тянулась к карабину. Напряжение седока передавалось лошади. Она нервно взмахивала хвостом и стремилась сорваться в галоп.

— Скоро ли, Константин Михайлович, мы этот лес проедем?— спросил после долгого молчания Андрейка.— Что-то он мне не нравится.

— Скоро, скоро,— отозвался Мезенцев и добавил шутливо: — А ты, случаем, не трусишь?

— Нет, только как-то не по себе,— признался Андрейка.

— А мне разве весело?.. Зря не нервничай. Не забывай, что ты азинец!

Андрейка невольно подтянулся.

3

Сорочий треск прозвучал резко и неожиданно.

Мезенцев вздрогнул, натянул повод. Конь остановился. Командир поманил к себе пальцем Андрейку.

— Смотри, парень, не горячись,— командир сжал его локоть.— А карабин, хотя и мирные жители едут, приготовь для случая...

Мезенцев провел по бокам коня шенкелями и мгновенно скрылся в придорожных зарослях. Никитин с Андрейкой последовали за ним.

В тишину леса ворвалось скрипение немазаных колес и пьяное пение. На повороте дороги показалась пара гнедых, запряженных в крестьянскую телегу. Свесивший ноги возница погонял лошадей. Двое подгулявших попов с непокрытыми головами, в расстегнутых подрясниках, обнявшись, покачивались из стороны в сторону и пели:

Поедем, красотка, кататься,
Давно я тебя не видал...

Мезенцев быстро нацепил на свой офицерский китель погоны и спокойно выехал на дорогу.

Андрейка напряженно следил за ним сквозь заросли. Вот возница, увидев офицера, поспешно остановил лошадей; торопливо натянув на черный подрясник шинель, нахлобучив фуражку, шагнул к Мезенцеву и, различив на его плечах погоны штабс-капитана, отрапортовал, неловко держа руку у козырька:

— Следуем с заставы в расположение части, ваше благородие!

Остальные так же быстро соскочили с телеги.

Андрейка недоуменно смотрел на попов, превратившихся в солдат. Ему приходилось видеть всяких колчаковцев, но чтобы попы воевали—этого он не встречал. Оглянулся на Никитина, ища глазами у него ответа.

Никитин молчал, напряженно из-за кустов вглядывался в лица попов.

Андрейке показалось, что и командир чуть-чуть растерялся от неожиданной встречи. Видимо, для того, чтобы выиграть время, он не спеша достал портсигар и чиркнул зажигалкой. И только после этого небрежно спросил:

— Что же это вы, святые отцы, в шинелях и с винтовками?

Попы смутились.

Лишь длинноногий возница глянул смело и громко отрапортовал:

— Мы—рядовые христолюбивого воинства. Иначе: солдаты полка имени Иисуса Христа, первого батальона, пятой роты.

— Постой, постой...— перебил его Мезенцев.— Что-то я не пойму! Вы попы или не попы?

— Клянусь святым престолом,— вмешался в разговор черноволосый поп,— я приходский священник. Из-под Тюмени... Нас таких — целый полк,— степенно добавил он, приосанившись.

— С кем же вы тут, в лесах, воюете?— все больше удивлялся Мезенцев.— С самогонкой, как вижу?

— Бес, живущий в теле, вопиет о наслаждениях,— потупил в смущении глаза другой поп, невысокий ростом.— Мы молитвой изгоним сонму сатанинину...

— Идет война великая,— перебил возница.— Паче всех войн, доныне бывших. Святой долг наш — изничтожить скверну большевистскую, нехристей-коммунистов изгнать с России-матушки...— возница передохнул и уже спокойнее закончил:— Стоим мы заставой на деревне в пяти верстах отсюда. Имеем наивысочайшее распоряжение у всех проезжих документы проверять.

Боясь, что попы вздумают проверять документы у командира, Андрейка напрягся, крепко стиснул рукой ложе карабина.

— Ах вот как?— искусственно рассмеялся Мезенцев и сказал громко:— Хорошо, видно, вам живется! Мы на фронте с красными бьемся, жизни не жалеем, а вы по теплым избам от дождя прячетесь да самогон глушите?

— Грешны, грешны, ваше благородие,— испуганно затараторил невысокий.— Так сказать, по случаю молебна о второй неделе пасхи...

— Хватит!— оборвал его Мезенцев.— Давно служите?

— Воистину недавно. С рождества христова ружья взяли,— широко перекрестился возница.— А вы какой части будете?— вдруг спросил он.

— Из Таланского отряда. Слыхал?— сказал Мезенцев.

— Как не слыхать, ваше благородие!— воскликнул длинноногий.—Сразу видно благодетелей-добровольцев! Ваш отряд, говорят, давно уже под Елабугой стоит. А вы квартирьеры, наверно? Сюда, ближе к фронту, перебрасывают?

— Это военная тайна!— снова оборвал Мезенцев и строго добавил:— А если о вашем пьянстве, о том, что службы не знаете, доложить по начальству?

Попы оторопело замолчали. Попросив позволения уехать, они торопливо полезли в телегу. Кони рванулись, подбросив ездоков на ухабине, и скрылись за поворотом.

Мезенцев проводил тревожным взглядом уехавших, повернулся к товарищам, выбравшимся из кустов, и сказал хмуро:

— Дело дрянь. Таланского отряда здесь нет, и мой маскарад с погонами ни к чему. Придется уходить на лесные тропинки, ближе к железной дороге..

Хорошо, что они предупредили о заставах. Могли бы застукать нас, как рябчиков в силке...

Разведчики рысью поскакали вдогонку Данилову. Поравнявшись с дозорным, Мезенцев сердито бросил:

— Что же ты нас подвел? Вместо гражданских — солдат подсунул.

— Разве это солдаты были? Однако, попы?— удивился Данилов.

— Вот тебе и «однако»! Это солдаты, и притом с заградительной заставы. Чуть не влипли из-за тебя,— и командир в нескольких словах рассказал о встрече.

— Шайтан попутал!— начал оправдываться Данилов.— Спрятался я в зелени, гляжу — попы... Ох, лешак, лешак, срам какой на мою голову! Что хошь делай со мной, Мезенцев!

— Ладно, ладно,— проговорил командир.— Вперед наука...

Всадники повернули с дороги на узкую просеку и вскоре скрылись за деревьями.

4.

Было уже далеко за полдень, когда разведчики добрались до железной дороги.

Андрейка приморился. Полдня бешеной скачки под весенним солнцем измотали его силы. Но когда Мезенцев, осторожно вглядываясь в светлую полосу железнодорожной просеки, проговорил в раздумье, что без разведки дальше двигаться опасно, дремота Андрейки слетела мигом. Он умоляюще посмотрел на командира, надеясь, что сейчас тот вспомнит о нем.

Взгляд Мезенцева равнодушно скользнул по нему, по Данилову и остановился на Никитине.

— Придется тебе,— сказал он.— Проверь, нет ли постов и разъездов. Да на просеку, смотри, не выезжай.

Андрейка обиженно поджал губы, но промолчал.

Никитин скоро вернулся и заявил, что ничего опасного он не обнаружил.

Мезенцев покачал головой и сказал, что пойдет на разведку сам. Соскочив с коня, он зашагал к просеке.

Андрейка видел, как командир долго осматривался вокруг, потом решительно забрался на железнодорож-

ную насыпь и приник ухом к рельсу. Торопливо вскочил на ноги и вернулся к разведчикам.

— Поезд идет! В укрытие! Смотреть в оба, что беляки на фронт везут!

Послышалось пыхтение паровоза. Вот оно стало громче, на повороте протяжно пробасил гудок. В облаке дыма показался паровоз. Поезд мчался, задыхаясь от скорости, сумасшедше гремя о рельсы. Белые клубы пара закрывали тендер. Замелькали красные вагоны-теплушки.

— Один, два... десять... пятнадцать... Ух, сколько!— шептал Андрейка.— И все с солдатами! Пожалуй, целый полк проехал!

— Эх ты, птенец-неоперыш,— ласково возразил Мезенцев, когда вагоны пробежали мимо разведчиков. — Поезд провез всего эскадрон кавалеристов.

— Откуда вы знаете? Нешто они сигнал подали какой? К тому же, кавалерия — и вдруг без лошадей,— паренек хитро подмигнул Мезенцеву: «Не проведешь, не маленький».

Мезенцев пожал плечами, однако объяснять не стал: пусть его воспитанник сам учится разбираться во всем. Сказал наставительно:

— Разведчику надо быть наблюдательным... Что ты видел в открытых люках? Ну?

— Сено,— нерешительно произнес Андрейка.

— Так, правильно. А нос твой какой запах чуял?

— Нос? Ничего не чуял, разве что дым из паровозной коптилки,— честно признался паренек.

— Эх ты, торопыга! Да конским потом пахло! А где конь и сено, там...

— Понял! Кавалерия! — обрадованно подхватил Андрейка.— Как есть, понял!

Он оживился было, но тут же помрачнел, шмыгнул сердито носом:

— Опять к фронту поехали, против наших воевать будут...

Мезенцев глубоко вздохнул, подошел к Андрейке, неловко погладил его по голове. Он лучше, чем другие, понимал, как тяжело было сейчас их бригаде. Сказал задушевно:

— Пойми, Андрейка, война есть война... Но мы все равно их разобьем. Богачи, офицеры, вся эта контра —

это чирьяк на теле. Выдавим этот чирьяк с нашей русской земли — хорошо, весело, парень, жить будем.

Разведчики прислушивались к разговору. Данилов сказал мечтательно:

— Войну кончаем — езжай ко мне в деревню, Андрюха. На охоту свожу. Медведя подвалим. Ладно?

Охотник прищелкнул языком от удовольствия.

— Не, я медведей боюсь,— запротестовал Андрейка.— Они злые.

— Сам ты медведь, Данилов,— усмехнулся Никитин.— Нашел кого звать. Он не только медведя испугается, бурундука за тигра примет.

— Нет, нет,— горячо настаивал Данилов,— из Андрейки настоящий охотник выйдет. Он храбрый парень.

— Храбрый?— неожиданно взорвался Никитин. — А первый бой? Даже солдата зарубить не сумел! Помоему, враг — что змея. Не задавишь — ужалит.

— И откуда у тебя, Никитин, такая злость на людей?— задумчиво спросил Мезенцев и, обернувшись к Андрейке, сказал:— Правильно ты, парень, поступил, что за зря не сгубил человека.

Андрейка просиял от похвалы.

— Кому-кому, а нам колчаковцев жалеть не положено,— заметил Никитин.— В белых перчатках не войну делают, а тросточку носят.

Мезенцев укоризненно покачал головой.

— В перчатках, говоришь? Их, перчаток этих, на роду у нас не нашивали. Потому мы потомственные кузнецы. Вот бросил я свой молот и пошел воевать за советскую власть. Воюю, а у самого сердце скребет, вырваться хочет оно от злости за семью мою погубленную... За жену, за дочурок...

Мезенцев обвел затуманенным взглядом разведчиков. Вполголоса добавил:

— Но мы не мстители, а красные воины, и я твердо знаю, кто враг лютый, а кто по дурости или силком к белым угодил. Для врагов у меня пощады нет... А насчет Андрейки... Его пленник уже воюет: добровольно в Красную Армию вступил...

Он осуждающе посмотрел на Никитина, но, словно не желая ссориться, переменил разговор:

— А ну-ка, Данилов, где у тебя трубка?

— Какая трубка?— непонимающе переспросил охотник.

— Телефонная; я тебе ее давал. Помнишь, с длинным шнуром?

— А-а... Есть, есть такая!— обрадовался Данилов.— В переметной сумке лежит, где овес.

— Да разве можно ее в овес заталкивать?— всплеснул руками командир.— Ведь она — штука нежная! Тащи ее быстрее!

Когда Данилов принес трубку, Мезенцев торопливо схватил ее, оглядел и, продув мембрану, облегченно вздохнул:

— Кажется, исправна. А могла сломаться, чертяка ты этакий,— и, уже успокоившись, проговорил в раздумье: — Вот только кто сумеет на столб влезть?

— Давайте я,— охотно вызвался Андрейка.

Мезенцев оглядел его оценивающим взглядом и, ничего не сказав, оглянулся на взрослых разведчиков.

— Я попробую,— поднялся Никитин и снял гимнастерку.

Выслушав, что надо будет делать с трубкой, он подошел к столбу, примерился глазами, подскочил и полез. Но скоро сполз обратно.

— Не могу,— заявил он.— Скользит...

Не удалось взобраться на столб и Данилову.

Увидев, что Андрейка сжимает в руках завязанный ремень, командир сказал, догадавшись:

— Ну, давай... Я вижу, ты уже и петлю подготовил? Подсадите, ребята, его мне на плечи, все меньше лезть придется.

Андрейка поднял руку:

— Подождите, товарищ командир,— и побежал к лесу.

Когда он остановился у сосны и начал натирать петлю и руки светло-желтой липкой смолой, взрослые разведчики поняли, что Андрейка их перехитрил.

— Сейчас получится, — сказал он уверенно.— Вы не беспокойтесь, товарищ командир, я запомнил, как с трубкой обращаться, когда вы Никитину про это говорили.

Андрейка согнул петлю вдвое, обернул ею столб и вдел в нее ноги.

Скоро он стоял уже на нижнем изоляторе и не без гордости поглядывал на товарищей. Потом с торжеством извлек из кармана телефонную трубку, откашлялся и важным голосом спросил:

— На который цеплять-то?

— Начинай с нижнего,— посоветовал Мезенцев. — Только клапан не нажимай, а то тебя слышно будет... Что услышишь, сразу рассказывай.

Андрейка нацепил зажим шнура на провод и прижался ухом к трубке. В ней что-то потрескивало, но не слышно было ни одного слова. Он пересадил зажим на второй провод. То же... Зацепил на верхний, — и тут молчание.

— Никто не говорит,— сказал он разочарованно и пошутил грустно:— Спать легли и нам велели...

— Подожди немножко, Андрейка, — попросил Мезенцев.

Тот ждал терпеливо, переставляя зажим с провода на провод... Все напрасно. Ноги у него затекли, руки устали держаться за столб, кружилась голова.

— Не могу больше!— взмолился наконец он.

Мезенцев вздохнул, молвил недовольно:

— Ну, тогда слезай.

Когда, примерно через час, командир приказал Андрейке забраться на столб вторично, мальчик делал это уже без охоты. Он снова переставлял зажим с провода на провод, и вся затея казалась ему бессмысленной.

Так и есть. И на этот раз паренек ничего не слышал... Он совсем уже было собрался спуститься на землю, как вдруг в трубке послышался разговор. Лицо Андрейки просияло, он закричал обрадованно:

— Там Сосновку вызывают! Коменданта требуют... А вот новый человек заговорил... Назвал себя полковником!— и Андрейка еще сильнее прижал трубку к уху.— Говорит о каком-то «пятом». Велит, если «пятый» появится, чтобы немедленно ему сообщили.

— Слушай внимательно!— приказал командир.

— Константин Михайлович!— опять закричал Андрейка.— Командующий корпусом Гривин завтра вечером здесь проезжать будет. На бронепоезде. Велено усилить охрану путей и особенно моста через Валу...

Новости были так интересны, что Андрейка забыл об усталости, о затекшей ноге, о врезавшемся в тело

ремне. И хотя разговор закончился, он все еще продолжал напряженно прижимать трубку к уху.

— Слазь, Андрейка, слазь,— разрешил Мезенцев.— Мы тебя поддержим.

Андрейка нехотя отключил трубку и стал медленно сползать по столбу. Дюжие руки красноармейцев подхватили мальчика, осторожно поставили его на землю.

— Молодец! Важные вести узнал,— довольно проговорил Мезенцев и подвел его к груде зеленых веток.— Присядь, отдохни... Вот только о каком «пятом» разговор шел, не понимаю....

Данилов и Никитин переглянулись и пожали плечами.

А паренек, счастливый похвалой командира, устало опустился на ветки и с удовольствием вытянулся на зеленой постели. Закрыв глаза, стал мысленно строить планы захвата белого генерала. Вот он, Андрейка, взорвав путь, встречает бронепоезд; вот он ведет пленного генерала в бригаду, и сам Азин крепко жмет руку разведчику...

— Генерал решил в гости пожаловать,— говорил Никитин, подбрасывая ветки в костер.— А что, если нам подорвать мост на Вале? Выкупаем высокого гостя в реке. Как, командир?

Услышав такие слова, Андрейка сразу отвлекся от своих мыслей и стал ждать, что на это ответит Мезенцев.

Тот долго молчал; потом проговорил устало:

— Взрывать мост команды не было... Нам приказано только разведать подступы к нему и не уклоняться от выполнения основного задания, не терять времени.

Но тут, к Андрейкиной радости, в разговор вступил Данилов.

— По-моему, Никитин дело говорит,— сказал он.— Сам бог его нам послал: сказывал Никитин, что сапером служил, ему сподручно.

Однако Мезенцев не согласился и с этим доводом и заявил твердо:

— Взрыв моста я не могу разрешить. И вообще, оставим этот разговор.

Впервые Андрейка по-настоящему обиделся на командира. Хотелось спорить с ним, доказывать, что тот неправ... Он долго ворочался на своем ложе из еловых

ветвей, закрывался с головой шинелью, ложился и на бок, и на спину, но никак не мог уснуть. Картины пленения генерала — одна заманчивее другой — проносились в его голове..

5.

Глухая ночь. Лес молчит. Только иногда раздается жалобный стон филина: «Фу-бу! Фу-бу!» И опять тишина.

В ельнике глубоким сном забылись разведчики. Склонил голову и Андрейка, назначенный часовым. Похрустывает сочная трава — пасутся кони...

Но вот один из разведчиков поднял голову. Долго наблюдал за уснувшими. Потом привстал, осторожно шагнул к лежащим на земле седлам, достал телефонную трубку и тенью скользнул в заросли. Под быстрыми, легкими шагами не треснула ни одна веточка.

Он выбрался из леса, огляделся и прислушался. Тишина... Подошел к телефонному столбу. Используя изготовленную Андреем петлю, как кошка, влез наверх и торопливо присоединил трубку к проводу. Стал ждать. Время, казалось, тянулось томительно медленно. Наконец, кто-то настойчиво стал вызывать Агрыз.

— Алло! Алло! Вы слышите меня?— зашептал в трубку человек на столбе.

— Сосновка! Не мешайте!— оборвали его.

— Какая к черту Сосновка!— уже раздраженно сказал он.— Кто это говорит?

— Штаб Угрюмова,— раздался осторожный голос.— А вы кто?

— Мне лично полковника. Говорит «пятый»! Поняли? «Пятый»!

— Сейчас! Сейчас! Подождите минутку...

Аппарат замолк. Потом щелкнул.

— Алло! «Пятый»?— донесся возбужденный хрипловатый голос.— Откуда вы? Как дела? Докладывайте!

— Иду в составе красной разведки, Арнольд Петрович. Направление держим на Сюмси.

— Так, так. Очень интересно... Видимо, речь идет об установлении контакта с тридцатой дивизией?

— Совершенно точно.

— Нам нужен пакет! Он есть? Надо добыть его любой ценой.

— О пакете неизвестно. Задание знает только командир разведки. Его нужно взять живым. Мне не суметь: их трое, а я один.

— Заманите в ловушку.

— У меня план, Арнольд Петрович...

— Какой?

— Разведчики намерены пройти к мосту через Валу... Возможна диверсия...

— Когда там будете? Где сейчас находитесь?

— Будем у моста завтра к ночи. Находимся в одном переходе от него у линии железной дороги.

— Все остальное будет сделано. Вы откуда говорите?

— С телеграфного столба...

— Ваш одиночный выстрел будет сигналом. Поняли? Постарайтесь помочь в захвате вожака! Жду обстоятельных донесений.

— Подробный доклад мною составлен. Остальное должен рассказать командир разведки.

— Заставим его развязать язык! До свидания. Желаю успеха!

Голос полковника смолк. Щелкнул выключенный аппарат.

Человек быстро соскользнул на землю, пугливо огляделся и торопливо зашагал к лагерю. Увидев, что все спят, он облегченно вздохнул, вытер платком вспотевший лоб и в изнеможении прислонился к сосне...

Яркие звезды на небе блекли. Над горизонтом прорезывалась бледная каемка рассвета.

Глава третья

Засада

1.

Разведчики ехали молча, изредка знаками переговариваясь между собой. Чтобы обезопасить свой путь, пробирались лесными тропами, продирались через глухие заросли. Лошади мягко ступали по земле обернутыми в

тряпки копытами. Мезенцев часто поглядывал на карту, сверялся по компасу, чутко прислушивался к доносившимся издали паровозным гудкам.

К концу дня лес расступился, открылась широкая ровная луговина. Вдали искрилась, переливаясь под солнечными лучами, полноводная река. Извилистые берега ее сплошь заросли ивняком, пышными ветлами. Две ажурные арки железнодорожного моста повисли над водной гладью. На мосту маячили фигурки солдат. Они казались смешными маленькими куклами. К мосту вплотную примкнуло приземистое серое здание. Вокруг него чернели узкие полоски окопов.

Всадники отвели коней на лесную поляну, ослабили им подпруги и пустили пастись. Мезенцев, задержав своего коня, ласково погладил его рукой по крутой шее; Буланко положил морду на плечо хозяина.

Потом, хоронясь за кустами, командир внимательно оглядел окрестности и вернулся на поляну, где сидели разведчики. Закурив трубку, осторожно выпустив сизое облачко дыма, сказал:

— Давайте еще раз уточним задачу. Она должна быть ясна каждому: найти удобные подходы к мосту и узнать численность охраны... Думается, что тебе,—повернулся он к Данилову,—лучше всего остаться здесь. Глаз у тебя острый. Будешь следить за сменой караулов и секретов... Ну а мы трое постараемся пробраться поближе к мосту...

Андрейка все еще ждал, что командир вспомнит о вчерашнем предложении, но поняв, что тот окончательно отказался от мысли взорвать мост, не выдержал и взмолился:

— Константин Михайлович! Доверьте нам с Никитиным взорвать рельсы. Нас только похвалят за это...

— Я думаю,—поддержал Никитин,—что мальчишка в принципе прав. Победителей не судят... А дело мы сделаем большое. Только, конечно, не с ним надо идти на операцию...

— Никаких операций!—прикрикнул Мезенцев.—Будем выполнять задание комбрига.

—Воля ваша,—с усмешкой отозвался Никитин и посмотрел на Данилова, словно искал у него поддержки. Но тот не решился перечить командиру и лишь тяжело засопел.

— Эх!.. — с досадой вырвалось у Андрейки.

— Охлынь, охлынь, парень! — строго сказал Мезенцев. Повернувшись к Никитину, проговорил спокойнее: — Мы с Андрейкой подойдем к мосту слева, а ты пойди справа, кустами, к реке. Еще раз напоминаю задачу: обследовать ближайшие подступы. Предупреждаю: на рожон не лезь. Если случится что, отходи скрыто к лагерю. При крайнем случае, ежели окружат или что в этом роде, дашь один выстрел. Но только в крайности...

Мезенцев поднялся, жестом руки приглашая Андрейку следовать за собой. Они осторожно пробирались сквозь кусты, придерживая карабины и оглядываясь по сторонам. Крутой откос скрывал от них мост... На песчаной косе лежала полузатопленная лодка. Андрейка удивился тому, как обрадовался Мезенцев находке; молча помог ему вытянуть лодку на берег.

Вытерев пот со лба, Мезенцев приказал Андрейке нарубить веток, чтобы замаскировать лодку. Когда дело было кончено, он внимательно осмотрелся и сказал:

— Запомни место, Андрейка,—но не объяснил, для чего.

А парень, все еще продолжая сердиться на него, не стал расспрашивать, но место запомнил крепко, благо тут была хорошая приметина — развесистая ветла.

Осторожно пробирались разведчики сквозь прибрежные кусты.

Когда до них донеслись голоса часовых и стук подкованных ботинок по настилу моста, Мезенцев приказал Андрейке подползти поближе к откосу и рассказывать, что он увидит. Потом пополз следом за ним сам.

Изучив обстановку, шепнул невесело:

— Крепко стерегут. Днем нечего тут и соваться нашим. Разве что ночью... Ну, Андрейка, настает нам время расставаться... Вот уточним расположение ночных постов, время смены часовых — и настрочим донесение комбригу. Ты и поедешь с ним...

2.

Полковник Угрюмов оправдывал свою фамилию: вечно насупленный, с приплюснутыми скулами и нависшими бровями, он казался нелюдимым. Еще в детстве у отца, известного на Урале конокрада Петра Удалого, Арнольд, или, как его звали, Родька, научился лицемерить и угождать. Сначала он угождал отцу-самодуру, затем попу — наставнику училища. За то, что выдавал священнику все ребячьи тайны, Родька был объявлен первым учеником и послан в гимназию за счет земства. Отец в минуты хорошего настроения, обычно под хмельком, давал сыну наставления, как войти в «высшее общество». И имя ему дал — Арнольд, чтобы не посчитали его «черной костью». Такого имени не было в «Святцах», да за «катеринку» уговорил попа. Легко пошел будущий полковник по жизни. Угодничество, доносы на товарищей помогли безвестному гимназисту, а затем юнкеру сделать карьеру. Павловское военное училище, Челябинский запасный полк, где в интендантстве отсидел бравый офицер всю войну с Германией... После революции Угрюмов в Сибири познакомился с генералом Шерстобитовым, начальником тыла колчаковской армии, помог ему в каких-то махинациях и оказался начальником контрразведки корпуса. С большим рвением исполнял он свои новые обязанности. И страшно боялся за блестяще начатую карьеру, готов был душу черту заложить, лишь бы выведать сведения о готовящемся наступлении красных.

Выслуживаясь перед начальством, Угрюмов был резок и груб с подчиненными, и они боялись его, как огня. Вот и сейчас прапорщик Гагин, докладывая ему, чувствовал, что голос его дрожит от волнения, но ничего не мог поделать с собой. Взгляд его, как завороженный, притягивался к прутику, которым играл сидящий на пеньке полковник.

— Наблюдение продолжаем, господин полковник,— почтительно говорил Гагин.—Разведчиков, как и следо-

вало ожидать, четверо. Остановились в перелеске. Трое подошли к реке, очевидно, у подходов к мосту...

— Оцепление сделано?—прервал его полковник.

— Так точно,—торопливо подтвердил Гагин.—Интервал — пять метров. Заяц не проскочит...

— Заяц, заяц,—проворчал Угрюмов, зло скривившись.—Не забывайте, что мы имеем дело с разведчиками. Они, как видите, пожаловали к ночи. Позаботьтесь о факелах...

— Будет исполнено, господин полковник!

Угрюмов опять поморщился и, ударив прутиком по голенищу сапога, сказал раздраженно:

— А все ли вы продумали?.. Пропустите разведчиков к мосту, замкните круг. Поставьте засаду к их лошадям на случай, если кому-нибудь удастся проскользнуть. Понятна задача?

— Понятна, господин полковник!—вытянулся офицер.

— Передайте: сигнал к началу операции — одиночный выстрел — даст наш агент... Разведчиков брать только живыми... Среди них — наш человек, офицер. Его приказы, как только он вырвется к нам, — это мои приказы...

3.

Было уже совсем темно, когда прозвучал далекий паровозный гудок. Поезд подходил все ближе и ближе и, наконец, застучал по мосту. Провожая глазами красный огонек на последнем вагоне, Андрейка почувствовал, что напряжение, которое он испытывал, охватило и Мезенцева.

И вдруг темноту ночи прорезал винтовочный выстрел.

— Неужели с Никитиным беда?—прошептал Мезенцев.

И сразу же по мосту застучали кованые ботинки, а в стороне лагеря раздались крики и стрельба.

— Напоролись!—зло выдавил командир.—Быстро отходи к лесной поляне!.. Нет, стой! Отползай к лодке! А я подожду Никитина. Беги, ну, что я сказал?..

Пригибаясь к земле, Андрейка стал торопливо пробираться через кусты. Но что это? Топот коня?.. Андрейка увидел, как к нему, нагнувшись, подбегает Мезенцев.

— Буланко!—крикнул он и пронзительно свистнул. Тотчас же раздалось в ответ конское ржание. А вслед за

этим хлестнули один за другим выстрелы, и стремительно мчавшийся конь рухнул наземь.

Командир воскликнул, задыхаясь от горечи и волнения:

— Засаду устроили, подлецы!.. Где же Данилов?

Участившаяся стрельба приближалась к реке.

Андрейка растерянно вглядывался в ночную тьму в надежде увидеть Данилова.

Грохнула граната. Затем донеслось: «Прощайте!..»

Еще взрыв!..

И стрельба стихла.

— Он!..—с глубокой болью произнес Мезенцев.—Подорвал себя...

А подросток, сжав карабин, хотел ринуться на помощь другу. Но Мезенцев с силой удержал его и, молча увлекая за руку, бросился к лодке.

Разведчиков подгоняли крики бегущих врагов, яркий свет факелов.

Эту версту до лодки Андрейка еле пробежал. Он уже задыхался от сумасшедшего бега... Но вот ветла. Он видел, как, скользя вниз, Мезенцев сильно ударился ногой о лежащее на песке бревно; прихрамывая, вытолкнул из кустов спрятанную лодку.

— А как же Никитин?—прошептал, подбегая, Андрейка.

— Не распускай нюни!—оборвал Мезенцев.—Мы его ждали... Наверно, и он погиб, или в плен захвачен... Слушай, Андрейка: в лодке нам далеко не уйти, по берегам наверняка выставлены заставы... Раздевайся!

Разведчики быстро разделись, бросили одежду вместе с оружием в лодку и столкнули ее в воду. Не чувствуя холода, Андрейка, плывя рядом, ухватился за борт и начал загребать свободной рукой.

А в это время позади них, на берегу, с десяток всадников продирались уже сквозь заросли к воде. Впереди ехал взлохмаченный верзила в пиджаке. Свет факелов зловеще падал на зелень ивняка. Кусты трещали под копытами коней.

Мезенцев поспешно обогнул лодку, замер возле Андрейки — в тени от ее борта. Уцепившись коченеющими от холода руками за бортовину, они напряженно прислушивались. Вскоре на берегу послышалось недоуменное:

— И здесь их нет, ваше благородие... Наверно, так скать, у моста схоронились...

— Помалкивай,—прозвучал за кустами раздраженный голос.— Нужно получше там поискать. Затаились, сволочи!.. Филимонов!

— Слушаю, господин прапорщик!

Андрейка, превозмогая дрожь в теле, ждал, что прикажет офицер.

— Оцепление не снимать,—проговорил тот.—Послать дозоры вверх по реке. Как рассветает, каждый куст осмотреть!

Офицер выехал на коне из кустов.

— Черт бы тебя взял, Жуков,— ворчливо произнес он.—По твоей глупости сколько моих солдат погибло!

— Виноват, ваше благородие,—испуганно отозвался верзила.—Думал живого взять.. А он гранатой себя подорвал и наших, так скать, положил...

— «Живого», «так скать»,—передразнил его офицер.—Ты же знал, что он один?

— Темно, так скать, не рассмотреть было, ваше...

— Хватит! Если не найдешь разведчиков, шкуру спущу, так и знай!

— Найду. Под землей, так скать, найду,—торопливо заверил Жуков.

Вскоре белогвардейцы отъехали. Их голоса постепенно замерли.

Слезы подступили к горлу Андрейки. Он совсем не думал ни об опасности, ни о ледяной воде.

— А может, нам вернуться, выручить Никитина, товарищ командир?—с надеждой прошептал он.

— Нет, вдвоем ничего не сделать,—с грустью сказал Мезенцев.—Да и нельзя нам рисковать заданием... Боюсь, что даже с донесением о мосте не удастся тебя послать... Пробираться дальше мне одному — можно поставить под угрозу главную цель...

Только сейчас Андрейка ощутил, какой ледяной была вода; мороз, казалось, подступал к самому сердцу... Мальчик греб из последних сил. Берег уже близко, рукой подать, — а ноги стали чужими, не слушаются...

— Константин Михайлович!—прохрипел он и, захлебнувшись, стал медленно погружаться в воду. Желтые, синие, оранжевые круги заплясали у него перед глазами.

«Конец! Все!»—мелькнуло в его голове. Однако он тут же обругал себя и с удесятеренной силой стал бороться за жизнь. Едва удалось ему вынырнуть, как острая боль пронзила голову. «Ранен!»—подумал он, не понимая, что это Мезенцев схватил его за волосы и тащит к берегу...

4.

Где-то далеко пропел петух. Ему откликнулся другой. А над рекой стояла зловещая, напряженная тишина.

Утренний холодок освежил лицо Мезенцева.

— Пора!— прошептал он и склонился над спящим.

От мягкого прикосновения его руки Андрейка вздрогнул. И так как он все еще находился во власти сна, ему показалось, что их окружили колчаковцы, что они приближаются; вот слышны их шаги... Но это были не шаги — то билось его сердце... Он открыл глаза, увидел командира и вспомнил все. Вспомнил, как тот вытащил его из воды, как помог одеться, как потом они шли, вернее, бежали долго-долго, всю ночь... Бежали и спотыкались. Падали и поднимались вновь. И, сколько было сил, уходили от страшного места. В темноте вброд переходили какие-то ручейки, ползли, хватаясь немеющими пальцами за кусты, через бесконечное вязкое болото. И снова шли, шли до тех пор, пока оба в изнеможении не свалились в кустах...

Мезенцев улыбнулся ему, протянул руку. Андрейка торопливо вскочил и скривился от боли: суставы ног не гнулись...

А Мезенцев, делая вид, что не замечает его усталости, разговаривал с ним, как с равным:

— Идти днем нам нельзя: напоремся на заставу... А идти надо....

То, что командир не собирается отсылать его назад, с донесением, придало Андрейке сил. Но, сделав первый шаг, он почувствовал, что ноги не гнутся, отказываются ему служить. От голода тошнило. Кружилась голова... И Андрейка с ужасом понял, что ему далеко не уйти.

В это время из-за поворота реки выпорхнула легкая рыбачья лодка. Ею управлял крепыш-паренек. Самотканная рубаха с завязками вместо пуговиц была заправлена у него в короткие штаны темно-фиолетового

цвета. Настороженно глядя на приближающихся людей, он нерешительно направил к ним свой ботничок. Когда паренек поравнялся с разведчиками, Мезенцев ласково окликнул его:

— Куда, молодец, спешишь в такую рань?

— Да так, по делу...— неопределенно отозвался тот, внимательно оглядывая незнакомцев.— А вы откуда будете?

— С кудыкиной горы,— усмехнулся Мезенцев. — Знаешь такую?

— Коли так, прощевайте. Мне недосуг байки разводить,— солидно, по-взрослому, ответил подросток.

— Постой, постой,— остановил его Мезенцев, видя, что он взялся было за весло. — Больно ты обидчив на шутку. Скажи, откуда сам-то?

— Я-то? Знамо, из деревни,— паренек махнул рукой на противоположную сторону реки.— С версту отселя...

— А белых, ненароком, не видел?— настороженно допытывался Мезенцев.

— Не... не видел. А что? Может, вы — красные?

Паренек внимательно оглядел разведчиков и уже уверенно сказал:

— А ведь и впрямь красные... От меня не утаишь: без погонов, а с ружьями...

Он с завистью посмотрел на Андрейкин карабин и произнес с затаенной тревогой:

— Не ровен час, беляки вас признают... Куда идете-то?

— Да вот думаем по реке вниз спускаться,— ответил Мезенцев.— Скажи, как нам лучше пройти: берегом или лесом?

— Берегом тут не пройти — болотина. Даже наши не ходят... Дорога на той стороне...

Говоря это, он продолжал посматривать на Андрейку. А тому тоже пришелся по душе этот ловкий паренек с открытым и умным взглядом. Понравилось его веснушчатое лицо, копна рыжих волос, выгоревшие под солнцем брови над рыжими глазами. Вот бы с таким вместе воевать — веселее было бы...

Мезенцеву, видимо, он тоже понравился.

— Ну, а как тебя зовут? — спросил он парнишку.

— Иваном...

— А отец у тебя где?

— С красными ушел. Он на меня похож... Не видели, случаем?— спросил тот с надеждой.

— Нет, не приходилось,— с искренним сожалением произнес командир. — А скажи-ка ты нам, Ваня, как нам дальше пробираться? Будь другом, помоги.

— Это можно, — с достоинством отозвался Иван.— Но перво-наперво мне домой надо съездить, с дедом посоветоваться. Ежели хотите, поедем вместе — переждете в бане; она с краю деревни, у леса. А как будет темно, я али дедушка проводим дальше, куда спотребуется...

— А мамка-то тебя отпустит провожать нас? — спросил Мезенцев.

— Нету у меня мамки,— грустно ответил Ваня,— умерла в прошлом году...

— Ну, ты, значит, совсем самостоятельный... Вот что, Ваня, мне отсюда уходить нельзя, у меня здесь, на берегу, еще дела есть, а вот Андрейка пойдет с тобой. Только вы с ним на глаза людям не лезьте, поаккуратнее как-нибудь. Сведи его к своему деду, пусть поговорят.

Мезенцев притянул к себе Андрейку, взял у него оружие и шепотом объяснил ему, что он должен узнать.

5.

— Эй, открывайте!— в ворота стучали чем-то тяжелым. Набросив на себя Ванину одежонку, Андрейка быстро вскочил с лавки. Сна как не бывало. Подбежал к окну: солдаты уже взломали ворота.

— Ты только, Вань, не бойся,— торопливо заговорил Андрейка.— Если будут про меня спрашивать, скажи, что братенник я, понял?

— Понял, только боюсь,— прошептал перепуганный Ваня.

В это время дверь с треском распахнулась, и в избу ввалилось несколько солдат.

Не обращая внимания на подростков, они стали шарить в сундуке, полезли в подполье.

— Абрамов, слышишь?— раздался со двора сиплый голос.— На дворе ничего не нашли.

Один из военных распрямился над сундуком, глянул на подростков.

— Где отец, мать?

— Нету их...— еле слышно пролепетал Ваня.— А дедушка ушел куда-то....

— Раз нет старших, сами пойдете на сход.

Пареньков вытолкали из избы и погнали на площадь к пожарному сараю. И хотя она была уже забита народом, по деревне все еще сновали солдаты. Из покосившихся ветхих избушек, словно из нор, вылезали мужики и, настороженно оглядываясь на солдат, молча брели к пожарному сараю. Женщины теснились отдельной кучкой у высокой рябины. Вездесущие ребятишки крутились возле обоза беляков, изумленно поглядывая на невиданную машину — пулемет, который уставился тупой мордой на толпу.

Незаметно, бочком, Андрейка с Ваней замешались в гомонящую толпу крестьян, прижались к изгороди между избами. «В случае чего, легче будет уйти»,— решил Андрейка и глазами наметил путь бегства: через малинник на гумно, а там, задами, к реке.

Постепенно толпа затихла. Многие мужики сняли картузы и шапки. Андрейка оглянулся. Из большого дома с зеленой крышей выходили люди. Впереди вышагивал офицер в английском френче и широченных галифе. За ним следовали бородачи в справной одежде.

— Смотри, Андрейка,— зашептал Ваня.— Этот офицер у нас не впервой, Гагин по фамилии. Я по ушам его узнал: они у него, как лопухи.

— Тише ты,— одернул его Андрейка.

Он скорее догадался, чем узнал, что этот Гагин — тот самый офицер, который командовал облавой у моста.

Один из бородачей, широкоплечий мужик в суконном пиджаке и картузе с лакированным козырьком, тороп-

ливо догнал офицера, изогнулся в поклоне:

— Все в сборе, ваше благородие.

— Вижу,— небрежно произнес Гагин и обтер платком потный лоб. Тяжело взобрался на телегу; пошатнулся, ухватился за щиток «максима».

— Этот, что говорил с офицером,— продолжал шептать Ваня,— первеющий богач — Мирон Силыч...

— Шап-ки долой! — прокричал Мирон Силыч. — Их благородие будут говорить!

Прапорщик взмахнул плеткой и начал речь:

— Землепашцы! Я, как представитель вашей народной армии, великой армии адмирала Колчака, прибыл в деревню, чтобы напомнить ваш долг. Наше христолюбивое воинство кровь свою не жалеет для очищения святой Руси от красной заразы. Скоро знамена единой и неделимой России заполощутся над Москвой. Вы, землепашцы, должны помогать нам бить супостатов! Давать солдат, хлеб, мясо, подводы! А вы...—тут офицер рассвирепел, грязно выругался и закричал:— А вы вздумали не давать ничего! Всех, кто будет уклоняться от мобили... за... ции...— он чуть выговорил слово и, запнувшись, уставился осоловелыми глазами на ближнего рыжебородого мужика— забыл, о чем говорил. Потом крикнул:— Сгною на виселице!.. Кто не понял?

— Да уж как не понять,— прозвучал голос из толпы.— Только мы, господин хороший, все как есть задания сполнили, ничего не прятаем. А солдаты последние пожитки в сундуках перетрясают.

— Молчать! Как ты смеешь перечить?— завопил Гагин.— Все мужики от двадцати до сорока пяти лет поступят добровольно в армию!.. Э-э... староста скажет, с какого дома сколько призывается! И подводы чтоб были под хлеб и прочее...

Люди в оцепенении замерли. Потом со всех сторон раздались выкрики, слились в сплошной гул.

Из толпы выдвинулся седой старик с трясущейся головой.

— Это дедка мой,— взволнованно шепнул Ваня и сжал Андрейке руку.

Старик подошел к возу и поднял глаза на офицера.

— Господин хороший!— начал он слабым, надтреснутым голосом.— Дело наше крестьянское: завтра-послезавтра сеять зачнем. Мужиков угонят — кто сеять будет?

— Ишь как складно говорит,— с гордостью прошептал Ваня.— Уважают его на деревне...

А тот продолжал:

— Опять же и семян нету, лошадей в подводы угоните — на ком пахать будем? На бабах, али как?

— Большевистский шпион!— взревел офицер и с размаху пнул сапогом в сморщенное старостью лицо.

Старик без звука свалился к ногам односельчан.

— Убили! Деда убили!— разнесся над площадью вопль Ванюши.

Он рванулся вперед. Расталкивая мужиков, протиснулся к деду, склонился перед ним на колени.

— Дедушка, милый! Вставай! Пойдем!

Толпа шумела, колыхалась.

Мужики начали помогать Ване, пытавшемуся поднять старика.

Наконец тот встал на ноги, пошатнулся, сплюнул сгусток крови.

— Ироды вы, не человеки... За што бьете?— чуть выдавили его разбитые губы.

Андрейка яростно стиснул кулаки.

Толпа зашумела еще громче, снова колыхнулась и придвинулась к телеге, на которой стоял прапорщик.

— Взво-о-д!— испуганно закричал низенький унтер-офицер и выхватил саблю.— К стрельбе стоя... товсь!

Шеренга солдат вскинула винтовки.

Крестьяне отпрянули.

Ваня, увидев направленные на него штыки, начал пятиться, закрывая своим телом деда.

— Ах, мерзавцы! Ах, бандиты!— закричал прапорщик.— Бунтовать у меня!

Андрейка видел, как взобрался на телегу Мирон Силыч, наклонился к офицеру и, тыча корявым коричневым пальцем в толпу, начал называть ему «зачинщиков». Его злобные глаза быстро отыскивали недругов. Все, кто сказал ему когда-нибудь супротивное слово, кто делил его землю, кто имел брата или сына в Красной Армии, оказались согнанными по его указке в одну кучу.

— Эти будут заложники. Если деревня не выполнит набор в армию и разверстку хлеба, они будут расстреляны!— прокричал офицер.

Андрейка, сжав зубы, еле сдерживал себя. Невмоготу было смотреть на обреченных людей. Он увидел, как Ваня закрыл лицо руками, услышал злобный крик Силыча:

— А вот этот, ваше благородие,— указывал он на Ваниного деда,— главный у них смутьян! Сын у него с красными сошелся. Видали иные прочие, по ночам в его дом разные люди приходят. Наверно, с той стороны, от сына. Всю деревню мутит, подлец.

— Вот таких-то субчиков...— прапорщик, не договорив, скомандовал:— Подготовить «галстук»! Осиное гнездо старика сжечь!

Солдаты бросились исполнять приказание. Они быстро скрутили руки старику, прикладами подтолкнули его к офицеру.

Андрейка видел, как Ваня, отталкивая солдат, обхватил дедушку. Солдаты с силой отбросили его. Тогда подросток кинулся к телеге, упал на землю перед офицером и жалобно запричитал:

— Дяденька! Милый! Не велите казнить! Он хороший! Хоть у кого спросите! Дяденька!

Слезы брызнули у него из глаз. Но мальчик не замечал их и протягивал руки то к солдатам, то к офицеру.

Мирон Силыч подскочил к Ване, схватил его за ворот рубахи и отшвырнул в толпу.

Потрясенные происходящим, мужики подняли паренька, спрятали за спинами.

Андрейка больше не мог сдерживаться. Пренебрегая опасностью, он протиснулся к другу, схватил его за руку и под удивленными взглядами жителей потащил к изгороди...

6.

Увидев бледные лица ребят, Мезенцев понял, что приключилась беда. Выслушав сбивчивый рассказ Андрейки, заволновался. Они могут оказаться в ловушке! Кругом болото. Назад пути нет. На той стороне — белые...

Он забыл о том, что уже сутки не ел, что с утра мучительно ждал Андрейкиного возвращения... Все отошло на второй план, и лишь одна мысль, одна забота владела им: как идти дальше, как пробиться, чтобы доставить пакет? Пакет! Вот что самое важное...

— Дяденька! Дедушку убивают! Помогите!— давясь слезами, просил его Ваня.

— Товарищ командир!— дергал Мезенцева за рукав Андрейка.— Надо отбить дедушку! Все жители нам помогут, они любят его.

— Что ты, сынок,— горько сказал Мезенцев.— Нападать нам на целый отряд — безумие...

Ваня вскрикнул и упал на землю.

Андрейка опустился рядом с ним на колени.

Мезенцев склонился над бьющимся в судороге подростком, приговаривая:

— Успокойся, Ванюша... Отомстим за твоего дедушку... Слезами горю не поможешь... Будь мужчиной!— Он бережно поднял паренька.— Пойдем!

Поддерживая его за плечи, осторожно направился к зеленеющей роще.

Андрейка, взяв свой карабин, зашагал следом. Громадные сосны скрыли от них солнце. Ноги утопали в мягком мху. Где-то заливалась птица...

Ваня притих, доверчиво прижался к Мезенцеву, и только плечи его изредка вздрагивали.

— Ну, ничего, ничего,— говорил командир.— Успокойся... Всем нелегко... Вот у меня тоже беляки всю семью порешили. И Андрейка наш — сирота, а смотри, каким героем держится...

— Константин Михалыч,— горячо заговорил Андрейка,— давайте Ванюшку с собой возьмем, он парень толковый, помощником для нас будет...

— На опасное дело мы идем,— в раздумье проговорил Мезенцев. — И так двух товарищей потеряли. Может, и нам погибать придется...

— Он места знает, нам покажет,— не сдавался Андрейка. — А здесь так и так ему пропадать, одному-то...

Ваня поднял на Мезенцева глаза, полные мольбы, и попросил:

— Возьмите, дяденька... Я вас выведу, куда надо...

— Давайте возьмем, Константин Михалыч! И лодка его нам пригодится...

Командир испытующе посмотрел на паренька:

— А ты не испугаешься, друг?

— С вами—нет,— ответил тот.— Раньше-то я совсем ничего не боялся, сколько раз в лесу один бывал ночью...

— Ну, а грести хорошо умеешь?

— Да что вы, дяденька, я всю реку изъездил...

— Ну, что ж,— вздохнул Мезенцев.— Выход у нас один: ночью на Ваниной лодке будем спускаться по реке...

Глава четвертая

Пакет доверен Андрейке

1.

Никитин, тот самый Никитин, который еще сутки назад был разведчиком у Мезенцева и, как помнит читатель, исчез у моста, сейчас скакал во главе большого белогвардейского отряда. Он дергал повод, подгонял тонконогого скакуна.

— Проморгали, из-под носа упустили,— бормотал он.— И все этот слюнтяй Гагин...

Что это? Может быть, хитрый маневр красного разведчика? Нет. Аккуратно подогнаный офицерский френч, погоны штабс-капитана — это не маскарад и не военная хитрость. Никитин снова стал самим собой — колчаковским офицером.

Он был явно не в духе. Еще бы! Так хорошо задуманная операция у моста сорвалась: Мезенцев с Андреем ушли от целой роты и унесли с собой тайну о главном — о месте и времени наступления красных... Хорошо еще, что Степан Жуков, тот самый верзила, который

в ночь облавы у моста поклялся из-под земли достать разведчиков, случайно наткнулся на оставленную Мезенцевым лодку. Опытный следопыт, прекрасно знающий местность, он был уверен, что далеко по болоту разведчики не уйдут...

Вот тогда-то и были снаряжены две большие конные группы. Одна из них отправилась по пути движения разведчиков, а вторая — под командой Никитина — в деревню, чтобы отрезать Мезенцеву путь отступления...

Бешеная скачка постепенно успокоила Никитина. Однако мысли его были безрадостны. Даже воспоминания почему-то приходили на ум тяжелые.

Вспомнился бой под Ижевском. Это было полгода назад. Так же било в глаза солнце. Никитин шагал по непаханному полю в первой, тесно сомкнутой шеренге ударной группы. Впереди полоса сверкающего огня — окопы красных. Шеренга редеет и снова смыкается... А сзади гремит оркестр, будоражит разогретую водкой кровь... И тут случилось страшное. Вчерашние мужики, чернь,— люди, не умеющие, казалось, держать винтовки,— лавиной поднялись из окопов и ударили по офицерским шеренгам...

Этот бой побелил виски Никитина, оставил глубокий шрам на руке, и еще больший — в сердце.

...Когда красные отступили за Вятку, он получил ответственное задание — проникнуть в Железную дивизию Азина, узнать там важные сведения, необходимые белым.

Тут-то пригодились офицеру природный ум, недюжинная храбрость и, главное, умение приспособляться. За-

дание было бы выполнено блестяще, если бы не провал с поимкой Мезенцева... Все пошло прахом!.. А ведь он мог бы провести самого Азина!..

У околицы деревни отряд Никитина свернул на обочину дороги, уступая место длинному обозу с зерном и деревенской рухлядью.

За обозом шли под конвоем солдат мобилизованные мужики; следом бабы гнали большое мычащее, ревущее, блеющее стадо.

Вот и площадь у пожарного сарая. Всадники спешились.

Увидев, что Гагин хочет отдать рапорт, Никитин вяло махнул рукой:

— Отставить... Вы слышали что-нибудь о разведчиках Мезенцева?

— Никак нет!

— Жаль... А они затаились где-то здесь,— пробормотал Никитин. После короткой паузы сказал Гагину: — Надо проверить, все ли жители на месте. Не отправился ли кто-нибудь с разведчиками в качестве провожатого?

— Слушаюсь,— Гагин торопливо повернулся и побежал, придерживая шашку.

Вскоре он доложил о том, что в деревне отсутствует один мальчишка; кроме мобилизованных, все остальные на месте...

Гагин подозревал, что исчезновение внука повешенного не случайно, но умолчал об этом. Он боялся своей догадки.

— Где же этот парень? — строго спросил Никитин.

— Не могу знать... Обыскиваем все окрестности...

— Черт возьми! Наверняка это он увел разведчиков!— Никитин все больше багровел.— Если подтвердится, уничтожить поганое гнездо!

Гагин обрадовался такому повороту дела и, показав пальцем на виселицу, доложил:

— Уже выполнено, штабс-капитан! Его дед болтается в петле, а дом сожжен.

Никитин глянул на виселицу, но тут же брезгливо отвернулся и приказал:

— Возьмите моих людей, обшарьте все кругом, но чтобы мальчишка и разведчики были найдены!

Гагин побледнел. Он знал, что в доме старика было обнаружено военное обмундирование. Но разве можно об этом сказать Никитину?.. Только бы никто из людей не проговорился...

Вскоре появился лесник. Глядя на его посеревшее лицо, Никитин понял, что и на этот раз Мезенцев их перехитрил.

2.

Всю ночь разведчики плыли по реке. Мезенцев греб без устали. Как же иначе — ведь белогвардейцы могли напасть на их след! Надо было как можно дальше оторваться от них...

Лежа на дне лодки, Андрейка думал о Данилове, о Никитине. Вздыхая, украдкой поглядывал на командира. Он видел, как тревожно тот всматривался в темные берега, как вздрагивала в его зубах незажженная трубка.

Ваня лежал присмирев. Желая отвлечь его от печальных дум, Андрейка спросил шепотом:

— Вань, отец у тебя какой? Расскажи. Наверно, сильный, как наш командир. Похож на него?

— Похож...— со вздохом отозвался тот.

— А у меня нет отца,— вздохнул в свою очередь Андрейка.— И мамки тоже нет: померла она.

— Как и у меня,— с болью произнес Ваня, вспомнивший свою мать, ее ласковый голос и теплые руки.— А пошто померла-то?

— Кто его знает... Поболела, поболела да и померла,— грустно сказал Андрейка и пояснил:— Видно, от надсады. Работала день-деньской...

— А отца пошто не стало?— зашептал Ваня.

— На германской убили,— Андрейка снова тяжело вздохнул и продолжал:— Мы с Шуркой, сестрой младшей, одни остались... Как сейчас помню: изба не топлена, сидим на печке, а ветер гудит в трубе, будто звери скулят....

— А ели-то чего?

— Да чего придется... Сбирать ходили. С чужих огородов летом таскал... И попадало же мне тогда!..

Андрейка замолчал.

После затянувшейся паузы Ваня спросил:

— А как в красные-то попал, Андрюш?

— Жил я на Урале... Когда уж невмочь стало, сбег из дому... Дошел до Ижевска. Тут-то и с ними повстречался. Поначалу у кухни кашеварил... А потом Константин Михайлович определил к себе в разведку. Грамоте маленько учил...

Ваня задумался. Спросил нерешительно:

— Андрюш, как бы и мне в красноармейцы? А?

— Да ты и сейчас разведчик,— ответил Андрейка.— Раз вместе с нами...

Ваня смутился:

— А если тайное про себя скажу, не выдашь?

— Слово даю!

— Помнишь, Андрюш, белые хотели стрелять в деревне-то у нас?.. Ружья наставили...

— Ну?

— Ох, как я тогда испугался... Даже глаза закрыл!..

— Обвыкнешь,— солидно, как Данилов, успокоил его Андрейка.— Поначалу и я трусил. Не больно сильно, а так... Надо мной не смеялись. И над тобой не будут.

Они замолчали. Потом Ваня спросил тихо:

— А тебя отец бил?

— Что ты! Пальцем не трогал. Если что не так — посадит, бывало, на колени и скажет, чего не ладно. И слово возьмет, чтобы наперед так не делал.

— Меня тоже не пороли,— промолвил Ваня. — Только Сыч (так мы Мирона Силыча прозвали) сильно раз наподдавал. Он что зверь, на всех кидается. И Степка, его старшой, тоже...

— За что же он тебя?

— Сыч-то? За зря.

— А все-таки?

— За Кирьку кривого, внука свово,— неохотно отозвался Ваня.

— Расскажи! А, Вань?

Помолчав, тот начал рассказывать:

— Ну, стоял я с ребятами на песке у самой реки, камушки кидал. Плиточка этак летит, подпрыгивает... Кирька старшее меня. Зависть его взяла, хотел лучше кинуть. Да как ни кинет, камень бултых — и на дно... Ребята смеются... Тогда он бац мне по уху. Я и шлепнулся в воду. Обидно мне стало. «За что,— говорю,— дерешься?» «За что почтешь!— говорит.— Зачем камнем

в меня кинул?» А я и не кидал. Ребята заступились. А он наскакивает, кричит, что я вру... И еще хотел мне врезать... Ну, я тоже... как двину ему под дыхало! Отлетел Кирька на песок, и не шевелится, будто помер... Потом вскочил и дал стрекача...

Мезенцев, невольно прислушивавшийся к разговору, не удержался — похвалил:

— Это ты молодец! Так ему и надо!..— и предупредил тут же:— Только потише разговаривайте.

Ваня шепотом продолжал рассказ:

— Вскорости Силыч набежал, ремень снимает. Ребята — кто куда... Слышу, за мной топает, харчит, ругается страшно. Я домой, в ограду, да за колодец. Мать еще жива была, стирала... Старик выволок меня и так настегал, долго я хворал после...— Ваня замолчал. После паузы сказал хмуро:— Однако я ему отплатил... Осенью, ночью, поджег самую большую его кладуху, где немолоченное зерно было...

— И сгорела?— восхищенно спросил Андрейка. — Ну, это, брат, здорово!.. Знаешь что, Ванюш, у тебя никого нет, и у меня тоже. Давай на всю жизнь вместе будем! Как братья! Куда ты, туда и я.

— Давай!— охотно согласился Ваня.— Только учи меня всему военному. Ладно? И чтобы вместе в разведку ходить.

— Согласен.

Они крепко взялись за руки и начали шептаться совсем тихо.

3.

Перед восходом солнца Андрейка сморился. Едва он приник головой к кучке веток, как почувствовал, что засыпает; но вдруг отчетливо услышал хлюпающие шаги лошади, сдержанный возглас невидимого всадника, и чувство страха охватило его. Он испуганно открыл глаза и поднял голову со дна лодки. Вокруг — ни звука; только гребешки волн мягко лепечут возле бортов: леп-леп...

«Показалось»,— успокоил себя Андрейка. Спать ему уже расхотелось. Свежий утренний ветерок донес до него запахи цветов, ивы, прелой травы... Звезды тускнели, пропадали в синеве неба. Над водой вставали ватные столбы тумана.

Андрейка оглянулся на приятеля, который сменил на веслах Мезенцева. Иван греб сноровисто, бесшумно. Андрейка подумал, что для Вани все здесь было родным: и ночь, и туман, и соловьиные мелодии; и не счесть, сколько летних ночей провел он на этих крутых берегах, у костра, в кругу друзей...

Но Мезенцев прервал Андрейкины мысли. Он приподнялся на локте, прислушался и шепнул встревоженно:

— Что это? Никак лошадь?..

Андрейка вздрогнул; резко повернув голову, уставился взглядом в сумрачный берег. В разрыве тумана на миг показался одинокий всадник, едущий шагом по крутому склону.

Разведчики молча переглянулись. Командир тревожно подумал, что туман быстро уползает в кусты и человек на коне вот-вот их увидит. Медлить нельзя ни минуты. Что делать?

Излучина реки поднесла лодку ближе к берегу, и они вновь увидели всадника. Здоровенный, кряжистый, облаченный в деревенский зипун, он уверенно сидел на высоком коне. Разведчики не знали, заметил ли он их, слышал ли всплески весел, только всадник часто останавливался и вглядывался в реку.

— Прячутся, так скать, черти краснопузые. Все равно найду!— пробормотал он про себя, но в тишине, стоявшей над рекой, слова его донеслись до разведчиков.

— Ах ты, елки-моталки!— возбужденно прошептал Мезенцев.— Да это тот самый, что у моста был! Ну, братва, далеко нам не уплыть, он наверняка карателей приведет.

— Это же Степка, Сыча сын!— ужаснулся Ваня.— Пропали мы! От него не уйти — охотник первейший в округе...

Ваня оказался прав. Это был Степан Жуков. Он один догадался сопоставить пропажу лодки и исчезновение Ивана, и понял, что тут не обошлось без красных разведчиков. Как гончая, упорно шел он по верному следу.

Недаром в родной деревне про Жукова говорили, что он из плута скроен, мошенником подбит. В жадности, корысти и лютой злобе к Советской власти он превзошел отца. Поимка неуловимых разведчиков, к тому же, была для него не только местью, она подогревалась еще

жаждой наживы: Никитин обещал за Мезенцева двести тысяч николаевскими...

Мезенцев понял: нужно что-то решать, решать немедленно!

Выход в эту напряженную минуту предложил Андрейка.

— Товарищ командир,— торопливо заговорил он,— я придумал, как его обмануть. Подплывем к обрыву, ему нас не видно будет, а я к берегу поплыву с карабином...

Мезенцев подумал, что только он должен был сойти на берег... Никак не Андрейка... Но пакет! Скрепя сердце, командир согласился.

— Видно, так и придется, Андрейка! Только плыть тебе не надо: пристанем к берегу. Однако, смотри, осторожнее, сынок, не нарвись на засаду...

Минутой позже лодка ткнулась в песок, и Андрейка быстро нырнул в кусты.

Вскоре, когда лодка вынырнула из-за излучины, Мезенцев в разрывах тумана увидел, что всадник спокойно продолжает путь. Никогда еще Мезенцев так не боялся за жизнь Андрейки, как сейчас!..

Они проплыли с версту. О, как томительно тянулось время! Но вот прозвучал выстрел. Командир увидел, что всадник пошатнулся и тяжело сполз с седла. Конь его рванулся и исчез.

Вскоре на берегу появился размахивающий карабином Андрейка.

Стиснув его в объятиях, прижимая к груди, Мезенцев спрашивал:

— А ты проверил, что он мертв? Подходил к нему?

— Готов!.. Не шевелится, лежит на дороге...

Больше всех радовался Ваня. Еще бы, Андрейка убил его заклятого врага!

— Надо торопиться: туман осел,— сказал Мезенцев.— Укроемся на день в кустах, посмотрим, что будет. Если все спокойно, ночью подадимся дальше по реке.

Разведчики быстро гребли к противоположному берегу, не предполагая, что из кустов за лодкой следили торжествующие глаза Жукова...

То, что Мезенцев поверил Андрейке на слово, было его тяжелой ошибкой. Пуля только пробила навылет плечо Жукова. Притворившись убитым и пролежав не-

сколько минут, он понял, что разведчики уплыли. Осторожно осмотревшись, Жуков перевязал тряпкой кровоточащую рану, подполз к кустам ивы. Разглядев лодку с разведчиками, злобно выругался и пригрозил шепотом:

— Теперь-то вы от меня не уйдете!

4.

На дне лодки, обнявшись, спят пареньки. Как трогательны в предрассветной мгле их фигурки!..

— Измучились, горемыки,— вздохнул Мезенцев и, сняв шинель, осторожно накрыл их.— Тяжко им в такие годы переносить войну. Мы — взрослые, и то нам нелегко...

Взгляд его упал на Андрейкины лапти, и сердце тотчас оборвалось: «А ведь одежда-то его осталась в деревне! Может, ее уже нашли колчаковцы?.. И этот Жуков... А что, если впереди нас уже поджидают?..»

Вот как будто мигнул огонек...

Мезенцев насторожился. Больше ничего не увидел. «Показалось, видно»,— успокоил он себя. Однако из предосторожности стал отводить лодку к другому берегу.

«Дальше плыть по реке опасно,— думал командир.— Придется на рассвете бросить лодку и пешком пробираться к Сибирскому тракту...»

Громкий окрик оборвал его мысли:

— Кто едет? Причаливай! Живо!

Андрейка растерянно поднял голову. Увидев напряженное лицо командира, встряхнул Ваню, бросился к веслам.

— Пригнитесь!— скомандовал Мезенцев.— Как подъедем, быстро на берег и через кусты — в лес!

Вот-вот раздадутся выстрелы... Как медленно скользит лодка! Скорее! Скорее!..

Первый залп прозвучал неожиданно. Андрейка, выпустив из рук весла, припал было ко дну, но тут же распрямил спину.

Снова залп! Хорошо, что близок спасительный берег!.. И вдруг Мезенцев со стоном схватился за ногу...

— Константин Михайлович!— испуганно вскрикнул Андрейка, бросившись к командиру.

От неосторожного движения лодка накренилась, зачерпнула воду. И в тот же миг Андрейка с ужасом

понял, что падает в реку. Сжимая в одной руке карабин, он начал другой судорожно грести к берегу. Вот ноги уже почувствовали дно...

Андрейка слышал, как кто-то сзади разгребает воду. Наверно, Ваня... Но за спиной прозвучал голос Мезенцева:

— Быстрее в укрытие!

И командир, прихрамывая, обдав Андрейку брызгами, выскочил на песок.

А Ваня, оказывается, был уже на берегу. Мокрый, растрепанный, жалкий, он прятался за поваленным деревом...

В это время из начавшей розоветь мглы вынырнула полная солдат лодка.

Андрейка сунулся на колено к поваленному стволу, поднял карабин. Пулю за пулей слал он в быстро приближавшихся на лодке преследователей. И когда те в растерянности остановились, он азартно закричал:

— Что, гады! Получили?

Мезенцев, также опустившийся возле дерева, морщась от боли, стаскивал сапог. Но все усилия его были напрасны. Скрипнув зубами, он проговорил:

— Андрейка, разрезай голенище!

Тот бросился к командиру, выхватил нож и торопливо распорол полный крови сапог.

— Ничего, в мякоть,— прохрипел Мезенцев.— Быстрее бинтуй!

Как мог, Андрейка перевязал рану.

Когда лодка снова стала приближаться, уже два карабина встретили ее огнем.

И колчаковцы вынуждены были отступить.

— Пора уходить,— сказал Мезенцев и, тяжело поднявшись, опираясь на карабин, зашагал к лесу. Андрейка с Ваней спешили за ним.

А от другого берега солдаты все стреляли, не отваживаясь на новую переправу.

Но вот Мезенцев не выдержал, охнул и, держась за березу, медленно стал оседать на землю.

— Нога!— зло простонал он.— Будь они прокляты!

Все-таки найдя в себе силы подняться, пошел дальше, хромая и кривясь от боли; крупные капли пота выступили у него на лбу. Однако через несколько шагов он снова упал. И тогда Андрейка с Ваней подхватили его

под руки и повели. Вскоре пареньки выбились из сил, опустились на землю. Но Мезенцев торопил их, и они вновь поднимались и шли, шли...

5.

Мезенцев всем телом наваливался на Андрейку, припадая на левую ногу в окровавленной повязке. Подросток задыхался, пот заливал ему глаза, ноги увязали во мху, подкашивались. Оба часто останавливались, с трудом переводили дыхание.

Уже целый день шли они по глухому, незнакомому лесу. Нестерпимо мучил голод, но сильнее голода было желание отдохнуть.

Каждый шаг, каждое движение Мезенцева отзывалось такой мучительной болью, что он искусал губы в кровь; нога горела, как в огне. Ему хотелось одного — лечь на землю и забыться. Но надо идти...

Командир скрежетал зубами, шептал исступленно:

— Дойду, черт возьми! Врешь, сволочь белогвардейская! Не возьмешь!..

Один шаг! Еще один шаг! Дойти вон до той ели и отдохнуть!.. Только до ели!..

На мгновение командир терял сознание, и тогда тяжесть, опускавшаяся на плечи паренька, становилась непосильной.

Мезенцев не замечал ни густых зарослей, ни глубокого болотца в стороне. Он видел только заветную ель—рубеж, до которого нужно дойти. Она, казалось, махала зелеными лапами, манила к себе...

В голове Андрейки билась тревожная мысль: «Где же Ваня? Вдруг он заблудился! И зачем я согласился, чтобы он пошел искать жилье? Ведь прошло уже полдня...»

Но вот и ель. Мезенцев оперся о нее плечом и медленно сполз на землю, закрывая глаза, погружаясь в освежающее забытье...

Андрейка огляделся вокруг. Подумал: «Здесь оставаться нельзя, место открытое». Он отыскал глазами укромный уголок и подхватил неподвижного командира. Ох, как трудно доставались ему считанные метры! Но он справился и, опустившись на траву, устало прикрыл глаза. Так и сидел неподвижно, в полудремоте.

Он не знал, сколько прошло времени, когда какой-то внутренний толчок заставил его открыть глаза.

Что это такое? Что за тень загородила солнце?

Андрейка схватился за карабин, щелкнул затвором.

Двое мужиков смотрели на него. Высокий, чернобородый покачал головой и проговорил укоризненно:

— Эх ты, Аника-воин... Кровью исходит человек, заново перевязать его надо, а не ружьем махать...— и, видя, что Андрейка не думает опускать карабин, спокойно добавил, кивнув своему спутнику:— Вишь, как беляки напужали парня... Не бойся. Сюда они не придут.

Андрейка и верил, и не верил ему.

— Вы — свои? Наши?

— Свои, свои,— улыбнулся чернобородый.

— На помощь пришли,— вступил в разговор другой, низенький, с большой бородавкой на шее. Он приложил ладони ко рту и закричал:— Э-э-ге-эй! Сюда-а!

Скоро из лесу вышли еще несколько мужиков.

Пока Андрейка с помощью чернобородого заканчивал перевязку, мужики смастерили из тонких березок носилки, набросали на них пихтовых лапок. Потом бережно уложили командира, взялись за концы, плавно подняли носилки и осторожно зашагали в глубь леса.

— Как тебя зовут? — обратился чернобородый к пареньку.

— Андреем.

— Ишь ты? У меня тоже Андрюшка есть. Пожалуй, одних годков с тобой. За хозяина дома остался. А меня зови Митричем... Ну, пошли...

— Нельзя мне, Митрич,— вздохнул Андрейка. — Дружок мой заблудился. Искать буду.

— Зову, стало быть, иди,— добродушно ухмыльнулся Митрич и, подмигнув, добавил:— Друг твой давно в шалаше храпака задает...

Андрейка недоверчиво посмотрел в глаза Митричу. А тот разъяснил:

— Он и послал нас. Ко времю, видно, пришли. Ну, давай, шагай, не то отстанешь...

6.

Андрейка вспомнил, как к вечеру пришел в себя Мезенцев.

Бледный, с осунувшимся лицом, он долго не мог понять, где находится и что с ним. Увидев неотступно дежурившего у изголовья паренька, поманил его взглядом.

Тот наклонился к лицу командира и скорее понял по губам, чем услышал: «Пить...» Быстро принес холодной воды, приподнял голову раненого. Командир пил жадно. Сухие, потрескавшиеся губы, воспаленные глаза, весь вид больного напугал мальчика: «А вдруг Константин Михайлович умрет? Что тогда делать?..»

Вода освежила раненого. Осознанней стал его взгляд, на щеках появились лихорадочные пятна.

Мезенцев тяжело приподнялся на локте и хрипло спросил:

— Где мы, Андрейка?

— У своих, Константин Михайлович!— обрадованно ответил Андрейка и торопливо начал рассказывать о происшедшем.

Мезенцев снова устало откинулся на мягкую травяную постель. Его рука тяжело приподнялась, нащупала голову паренька и нежно скользнула по вихрастому чубу.

— Остались мы с тобой вдвоем... Нет Никитина, нет Данилова... Ваня еще слабый помощник...— он замолчал, тяжело дыша. Потом спросил озабоченно:— Сколько дней мы в разведке?

— Шесть,— сообщил Андрейка таким тоном, словно по его вине произошла задержка.

— Шесть?— хрипло переспросил командир, приподнимаясь.— Надо торопиться, сынок! Быстрее добираться к своим.

Андрейка тяжело вздохнул: он и сам мечтал только об этом. Как он умолял Митрича достать подводу! Однако что можно было сделать, если во всех деревнях стояли белые?.. Оставался один выход: ждать, когда командир выздоровеет...

А Мезенцев, словно прочитав мысли паренька, произнес окрепшим голосом:

— Нужно пробиваться любой ценой, Андрейка! Лошадь, лошадь достать надо... Иначе мне—ни шагу...

Отводя глаза, словно это было по его вине, Андрейка сказал, что все лошади взяты колчаковцами на учет; да и сев в разгаре...

Мезенцев испытующе поглядел на него:

— Тогда так... Остается только одно...

Андрейка видел: командир хочет сказать что-то важное, но не решается. Наконец, Мезенцев проговорил жестко, как отрезал:

— Ты пойдешь с донесением в тридцатую! Точка!..

Андрейка словно оцепенел. Рой беспокойных мыслей закружился в голове: «Доверяет такое! А если не справлюсь? Узнает об этом сам Азин... Нет, выполню!»

Андрейка поднял глаза на ожидающего ответа Мезенцева:

— Я готов, товарищ командир!

— Верю в тебя, сынок! Верю, что пройдешь!— прошептал Мезенцев. Медленно, с трудом объяснил задачу. Сказал в заключение:

— Где-то недалеко проходит тракт. Постарайся договориться с обозниками: подвезут. Одним словом...— командир сморщился от боли и тихо повторил:— Одним словом, вся надежда на тебя... Ты сейчас главный разведчик остался...

Он вынул из внутреннего кармана кителя пакет и вручил его Андрейке. Заговорил тихо, прерывисто:

— Вот пакет... Спрячь понадежнее. А это пропуск. По нему сразу тебя доставят к командиру дивизии... Поверь, тяжело мне тебя отпускать... И боюсь за тебя... Но надеюсь, не подведешь... А если что случится... Только еще раз говорю — береги пакет. В случае чего — уничтожь... Понял?

— Константин Михайлович!— горячо воскликнул Андрейка, с трудом сдерживая подкатившийся к горлу комок.— Выполню я, вот увидите сами!.. Мы с Ваней вместе...

— Хорошо,— кивнул Мезенцев.— Идите вдвоем... Передайте все на словах о генерале Гривине, о мосте через Валу, о Никитине, о мужиках в лесу...

Получив последнее напутствие, Андрейка побежал к Митричу.

Сборы заняли совсем немного времени. И вот они с Ваней уже следуют за давешним мужиком с бородавкой, вызвавшимся провести разведчиков до выхода из леса.

На высоком обрыве под соснами они остановились и в последний раз окинули взглядом окрестности. С высоты далеко видна была бесконечная лесная даль. Только в низине, где среди густых зарослей журчала маленькая речонка, плавали молочные лоскутья тумана. А вот и тальник, где раскинулись приземистые шалаши. Покрытые свежими ветками, они так сливались с зеленой порослью, что вчера Андрейка два раза проходил мимо, да так и не нашел их. Только голос Митрича помог ему разыскать нужное место. Там сейчас остался их командир... Прощай, Константин Михайлович! Когда-то мы с тобой свидимся?..

На душе у Андрейки было и радостно, и тревожно...

7.

Штабс-капитан Никитин думал о том, какие неприятности ожидают его... Он готов был пожертвовать сотнями вверенных ему солдат, лишь бы увидеть перед собой пленного Мезенцева.

— Что же вы молчите, прапорщик? — с раздражением произнес он, глядя на Гагина.

— Одно могу сказать в оправдание, штабс-капитан,— взволнованно отозвался тот,— игра не окончена. Как только раненый Жуков доложил о разведчиках, мы бросились в погоню. Всю ночь шли по берегу, обогнали их. Выставили дозоры. Жуков достал лодку. Но на другую сторону реки переправиться не успели...

— Ну, что же вы замолчали?

Гагин опустил глаза. После паузы пробормотал:

— Или кто их предупредил, или слишком осторожен этот... Мезенцев... Только вел он лодку близко к противоположному берегу... Ну, и... успели бежать...

— Черт возьми!.. Почему их не преследовали в лесу?

— Когда солдаты стали переправляться, их встретили огнем...

— Ну и что? — прошипел Никитин.— Нужно было поставить заставу и на другом берегу...

— Не успели. Потом мы весь берег обшарили, но разведчики как в воду канули.

— Где же они, по-вашему, сейчас?

— Думаю, что укрылись в лесу.— Гагин подошел к карте и, обведя зеленый квадрат у реки Валы, предложил: — Если бы нам суметь окружить и прочесать этот лес...

— Да вы с ума сошли? — воскликнул Никитин.— Лес тянется на десятки верст. Тут и корпуса не хватит... К тому же, лес кишит дезертирами. Они, конечно, уже снюхались с разведчиками и при надобности укроют их в надежном месте. Да и время дорого, каждый час на учете! Вы знаете последнюю оперсводку?

— Не успел еще ознакомиться...

— Тогда послушайте,— Никитин взял со стола мелко исписанный листок, пробежал глазами, потом прочитал вслух: — «Вторая армия красных переходит в наступление. Двадцать восьмая и седьмая дивизии сосредоточиваются в Вятских Полянах. Отдельные их отряды уже форсировали реку Вятку у устья и создали на нашем берегу плацдарм...» — Он раздраженно бросил листок на стол и повернулся к офицеру:— Теперь, надеюсь, вы поняли, прапорщик, как важно нам именно сейчас знать планы противника? Может быть, они устраивают у Вятских Полян только демонстрацию, а удар будет нанесен в другом месте? Мы имеем дело не с кем-нибудь, а с самим Азиным!

Гагин, не столько слушавший его, сколько думавший сосредоточенно о своем, вздрогнул при этих словах и сказал торопливо:

— У меня родился новый план захвата Мезенцева...

— Выкладывайте.

— Разведчики обязательно будут пробираться в расположение тридцатой... Мы выставим заградительные отряды вдоль Сибирского тракта — от Валы до Сюм-

сей — и станем задерживать каждого подозрительного. Они сами придут к нам в руки.

Никитин недоверчиво посмотрел на офицера, потом согласился:

— Что ж... Может быть, это — идея... Необходимо только связаться с командованием корпуса...

— Я рассчитываю немедленно отправиться в Сюмси и лично смогу передать о необходимых мерах.

— Одобряю. Поедем вместе. Хочу предупредить: нам обоим поручена операция с Мезенцевым; если разведчика не поймаем, и вам, и мне трудно будет объясняться...

8

Андрейка остановился на берегу полноводной Валы, задумался.

Спокойно и молчаливо катит воды река, жмется к кустам тальника, словно хочет скрыть свои тайны. О, если бы Андрейка мог понимать говор воды, сколько бы интересного он узнал!

С незапамятных времен пересекает реку древний тракт. Из столетия в столетие брели по нему и в бураны и стужу, и под лучами жгучего летнего солнца колонны кандальников. Разных людей гнали по тракту царские солдаты, но больше всего — политических... На каторгу, в Сибирь, брели измученные люди...

Помнит Вала на берегах своих и буйные станы летучих отрядов крестьянской армии Емельяна Пугачева...

И еще могла бы река рассказать о том, как из года в год, днем и ночью шли и шли тут обозы. Не было железных дорог, и тракт был единственным путем на Урал, и дальше — в Сибирь. Нередко на берегах этой молчуньи-омутницы раздавались хлесткие удары кистеня: то ночная ватажка сводила счеты с зазевавшимся купцом...

Но самым интересным был бы для Андрейки рассказ о друзьях-азинцах. В этих самых местах геройски сражался в сентябре 1918 года сводный полк под командованием Северихина — Андрейкиного комбрига...

Да, много интересного хранит река Вала. Зарастают травой следы сражений и безвестные могилы на ее берегах... И много лет спустя узнают люди о событиях, свидетелями которых были древние осокори...

Андрейка присел на землю, сделав вид, что переобувается.

Пощупав рукой надежно заложенный под стелькой лаптя пакет, Андрейка сказал товарищу:

— Людей здесь на переправе много, начнутся спросы да расспросы... Смотри, Вань, не забывай, что мы отцов ищем, будто они с подводами угнаны. А дома, мол, все тифом болеют, потому и подались на сторону... Не забудешь?

— Не...— солидно отозвался тот; потом нерешительно произнес: — А если документ спросят?

— Не спросят. На наши годы документов не дают,— успокоил его Андрейка.

Подошел часовой, охранявший штабель ящиков. От скуки поинтересовался пареньками. Вздохнул: «Ох, война, война, сколько людей обездолила...» Снял шапку, почесал затылок. И побрел дальше, лениво волоча винтовку.

Между зарослями ивняка показались подводы... Одна, другая, третья... Большой обоз, везший раненых солдат, медленно подходил к переправе. Телеги сгрудились. Ямщики поспешно распрягали потных, облепленных паутами лошадей, отпускали их на пастьбу. Покончив с этим, ездовые умылись в реке и чинно уселись в тени. Вытащили котомки с овсяным хлебом, луком, пареной брюквой.

Пареньки несмело подошли к одной группе, попросили поесть.

Коренастый старик с пышной седой бородой, будто не слыша просьбы, тщательно собрал в ладонь хлебные крошки, забросил их в рот и только после этого оглядел ребят. Подумав, сунул им по ломтю хлеба, спросил:

— Чьи будете, робята? Здешни, аль пришлые?

— Мы не здешние,— охотно отозвался Ваня.— Из-под Велипельги. Мы...— Он хотел еще что-то сказать, но Андрейка дернул его за рукав и, беспокоясь, что его дружок собьется со своей роли, продолжил разговор сам. Рассказав о себе что было задумано, поинтересовался у старика:

— А вы, дедушка, куда едете?

— В Сюмси, парень, в Сюмси. Раненых в обратный путь наложили.

— А где их поранили?

— А кто его знает...— промолвил со вздохом старик. Потом воровато оглянулся на санитаров, сновавших среди повозок, наклонился к ребятам и почти шепотом сообщил: — Бают, где-то пробовали за Вятку-реку перейти, да назад их кышнули. Много утопло, а энтих ночью на песках пособирали.

Он запил сухой хлеб квасом. Потом подал туесок Андрейке.

Принимая из рук старика берестяной бурачок, тот кивнул головой: мол, надейся, не проболтаемся. И спросил:

— А скажи, дедушка, где сейчас фронт стоит?

— А тебе к чему это? — настороженно и хмуро глянул старик.

— Как бы нам в заваруху не попасть. Еще убьют,— схитрил Андрейка и жалобно добавил: — Не знаем, куда и податься. Может, подвезете до Сюмсей?

Другие мужики тоже вступили в разговор.

— Подвезти? Отчего не подвезти,— проговорил узкоплечий, невзрачный мужичишка в буром с залысинами армяке.— Под гору в телеге, на гору пешечком — так и доберетесь.

— Война к концу идет, — сказал молодой крестьянин.— Бают, красные в низах Вятки наступают. Раненый на подводе говорил: отступать скоро будут ихние.

— Неужто правду? — обрадованно спросил бородач.— Слава тебе, господи!

— Поберегся бы, Степан Кузьмич,— предостерег его узкоплечий.— У слуха долго ухо. Мотри, будешь болтаться на осине...

— Надо бы насчет лошадей спроворить,— сказал молодой.— Колчаки побегут, все позабирают.

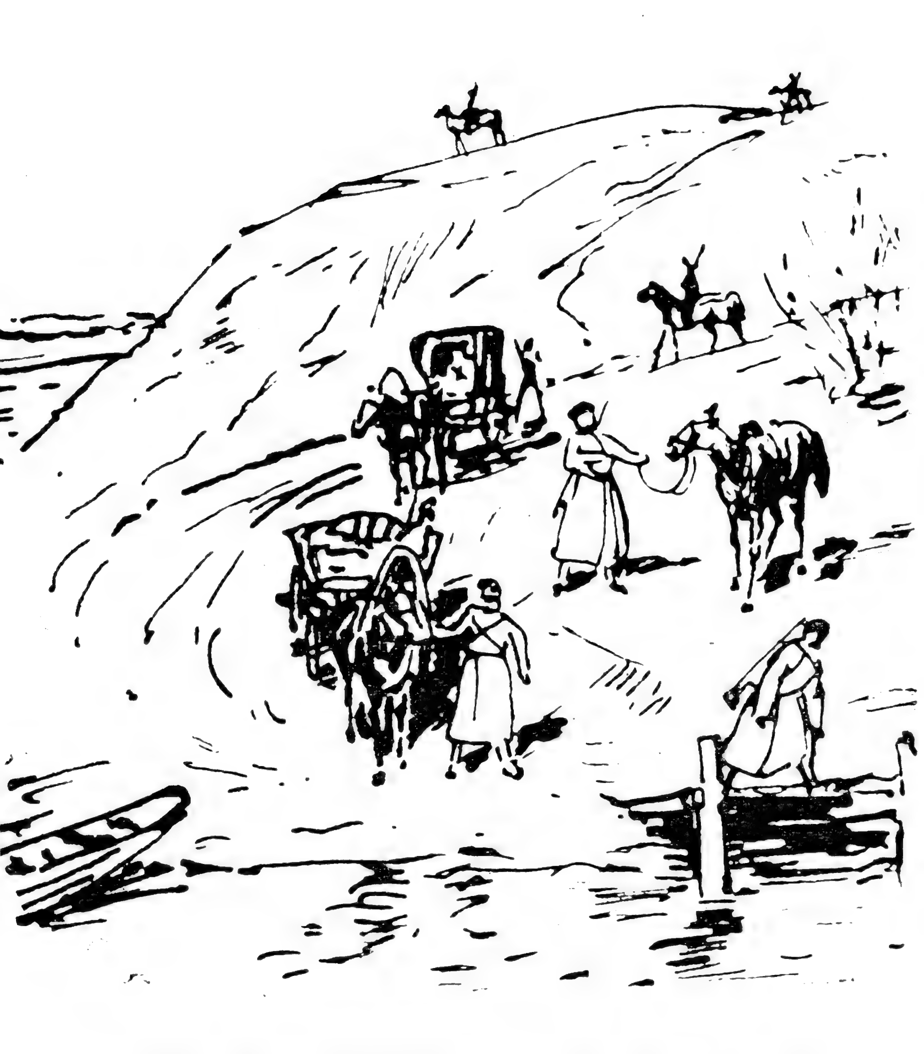
— Место, перво-наперво, надо найти укромное, — вставил слово бородач.— Есть на примете одно такое...

Мужики сбились в кучу и зашептались...

9.

Скоро обоз потянулся к переправе.

Разведчики вошли на паром, огляделись. Приметив привязанную к нему лодку, забрались в нее. «Отсюда, при случае, и бежать будет удобнее»,— решил про себя Андрейка.

Паром был маленький — с трудом вмещал четыре подводы. На каждой сидели и лежали бледные, с обросшими лицами, солдаты. Их повязки потемнели от крови, пота и пыли.

Перевозчик уже закреплял поперечный брус, когда на берег выскочили двое верховых. Пробираясь к мосткам, они яростно раздавали направо и налево удары плетками, разгоняя толпившихся крестьян.

Втиснув взмокших коней между повозками, всадники спешились. Обозные конвойники вытянулись перед начальством, подхватили брошенные поводья.

Старший из конников обратился к седобородому обознику:

— Как далеко до Сюмсей?

— Это смотря как,— рассудительно ответил тот.— На таких конях, ваше благородие, часа за два доскакать можно.

— Вот видите, Гагин, я прав,— повернулся офицер к спутнику.— Надо поторапливаться...— И закричал на паромщика: — Быстрее шевелись!

И вдруг Андрейке показалось, что у офицера — голос Никитина.

Это было невероятно! Ведь Никитин погиб...

С мыслями о Никитине Андрейка продолжал смотреть в спину офицера.

Вот тот достал портсигар, зажег спичку. Но тут же налетел порыв ветра и загасил ее. Тогда офицер отвернулся от ветра и склонился над зажатым в ладонях огоньком...

Ошибки не было — перед Андрейкой стоял Никитин!..

Андрейка не понимал, что с ним происходит. Голова ничего не соображала, ноги и руки налились свинцом...

Проследив взглядом за брошенной в реку спичкой, офицер задержал глаза на замерших в лодке пареньках. Он вздрогнул, но быстро справился с собой. Зрачки его глаз расширились.

— Друг Андрейка? Или наваждение какое? — с издевкой проговорил Никитин и нарочно потер глаза ладонью.— Э, нет! Не наваждение! Тебя-то мне и надо!

Он взмахнул нагайкой, закричал конвойным:

— Эй, вы! Взять бесенка! — и ткнул рукой в пораженного паренька.— Это красный разведчик!

Андрейка оцепенел. Происшедшее не укладывалось в его голове, казалось страшным сном. Как быть с пакетом?! Скорей в воду!..

Однако конвойный уже прыгнул в лодку. Сильной рукой он схватил паренька за ворот рубахи, поднял в воздух и швырнул на паром.

— Волчонка взяли! А матерый сам вылезет из норы!

Никитин нагнулся к разведчику и ударил его.

— Вот тебе, щенок!

Рука офицера раз за разом наносила безжалостные удары по спине, по ногам, по голове Андрейки.

Андрейка даже не защищался, до того невероятным казалось ему происшедшее. Только сейчас понял он, что Никитин — шпион, что засаду у железнодорожного моста тот подстроил нарочно, что ему нужно было захватить в плен командира. И Андрейка не выдержал, закричал громким срывающимся голосом:

— Хоть убей!.. Предатель!..

У офицера от ненависти перекосилось лицо. Он пнул Андрейку сапогом и разогнул спину.

Андрейка потерял сознание...

А Ваня от страха не мог сделать ни одного движения. Его ноги как будто отнялись, плечи сдавила тяжесть. Зубы громко стучали, рот судорожно хватал воздух. Он смотрел, как солдаты выкручивают руки Андрейке, как офицер наотмашь хлещет его нагайкой...

Только раздирающий душу крик Андрейки привел его в себя. Паренек вскочил на ноги, бросился на мостки и вцепился зубами в руку офицера.

Подскочил Гагин и с яростью ударил его рукояткой нагана.

Все закружилось, завертелось перед глазами Вани...

Глава пятая

В колчаковском застенке

1.

Андрейка очнулся. Было темно, холодно... Чьи-то теплые пальцы нежно гладили его волосы. Он пошевелился, и тело сразу пронзила острая боль. Застонав, Андрейка снова забылся... Позже услышал голоса; они то приближались, то удалялись...

— Ироды вы, душегубы! Люди помирают, а вам воды жалко! — звучал женский голос.

— Не лайся, окаянная! И без воды помрете,— глухо огрызался мужской.

И третий голос:

— Пи-ить!..

Третий голос был, видимо, его, Андрейки...

Он хотел крикнуть еще раз, но не смог.

Послышались шаги. Скрипнула дверь, и в мелькнувшем свете Андрейка увидел солдата, а перед ним — худенькую девушку.

Часовой через плечо девушки пытливо глянул в темень. Его голос, казалось, прогрохотал:

— Очухался, желторотый? Ну, нате воду! Да не гавкай, а то двину по роже! Чо зенки уставила? Не опознаешь, не брат!

Ведерко стукнулось об пол. Дверь с треском захлопнулась.

— П-и-ть,—простонал Андрейка.

В сумраке он видел, как к нему подошла девушка. Она присела на пол, бережно приподняла его голову и положила ее себе на колени. Из пригоршней стала цедить воду в его распухший рот.

Вода стекала тоненькой струйкой. Он пил жадными глотками...

Медленно возвращалась к нему жизнь. Постепенно нахлынули, прояснились события последних часов: перевоз, искаженное злобой лицо Никитина, допрос... И мысли лихорадочно забились в голове: «Это он шел по нашим следам! Почему он меня не убил?.. Значит, я ему нужен? А зачем?.. Понял, понял! Ему нужен командир! Через меня он хочет узнать, где скрывается Константин Михайлович... А как же с пакетом? Может, изорвать? Нет, Никитин не догадается, где его искать... А вдруг...» — и Андрейка скрипнул зубами:

— Нет, не скажу! Хоть убей, ничего не скажу!

— Успокойся, успокойся, милый,— услышал он словно издалека ласковый голос. Как будто мамин... Нежные руки обняли плечи. И Андрейка снова провалился в забытье. Он бредил: то звал на помощь командира, то громко выкрикивал бессвязные слова, а больше стонал, стонал тяжело, измученно...

В углу лежал Ваня. Ему тоже было нелегко. Болела голова, ныло плечо. Но тяжелее всего был страх. Страх перед неизвестным. Ох, как он боялся! Только одно воспоминание об ударе рукояткой револьвера бросало его в дрожь...

«Опять бить будут,— думал он с тоской,— узнавать обо всем... Не вынести мне этого! Допытаются о командире, убьют его... Хоть бы меня сразу кончили...»

Но умирать ему не хотелось. В памяти всплывали минувшие годы. Вот он, босоногий мальчишка, бежит на речку купаться; долго ныряет, саженками меряет реку... Вот едет с отцом в ночное; никого кругом: он да отец, да звезды, да лошади... И опять мечется Ваня и плачет навзрыд: «Лучше бы мне в деревне остаться...» Чтобы не слышать бредовых выкриков Андрейки, он зажимает уши руками.

2.

Солнце, стоявшее в зените, медленно начало опускаться к горизонту. Косые лучи вынырнули из-за крыши, проникли сквозь узкие щели амбара, запрыгали зайчиками по полу. Вскоре стали видны лица узников. Свежий ветерок потянул в дверную щель, дышать стало легче...

Андрейка обвел глазами абмар, медленно приподнял голову. И сразу словно раскаленный обруч сжал ее. Стон вырвался из его груди.

Дремавшая рядом девушка встрепенулась, спросила участливо:

— Больно?

Андрейка проговорил хрипло:

— Где я?

— В отсидке, в Мукикаксях...

— А белые? Никитин?

— Это офицер-то?.. Уехали в Сюмси. Слышала, о какой-то облаве говорили...

Андрейка встрепенулся. Немного успокоившись, прошептал:

— А где Ваня, друг мой?

— В углу лежит твой Ваня.

Сжав зубы, Андрейка с трудом приподнялся на четвереньки, пополз.

— Куда ты? — воскликнула девушка, удерживая его.— Обеспамятуешь опять!

— Ничего,— прерывистым шепотом сказал Андрейка.— Надо Ване помочь.

— Ты на себя лучше посмотри,—возразила девушка.

— Может, ему больше попало?

Но девушка с силой усадила его на место:

— Дружок твой давно очухался. Ему меньше досталось,—и она окликнула Ваню.

Тот угрюмо отозвался из полумрака:

— Крышка нам, Андрюш... Живым отсюда не выбраться...— и с тоской в голосе воскликнул: — Зачем только я с вами пошел?

— Ваня! Друг! — горячо зашептал Андрейка.— Не говори так!

— Говори не говори, — угрюмо произнес Ваня, — пропали мы, вот и все...

— Вспомни дедушку! Разве ты не хочешь отплатить буржуям за него? — убеждал приятеля Андрейка.

— Попробуй сам! — громко отозвался тот.— На дверях замок, кругом солдаты... Ох!—и он жалобно всхлипнул.

Девушка не вытерпела и гневно прервала его:

— Замолчи! Кисель ты овсяный, вот кто! Постыдился бы товарища: его не то что тебя разукрасили, а не жалуется.

Ее слова не подействовали на Ваню, он стал всхлипывать еще громче. Тогда она воскликнула с презрением:

— Такой здоровяк вымахал, а реветь и девки не стыдится! Утрись!

— Ты кто такая? — спросил Андрейка.

— А тебе не все равно? — сердито ответила девушка и, вздохнув, попросила в свою очередь: — Сначала сам скажи, кто такой, а потом выспрашивай.

Мог ли Андрейка сразу открыться перед незнакомым человеком? Он рассказал о сестренке Шуре, о своем детстве, о тяжелой доле. Но о разведке не обмолвился ни словом.

Девушка сидела молча, подперев подбородок крепкими кулачками, и, не отрываясь, глядела в его глаза. Когда Андрейка рассказывал о смерти родителей, две крупные слезы скатились по ее щекам. Она приблизила к нему свое лицо, сжала его руку, зашептала растроганно:

— Стоящий ты парень, Андрюша! Не знаю, что ты такое совершил, только слышала днем, как кричал тот офицер, грозился жилы из тебя вытянуть... Мне бы твою смелость...

— Ты сама смелая,— прошептал разведчик.— Как зовут-то тебя?

— Дашей. Здесь недалеко наша деревня за рекой. Живем мы двое: я да мама. Болезная она у меня.

— Бедно живете? — расспрашивал Андрейка.

— Надо бы хуже, да некуда. Хлеба и то до весны часто не хватает... Вот богатеи, те живут — не тужат. Как объявилась, Андрюша, эта самая революция, у нас в деревне все крепко за нее встали... Землю у богатеев поотбирали да поделили. И нам с мамкой две полосы нарезали. Лошади у нас нет — соседи помогли. И семенами тоже... Стали убирать хлеб с полей. И вдруг — война!..

Слушая прерывистый Дашин шепот, Андрейка думал о том, что девушке надо выговориться, облегчить душу. И, подбодренная его взглядом, она продолжала:

— На Ижевском заводе буржуи против наших поднялись, опять старую власть установили. И было же тогда по деревне разговору!.. Богатеи к ним подались. Войско собрали, да к нам и пожаловали. Мужики долго думали и решили к белым не приставать, свой красный отряд организовали. Вот как раз в этих местах мужики так надавали ижевским белякам, что те до самого завода без оглядки бежали...

При этом воспоминании счастливая улыбка тронула губы девушки.

Увидев, что Андрейка слабо улыбнулся ей в ответ, Даша добавила:

— Я, Андрюша, тоже нашим помогала. Надо было узнать, где у врагов какие силы стоят, вот меня и посылали. Что с девки возьмешь? Надену, бывало, что похуже, и брожу по деревням. Говорю, корова, мол, потерялась, будто ищу ее. А сама высматриваю, где белые стоят, да сколько их... Все разузнаю, вернусь, расскажу... Только недавно в этой самой деревне поймали ме-

ня беляки: опознал один из богатеев... И увидела я, как случилось тут, перед амбаром, страшное дело...

Девушка замолчала, слезы потекли у нее по щекам.

Андрейка тихонько взял ее за локоть и шепотом сказал:

— Не мучай себя... Если тяжело, не говори...

— Нет, тебе знать это надо,— упрямо тряхнула она головой.— А особенно этому ревуну,— повернулась она к Ване.— Знать, как геройские люди голову кладут, не жалеют себя. Иди сюда ближе и слушай!

Ваня робко приблизился. А Даша свела черные брови, и глубокая морщина пролегла на ее переносье.

— Так вот, на другой день втолкнули сюда двух красных солдат. Избиты они были — живого места не знатко... Лежат, не шелохнутся. Полдня прошло. Ожили немного родимые, пить попросили. Я за ними ухаживала, как за тобой, Андрюша... Напоила, раны, как умела, перевязала. Платок изорвала для этого. А тут приезжает белое начальство. Приказали вывести их. «Прощай, милая девушка,— сказали они.— На смерть идем. Передай нашим». Я в угол забилась и реву. Их жалко, о себе и не думаю. Вдруг слышу крик. Подошла потихоньку к двери, в щелку гляжу. Что у них меж себя до этого было, не знаю. Только вижу, как два здоровенных усача бьют горемычных. Молчат они... А потом началось самое страшное...

Даша закрыла лицо руками и тихо прошептала:

— Повалили их на землю... Штыками груди испротыкали... На спине ножами звезды вырезали...

Андрейка судорожно сжал кулаки, сердце его наполнилось гневом. Он неловко погладил девушку по плечу, глухо проговорил:

— Не надо, не плачь.

Ваню трясло, как в лихорадке...

Жалобно скрипнула дверь. Вошел охранник, швырнул на пол кусок черного хлеба.

— Жрите!

Не глядя на узников, повернулся к двери и заскрипел ржавым замком.

К хлебу никто не притронулся...

Первой опять заговорила Даша. Одернув на себе ситцевое платье, горестно вздохнула:

— Били и меня в тот день... А я как не своя была. В глазах все те солдатики молоденькие стояли. Сколько ни допытывались изверги, ничего от меня не узнали... А ты ревешь! — повернулась она к Ване.— Тебе не мужиком, бабой быть, и то...— Даша пренебрежительно махнула рукой.

3.

В амбаре темно. Все трое сидят на полу. Слышится уже окрепший голос Андрейки:

— Нет, Ванюш, ты не прав.

— Тебе хорошо говорить,— возражает со вздохом Ваня.— Ты по разным местам бывал. А я, кроме своей деревни, шагу не сделал... Трудно жилось, хлеба не едал досыта...

— Вот за это мы и бьемся, Ваня, с белыми,— старается убедить друга Андрейка,— чтобы всем хорошо было жить. Кончится война, поедем с тобой учиться. И Дашу возьмем... Прикатим прямо в Москву, к Ленину, попросимся в главную школу. Выучимся на красных командиров.

Андрейка старался говорить серьезно и внушительно, бессознательно копируя Мезенцева.

— Это девка-то на командира? — усмехнулся Ваня.

— Можно и не на командира ей,— смутился Андрейка, и тут же поправился: — На главного фельдшера выучится, чтобы в бою нам раны перевязывать.

— Так войны-то опосля не будет! — поддел товарища Ваня.— Ведь беляков всех изничтожат?

— А вдруг разные англичаны или снова германцы нападут,— не растерялся Андрейка.— Тогда как? Вот и нужны будут командиры... И жить мы будем, Ваня, в каменных домах, как купцы. И хлеба будет — ешь вволю!

— Сколь хошь? — Ванины глаза от удивления расширились.— Ну, это ты, Андрюш, врешь. У нас один Мирон Силыч так живет...

— Вот мы и будем жить лучше твоего Мирона... А сейчас надо нам из тюрьмы этой удрать, чтобы не устукали,— твердо сказал Андрейка.

— Попробуй, убеги,— снова взялся за свое Ваня.— Поймают все равно.

— Ты мне друг или не друг? — уже сердясь, спросил разведчик.

— Ну, друг...

— Тогда давай вместе думать, как стрекача дать. Сдохнуть всегда успеем.

— Правильно Андрюша говорит, — вмешалась в разговор Даша.— Бежать надо. Слышала я, завтра придет карательный отряд... А еще ваш-то офицер похвалялся, что у красных был, и опять к ним проберется... Это когда допрос мне чинили, он за заборкой с кем-то говорил.

— Неужто? — встревожился Андрейка.— Тогда еще скорее бежать надо!

—Да как бежать-то? — спросил Ваня.— Не крысы, в щель не пролезем.

— Вот тебе Андрюша и велит мозговать,— сердито сказала Даша.— Поискать такую щель, в которую можно выскочить... Я думаю, надо все стены осмотреть и простукать: вдруг лазейка окажется? Может, половица отогнется или обшивка у потолка отошла...

Узники оживились. Они ползали вдоль стен, поднимались, ощупывали бревна.

И вдруг под Ваниной рукой чуть-чуть поддалось бревно. Обрадовавшись, он еще раз толкнул его... Екнуло сердце.

— Андрюш! — горячим шепотом позвал паренек.— Здесь бревно поддается. Может, это отдушина. Зараз выверну ее к черту!

— Ох и дура я! — охнула обрадованно Даша и тут-же зажала себе рот. Лицо ее запылало, губы сами собой сложились в улыбку. Она зашептала: — И как только я об этом не подумала? Ведь мы же в хлебном амбаре! Здесь обязательно должна быть продушина, весной зерно освежать.

— Знаю без тебя,— отмахнулся Ваня.— Надо было сразу сказать, где мы... Но вытащим ли духовину-то? Кабы топор или железяку какую...

— Только не сейчас,— испуганно остановила Даша парня.— Вот ночь наступит, караульный задремлет, тогда... А то, не ровен час, занесет его нелегкая в амбар.

Ваня нехотя отступил от стены.

Подростки положились на Дашину смекалку: чувствовали, что она богаче житейским опытом.

Медленно, очень медленно тянулось время...

И вот пропели полуночные петухи.

— Пора! — прошептала девушка, подталкивая под локоть Ваню.

Увы, чурбак не поддавался!.. Обессилев, Ваня сел на пол. От обиды хотелось рвать на себе волосы. Андрейка с тоской подумал, что если Ване не удастся вытащить бревно, то уж ему-то, избитому, нечего и браться. Было страшно от того, что пропадает единственная возможность побега... «Да и пролезем ли?..»

— Ну, Ванюш, попробуй еще! — попросил Андрейка.

Ваня повел широкими плечами, напряг все силы и стал раскачивать чурбак. В голове у него гудело, ныли руки. Как ни старался он, все безрезультатно...

Парень в сердцах чертыхнулся и с досадой напоследок изо всех сил толкнул бревно. О чудо! — оно пошатнулось.

Сомнение, надежда, радость сменили друг друга в его душе. Он еще и еще с остервенением толкал бревно. Наконец, помедлив мгновение, чурбак выскользнул из гнезда и мягко шлепнулся на землю. Отверстие оказалось достаточным для подростков: амбар, к счастью, был построен из толстых вековых сосен.

Ребята оторопели от неожиданности, притихли, но вскоре готовы были кричать от радости. Даша схватила Андрейку за руку:

— Тихо! Только не шуми!

Разведчики прислушались: глубокая тишина стояла над деревней.

— Чего ждать-то? — прерывисто зашептал Ваня и первым полез в образовавшееся отверстие.

— Куда? — схватил его за руку Андрейка.— Помоги вначале Даше!

Не слушая Андрейку, Ваня зло вырвал руку и снова полез; гневный шепот товарища вернул его назад. Он готов был поссориться с другом, но вовремя одумался. Тяжело и обиженно дыша, подсадил Дашу... А вслед за ней — Андрейку. И только потом с трудом пролез и осторожно спрыгнул в траву сам.

Тенью прошмыгнули подростки на огороды, а дальше — в поле.

Не разбирая дороги, они побежали к темнеющему вдали лесу.

4.

Натыкаясь на кусты, царапая в кровь лица, ребята пробирались по лесу в кромешной тьме. Иногда под ногами чавкала вода...

Дернув Андрейку за рукав, Даша сказала, что дальше идти нельзя — впереди болото.

— Придется дождаться рассвета,— задыхаясь, проговорила она.

Андрейка остановился.

Только Ваня не хотел ее слушать, рвался вперед. Ему все казалось, что вот-вот раздадутся выстрелы и каратели возьмут их в кольцо.

Он умолял друзей бежать дальше; не встретив поддержки, пошел один, но вскоре почти по грудь увяз в болоте и закричал от ужаса.

Приглушенно ругая его, Андрейка с Дашей поспешили на помощь и с большим трудом вытащили парня из трясины. Даша сказала, что больше не будет с ним разговаривать, а он, дрожа от сырости и страха, уверял девушку:

— Не сердись. Ни шагу без тебя не сделаю...

Тогда Андрейка сжалился над ним и сказал:

— Ладно... Выжми одежду, да ближе садись, теплее будет.

Сидя рядом с другом на траве и выбивая зубами дробь, Ваня только сейчас отчетливо понял, что Андрейка с Дашей спасли его от верной смерти. Ему было досадно на себя, хотелось поблагодарить их. Но Ваня подумал, что они презирают его за трусость, и не произнес ни слова. В душе он решил, что с этого дня не пожалеет жизни ради товарища и во всем будет помогать ему...

Андрейка молчал. Он сосредоточенно думал, как быть дальше. Если идти в Сюмси по тракту, можно снова столкнуться с Никитиным. Обходить малыми дорогами — времени много уйдет... Где выход? Может, подскажет Даша?

Андрейка волей-неволей признался девушке, куда они держат путь.

К его удивлению, Даша только рассмеялась. Она уже давно поняла, что пареньки не случайно попали в тюрьму.

Встряхнув головой, девушка сказала просто:

— Я доведу вас до реки Кильмези, а там — как знаете.

Все стали горячо обсуждать маршрут...

Едва блеснули первые лучи солнца, как они, обходя стороной болото, углубились по чуть приметной тропинке в лес.

Даше здесь была знакома каждая рощица, каждый кустик... Кратчайшей дорогой она вывела разведчиков на тракт. Не прошли и версты, как вдруг наткнулись на ночной лагерь: на широкой вырубке паслись лошади, рядами стояли телеги, возле потухших костров спали вперемешку ездовые и солдаты. Уснул даже часовой.

Выглянув из кустов, Андрейка осторожно осмотрелся.

На опушке, вблизи, стояла телега. Недалеко паслась привязанная лошадь. Он схватил Дашу и Ваню за руки и зашептал возбужденно:

— Надо лошадь угнать! Тогда командира через фронт переправим!

— Ой, Андрюша, не связывайся,— испугался Ваня.— Бежать надо. Как-нибудь в другой раз...

— Замри! — повысил на него голос Андрейка.— Командир поранен, идти ему нельзя, а каратели вот-вот в лес нагрянут.

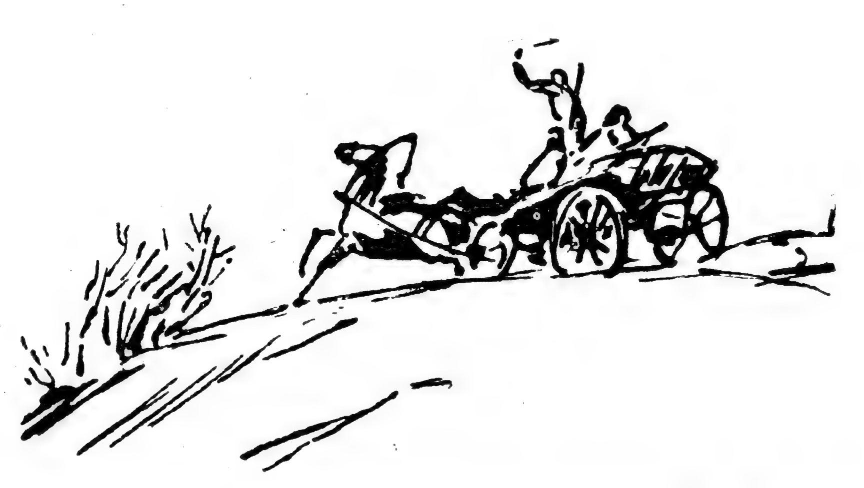
— Верно,— согласилась Даша, которой Андрейка рассказывал о Мезенцеве, и так глянула на Ваню, что тот присмирел и даже заявил:

— Ладно уж, давай. Только тише... Ежели что, в лес убежим...

Ребята, не выходя из леса, пошептались, обдумывая план действий.

— Может, однако, не стоит? — еще раз робко попросил Ваня, когда все уже было обговорено и решено.— Не ровен час, сграбастают...

Андрейка вздрогнул от этих слов: очень уж свежи были в памяти и застенок, и рассказ Даши. «А если снова схватят? Тогда спасения не жди!.. В один день два раза судьбу не испытывают»,— вспомнилась ему сказанная как-то Даниловым фраза. «Пожалуй, я горячку порю,— подумал Андрейка.— Нужно уходить, пока не поздно».

Даша выжидательно глядела на него. Понимая, что Андрейка мучительно ищет правильное решение, сказала:

— Не трусь!

И Андрейка решился. Он на цыпочках подкрался к спящему часовому, взял прислоненную к дереву винтовку и, решив стрелять только в крайности, стал наблюдать, как Ваня крадется к лошади.

Хотя у того душа была в пятках, он умело и сноровисто запряг лошадь. А Даша, подхватив с ближней телеги пару хромовых сапог, тихонько проскользнула за медленно удаляющейся подводой. От скрипа телеги часовой проснулся, широко зевнул; окинув сонным взглядом спящий лагерь, снова прикрыл глаза. Голова его стала клониться набок.

Андрейка опустил поднятую было винтовку и в несколько прыжков нагнал телегу...

Ходко мчались они по просеке. Ваня испуганно оглядывался и, втягивая голову в плечи, яростно погонял лошадку.

5.

Прапорщик Гагин безуспешно искал Никитина.

Когда ему в штабе сказали, что штабс-капитан у себя, Гагин торопливо взбежал на крыльцо, рванул дверь.

— Григорий Луппович! — еще с порога начал он взволнованно.— Новость! И не маленькая!

— Ну, что там еще? — недовольно повернулся к нему Никитин. Его холодные глаза неприязненно скользнули по фигуре помощника.

— Бежали!

— Кто бежал? — раздраженно, но уже с тревогой в голосе спросил Никитин.

— Разведчики красные! Мальчишки эти!

В глазах Никитина вспыхнул злобный огонек.

— Азинцы? Где же они? — голос его сорвался с высокой ноты и перешел в зловещий шепот: — Говорите толком!

— Ищем. Пока не нашли...

— А где была охрана?.. К тому же, мы весь лес обложили! — крикнул пораженный Никитин и нервно шагнул к Гагину.— Эх, шляпы! — гневно прохрипел он.

Остановившись, Никитин потер в волнении висок.

— Так... Они пойдут или на Орловский, или на Пунцинский перевоз... Других дорог нет,— размышлял он вслух. Уже успокоясь, резко сказал:

— Будем ловить у реки. Берите полэскадрон, и на Пунцы. Я еду на Орловский. Проверьте лично, прапорщик, расстановку дозоров: разведчики наверняка будут переправляться вплавь. Задерживать всех подозрительных, и под конвоем — сюда...

Отшвырнув ногой стоявший на пути стул, Никитин поспешно вышел на улицу.

6.

Подвода разведчиков выехала из леса. За широким полем виднелась деревня.

У обочины дороги на заросшем мхом пеньке сутулился дряхлый старик.

— Куда, касатики, путь-дорожку держите? — спросил он слабым голосом, приподняв шапку над седой головой.

Андрейка остановил лошадь.

Морщась от боли, Мезенцев поздоровался.

— Аль поранило тебя? — поинтересовался старик.

— Царапнуло малость,— вздохнул командир.— Ногу задело. Домой пробираюсь, за реку... Здесь какие стоят: белые или красные?

— Какие еще, сынок, как не белые,— старик покосился на запыленных путников.— Езельтиров ищут. Намедни трех солдатиков в лесу пымали, на том вон пригорке кокнули.

Мезенцев встревожился, но не подал виду.

Еще там, в лагере Митрича, командир мучительно размышлял, ехать ему с пареньками или оставаться. Сначала он даже побранил Андрейку, когда тот вернулся в лагерь...

Но надежда затесаться меж крестьянских подвод и пробраться с ними была так заманчива, что он решился ехать сам.

А главное, в трудную минуту он хотел прийти на помощь своим юным друзьям... Сейчас он понял, что наступает именно эта решительная минута перехода через фронт.

— Где нам лучше через реку перебраться? — спросил он. — Не знаешь, дедушка, есть ли охрана на перевозе?

— Как без охраны? Не пробиться и оборуженному, ежели без нужной бумаги,—сказал старик и заговорщически добавил: — Каких-то разведчиков ловить собирались. Верховой, что на постое, сказывал.

Андрейка встревоженно оглянулся на командира и увидел, как нахмурились его брови.

— Послушай, дедушка,— помолчав, обратился к старику Мезенцев.— Уже темнеет. Где бы нам укрыться, чтобы белые не нашли?

— Вам куда ехать-то?

— За Гуру нам нужно,— нашлась Даша.

— То-то и оно. Ежели есть, баю, бумага нужная, пропустят... А ночевать у меня на пчельнике можно: в лесу он... Только людно больно вас.

— Ребята не будут,— успокоил его Мезенцев.— Мне бы вот да девушке.

— Это можно. Вертай лошадь-то... А парни куда денутся?

— Да им бы за реку надо...

Мезенцев не видел другого выхода: все обдумав, командир решил, что после того, как разведчики благополучно уйдут за реку, он возвратится в лесной лагерь. Он и так еле держался, стараясь не потерять сознание...

— Вот только где им лучше пройти, не знаю,— продолжал он разговор.

— Окромя как плавом и думать нечего,— отозвался старик.— Прямиком по полю, на левую руку, будет версты через две лес. А за лесом и река.

Андрейка пристально вглядывался в ту сторону, куда указывал старик, но ничего, кроме синей полосы леса, не мог различить в сумраке. Голос Мезенцева вывел его из задумчивости:

— Слушай, сынок.

Андрейка склонился к командиру.

— Мне все равно с пакетом не уйти... Понял? Бери карабин и быстрее к реке. Переправляйся... Если все хорошо будет, я обратно подамся, к Митричу. Ищи там, ждать буду...

Командир нервно крутил пальцами пшеничный ус.

Что-то оборвалось в груди Андрейки... Неужели нет другого выхода? Неужели они снова оставят командира?

— Но как же? — воскликнул он.— Нет! Я не могу оставить...

— Я приказываю! — с болью и тоской сказал Мезенцев.— Солдат ты или нет, Тигунов?.. Да торопись, как доставишь пакет, обратно в дивизию... О Никитине расскажешь...

Андрейка молча стал собираться.

— А я? — воскликнул Ваня.— Мне куда?

— Со мной,— сердито сказал ему Андрейка.

— И я с вами! — заявила неожиданно Даша.— Провожу до реки.

Она говорила так решительно, что никто не стал возражать. А старик объяснил ей, как найти потом дорогу к пасеке.

— На, Андрейка, береги пуще жизни! — командир второй раз за эти дни достал из-за пазухи заветный пакет. Вложив его в руку Андрейки, торопливо поцеловал юношу и отвернулся... Когда справился с волнением, кивнул:

—Быстрее уходите! Осторожнее на реке. Да и по ту сторону опасайтесь... Прощай, Ванюша!.. А ты, Даша, возвращайся ко мне: расскажешь о переправе.

Телега скрылась между деревьями.

7.

В предночном мареве совсем близко маячило синее пятно леса, когда Ваня услышал глухой топот.

— Вершние!

Андрейка замер, оглянулся. Двое всадников летели на полном аллюре.

Что делать? Куда схорониться?..

Всадники приближались.

Увидев одиноко торчащий куст можжевельника, Андрейка приказал друзьям укрыться за ним; торопливо сбросив с плеча карабин, залег на пригорке.

Не доскакав сотню метров, верховые осадили лошадей, закричали вразнобой:

— Кто такие?

— Выходь из-за куста!

Андрейка молчал. Щелкнув затвором, загнал патрон в ствол: он узнал в конниках белогвардейский патруль.

Ваня бросился к опушке.

— Куда? — прохрипел Андрейка.— Убьют, чертяка!

Один из конников, заметив паренька, кинулся за ним.

— Стреляй! — услышал Андрейка голос Даши и, тщательно прицелившись, нажал спуск.

Раздался выстрел. Конь свечкой взвился на задние ноги и тяжело грохнулся на землю. Выпростав запутавшуюся в стремени ногу, хромая, кавалерист побежал к своему товарищу, вскочил на его коня. Вдвоем они поскакали в сторону деревни. А оттуда, навстречу им, уже вырвался целый отряд колчаковцев.

Увидев это, разведчики скользнули за деревья и поползли в зарослях. Несколькими минутами позже, оглянувшись, ребята с удивлением убедились, что колчаковцы не пытаются их преследовать: они сбились в кучу и громко кричали что-то. Вспыхнула ракета и, шипя, прочертила дугу в небе. Кому они подают знак?

— Вань! — встревоженно сказал Андрейка.— Сходи, разведай! Да не трусь только.

Ваня потоптался в нерешительности, потом бесшумно исчез в молодом ельнике.

Андрейка, торопливо передернув затвор, сосчитал патроны. Вместе с патронами из кармана выпал на траву сухарик.

беспо
и ост
Андр
То
ясь, с
и смут

ты

др
само

тоже
…ушки
… о су-
… с
…че
…ду
…ять

беспо
и ост
Андр
То
ясь, с
и сму

тв. І

— І
мая рук
— Ку
ка.— В тако
— Выберем
тебя накормлю.
Он уже ничего н
го что родной дом, а
палкой не загонишь!

н-
ь—

цати,
боль-
головы

пятился в
Потом побе-

о все шли и шли,
ного места. Когда со-
ии повалились на землю.

Одна мучительная мысль билась в голове Андрейки: «Вторую ночь в лесу проводим. А сколько их еще впереди?.. Мы заблудились, а завтра пакет должен быть доставлен».

Последним усилием воли он поднялся и, опираясь на карабин, медленно побрел дальше: «Ведь должна же быть где-то дорога! Должна!..»

— Вань,— обернулся он к товарищу и прохрипел, облизывая потрескавшиеся на ветру губы:— Пошли хоть немножко!

И снова они хлюпали по болоту, продирались сквозь кусты.

Вдруг Андрейка громко закричал:

— Дорога!

Перед ними в свете луны виднелись свеженакатанные колеи.

Словно не было усталости, не было этих мучительных верст лесной глухомани! Радостью засветились лица разведчиков. Они прибавили шагу.

С лиц катится градом пот, развязаны тесемки рубах. Тяжело дышать, но ребята идут быстро, будто за поворотом дороги стоит их дом, ждут родные, отдых, покой!

Еще поворот, еще...

А дома нет. Голод и усталость опять сковывают изнуренных путников. Глаза их закрываются...

Но вот Ваня насторожился, схватил друга за руку:

— Слышь?

Из ночной тьмы донесся глухой собачий лай.

— Деревня? — Андрейка верил и не верил. Снова радостно застучало сердце, тверже стал шаг.

Лес вскоре кончился. Но полю не было конца...

Уже далеко за полночь еле стоявшие на ногах ребята кое-как добрались до первого дома и легли на землю. Сил постучать в окно не было. Ни страх перед белыми, ни ночные опасности — ничто не могло отогнать тяжелого, одуряющего сна. А ночь, теплая, тихая майская ночь заботливо покрыла спящих звездным одеялом.

3.

Даша осторожно взбиралась на крутояр.

Вдалеке, на заставе, трепетал костер.

«Надо подальше обойти их»,— подумала девушка.

Ноги непослушны. Они подгибаются от волнения и страха...

Поле кончилось, медленно надвигается темный, неподвижный лес. Вот он поглотил Дашу. А она все идет и идет. Вдруг девушка застыла на месте. До ее слуха донеслось фырканье лошади. Мелькнули искорки: кто-то закурил. Раздался приглушенный старческий кашель.

«Нет, это не солдаты! Но кто же? Ведь лес, темная ночь...»

Даша мучительно раздумывала, потом робко скользнула к дереву. Под ногой неожиданно треснул сук. Все в ней замерло, во рту сразу стало сухо и горько. Даша увидела, как к дереву, под которым она затаилась, кто-то шагнул; в слабом отсвете луны была видна небольшая бородка.

«Неужто леший?» — испуганно подумала Даша и перекрестилась.

— Фу, напужала,— облегченно рассмеялся старик.— Я, грешным делом, думал, солдаты.

Он ухватил Дашу дрожащей рукой и заглянул ей в лицо:

— Да ты совсем сомлела, девка? Пуще меня заробела?

Поняв, что Даша еле стоит на ногах, он поддержал ее.

— Не бойсь, это я, дед Карпо. Вишь, узнал тебя, востроглазую...

Даша словно очнулась и поняла, что перед ней никакой не леший, а тот самый словоохотливый седой старичок, который спрятал командира.

— Ох, дедко!— воскликнула Даша.— А я-то как напугалась! Даже трясет всю!

— Ничего, деваха, пройдет. Ты как сюда пробралась-то?

— Пришлось порядочный крюк по лесу сделать... А как наш командир?

— Командир?— переспросил дед.

Даша задохнулась в испуге, что проговорилась, воскликнула:

— Только молчи, дедушка! Не скажешь, да?— и вцепилась в рукав старику.

— Да не скажу, не скажу... А ты не беспокойся о нем: спит он теперича...

Старик ласково провел шершавой рукой по ее пышным волосам. Потом взял за руку и повел к хрупающей сеном лошади.

— Ну, погляди, дочка. А про меня не сумлевайся, смолчу. Один-то я не смог его в избу унести, на телеге и оставил. Да и страху меньше, чуть что — и в лес...

Даша увидела Мезенцева. Он спал на телеге. Свет луны освещал его осунувшееся лицо.

Старик рассказал Даше, что после их ухода Мезенцев потерял сознание и все время бредил. И если бы каратели, которые рыскали вокруг, надумали углубиться в лес,— то быть бы беде.

— Наутро снова, поди, рыскать будут. И сюда наведать могут. Думаю к куму увезти. Надежней, — закончил свой рассказ старик.

— Поедем скорее,— заторопила его Даша.— Поедем, дедушка. Нельзя нам в руки беляков попадаться...

Девушка подошла к Мезенцеву и заботливо укрыла его стариковским азямом.

4.

Что-то теплое и сырое ткнулось в лицо...

Андрейка проснулся и открыл глаза. Над ним стояла черная с белыми подпалинами собака. Умные глаза ее смотрели настороженно. Спугнутая порывистым движением разведчика, она гавкнула и шмыгнула в подворотню.

Солнце еще не взошло, но рассветало. Тишину раннего утра нарушали только голосистые петухи.

Андрейка с тревогой посмотрел на избу, осторожно приблизился к окошку, нерешительно постучал. В избе заговорили. Вскоре скрипнули ржавые дверные петли, брякнуло кольцо на воротах. На улицу вышел бородатый, суровый на вид старик. Поверх

нижнего белья на нем был рваный полушубок. Глаза из-под взлохмаченных бровей удивленно уставились на паренька.

— Чего надо? — спросил он.

— Здрасте, дедушка,— робко приветствовал его Андрейка.

Глаза старика словно оттаяли, но на приветствие он не ответил.

— Откудова будешь?

— Дальние мы... Домой пробираемся...

— А этот? Брат твой?

— Нет, товарищ...

— Товарищ, баешь?— и старик сказал уже приветливо:— Заголодали, поди? Буди его, да айда в избу. Быстрее идите!— прикрикнул он, видя, что паренек колеблется. — Вдругорядь не позову... Да помойтесь с дороги; рукомойник — на дворе...

Андрейка растолкал спящего Ваню. Друзья не заставили себя долго ждать. Тщательно умывшись, они вошли в низенькую, покосившуюся избенку.

Первое, что бросилось им в глаза,— это ведерко с квасом, чашка сметаны, а рядом — целая горка лепешек.

Хозяин коротким жестом пригласил их за стол. Андрейка рванулся к ведерку. Он пил не отрываясь, высоко закинув голову. Напился, передал ведерко Ване. Сели за стол. Жадно, не прожевывая, глотали целыми кусками горячие лепешки, даже забывали макнуть их в кислую густую сметану...

Хозяин ласково смотрел на ребят. Опрятная молодайка в сарафане еле поспевала носить добавку.

Наконец Андрейка оттолкнулся от стола. Его глаза все еще жадно смотрели на лепешки, но есть он больше не мог.

— Спасибо, дедушка,— поблагодарил он и добавил извиняющимся тоном:— Оголодали мы...

Старик усмехнулся в бороду, потом, кивнув на иконы в переднем углу, произнес хмуро:

— Лоб-то перекрести...

Может быть, не следовало этого говорить, но Андрейка сказал просто:

— Не приучен, дедушка.

Хозяин нахмурился еще сильнее, проворчал:

— Оно и видно, нехристь... Вишь, с малых лет с ружьем,— но тут же согнал хмурость с лица и улыбнулся:— Молодо-зелено... Куда теперича?

— Красных ищем,— понимая, что обманывать старика не было причин, ответил Андрейка.— День и ночь в лесах плутали. Еле вышли, — и он рассказал о том, как труден был их путь.

Ваня изредка поддакивал.

— Где же вы шли?— удивленно спросил старик, когда Андрейка закончил рассказ.— Уж не через болото ли Пунцинское?

— Наверно, через него. Всю дорогу по колено в грязи.

— Ох, робята,— вздохнул старик.— Да той дорогой только лоси ходят. Утопнуть могли ведь,— он взволнованно потеребил бороду и покачал головой. — Ну, да ладно. Прошли, и хорошо. Скоро возвернутся ваши-то...

Андрейка вздрогнул.

— Какие «наши»?

— Какие, какие... Да эти, красные кавалеристы, — пояснил старик.— На постое которые... Искадрон целый в деревне-то.— Он выглянул в окошко и торопливо добавил:— Да вон они и наехали уже.

На дворе послышался лошадиный храп, людской говор.

Андрейка стремительно вскочил с лавки. Обняв Ваню, он хлопал его по плечам, кружил по избе, крича:

— Встретили, Ванюша, своих! Встретили!

Ваня радостно улыбался, тоже обнимая товарища. Старик, глядя на них, довольно разглаживал седые усы.

В избу быстро вошли трое кавалеристов. Старший, высокий конник, переводя вопрошающий взгляд со старика на пареньков, спросил густым басом:

— Кто это у тебя в гостях, хозяин?

Не дав старику ответить, Андрейка бросился к кавалеристу:

— Здравствуйте, дорогие товарищи! Вы из тридцатой?

Красноармейцы удивленно переглянулись.

— Здорово, если не шуткуешь,— прогудел высокий.— Откуда такие прыткие? Документ имеется?

— А как же!— воскликнул Андрейка, но тут же спохватился.— Только я не могу его вам дать. Самому большому начальнику, командиру дивизии он предназначен. А вот пропуск покажу.

— Ого-го! — рассмеялся маленький веснушчатый конник.— Вас, товарищ Кривцов, он не признает за большое начальство! Ай да парень!

— Отставить разговоры, Харламов!— прервал его Кривцов и, прочитав поданную бумажку, улыбнулся в усы:— Так, говоришь, у тебя важный документ до начальства?

— В штаб дивизии, — еще раз подтвердил Андрейка.

— Какой дивизии-то? — пытливо глядя на паренька, спросил Кривцов.

— Конечно, тридцатой. Что я, маленький, не верите?— обиделся разведчик.— Мы девять дней по лесам шли, к вам торопились. А вы...

— Да ты горяч, как вижу,— ухмыльнулся Кривцов.— Ну, вот что... Раз уж мне, командиру эскадрона, не доверяешь, придется отправить до штаба, тем более, что в пропуске об этом сказано.

— Вот это другое дело,— обрадовался Андрейка.— А то встретили как чужих...

— Война, брат,— уже ласково взглянул на разведчиков Кривцов. — Не сразу узнаешь, кто свой, а кто... Тебя как звать?

— Андреем. А его Ваней.

— Вот что, Андрей, конем управлять можешь?

— Я ж конный разведчик!— с подчеркнутой небрежностью произнес Андрейка.

— А Иван как?

— Может,— ответил за товарища Андрейка.

— Ну, тогда мои хлопцы проводят вас,— сказал Кривцов.

Андрейка нащупал через одежду спрятанный пакет (он переложил его за пазуху, когда друзья пошли по болоту).

Попрощавшись, с достоинством еще раз поблагодарил старика за хлебосольство.

— Бывайте,— сказал старик.— На рыбалку съездим. Спросите Петра Михалыча, всяк скажет, где меня искать...

5.

Андрейку с Ваней провели к просторному двухэтажному дому.

В светлой горнице оживленно беседовали между собой два высоких кавалериста. Один из них, плотный, седеющий, в синих галифе и толстовке, увидев вошедших, встал, удивленно вскинул брови.

— Товарищ начальник дивизии!— вытянулся сопровождающий и отрапортовал четко: — Командир эскадрона Кривцов приказал доставить в штаб этих пареньков. Говорят, пробились через фронт, имеют при себе важный документ... Вот их пропуск.

Андрейка робко толкнул локтем друга, прошептал:

— Вот и добрались!

— Ага!— чуть выдохнул Ваня в ответ.

Командир посмотрел на ребят и спросил:

— Ну, кто докладывать будет?— и, оценив строевую выправку Андрейки, ободряюще кивнул ему головой:— Наверное, ты?

Разведчик шагнул вперед и взял было под козырек, но, вспомнив, что у него нет головного убора, смутился и сказал не по форме:

— Из двадцать восьмой. Прибыли с пакетом.

Андрейка торопливо достал небольшой пакет, обернутый в пергамент. Мгновение полюбовался им, потом торжественно протянул командиру.

Тот не спеша вскрыл конверт, взглянул на Андрейку и стал читать. Чем дальше он читал, тем больше розовели у него щеки.

— Ты подумай только, комиссар, что они принесли!— взволнованно произнес он, когда дочитал до конца. И, протянув донесение собеседнику, быстро подошел к Андрейке, обнял его за плечи.

— Друг ты мой черняненький! Герой! — он поглядел в затуманенные от счастья глаза паренька и троекратно поцеловал его в губы. Потом притянул к себе Ваню.— Да знаете ли вы, сынки мои, что вы совершили? Нет, не знаете! Вы совершили подвиг! Да, да, настоящий подвиг!

Он подтолкнул растерявшихся от неожиданной ласки ребят к комиссару и, глядя, как тот тоже обнял разведчиков, взволнованно продолжал:

— Смотри, комиссар, на орлят! Они сумели пройти по незнакомым местам, через все трудности! Как не гордиться такими?

Командир усадил разведчиков на высокую скамью и стал забрасывать их вопросами.

Андрейка отвечал обстоятельно. Он рассказал, что знал, о дивизии, о проделанном трудном пути, о том, что они видели и слышали в колчаковском тылу; не забыл упомянуть и о поездке колчаковского генерала на фронт и планах Никитина.

Начдив внимательно слушал его рассказ. Потом встал; многозначительно переглянувшись с комиссаром, велел ребятам подождать его и поспешно вышел из комнаты.

Андрейка удивился уходу командира, вопрошающе посмотрел на Ваню; тот пожал плечами.

Тогда разведчик повернулся к комиссару, желая на его лице найти отгадку.

Но комиссар только загадочно улыбнулся, прохаживаясь по комнате. Стройный, с ровно подстриженными усами и ласковыми серыми глазами, он был одет в кожанку и высокие яловые сапоги со шпорами. Каждый раз, когда он, поворачиваясь, легко ставил на пол носок вывернутой внутрь ступни, блестящие шпоры мелодично позванивали...

Глядя на разведчиков лучистыми глазами, комиссар сказал задушевно:

— Теперь отдохнете, подлечитесь, с нашими ребятами подружитесь... А там видно будет. Может, и насовсем приживетесь. Мы с радостью вас примем...

Андрейка смущенно потупился, а затем сказал прямо и просто:

— Не сердитесь на нас, товарищ комиссар. Я — азинец. Прошу побыстрее отправить меня в родную дивизию...

— Ну, ладно, ладно!— согласился комиссар. — Только пришел, и уже обратно... Но, знаешь, я бы тоже так, как ты, поступил... А Никитин? Если заявится к нам — опознать, обезвредить поможете. Так что немного отдохнуть придется... А боевой приказ вами выполнен с честью!

Без звука открылась дверь.

Начдив быстро перешагнул порог и, подойдя к раз-

ведчикам, с улыбкой протянул каждому из них по увесистому свертку.

Андрейка недоуменно развернул выкрашенную в черный цвет холстину... и замер! Глаза его радостно заблестели: в его руке отливал синевой вороненый ствол маленького маузера в офицерской кобуре, а из-под ткани высовывалось ребро серой коробки.

— Вот это да!— невольно вырвалось у Андрейки.

Вздрагивающей от волнения рукой он то ласково гладил эбонитовую насечку рукоятки, то нажимал кнопку — вытаскивал обойму, то открывал коробку с никелированными головками патронов.

Начдив и комиссар, улыбаясь, наблюдали за его возней.

Ваня, тоже восхищенный и взволнованный подарком, в смущении вертел его в руках: он не знал, что и как делать. Потом бережно положил подарок за пазуху и стал следить, что делает Андрейка.

Подняв глаза на начдива, Андрейка сказал:

— Спасибо... Такое спасибо!..

— От нас, на память, — промолвил начдив.

Глава седьмая

„Прощайте, соколы!“

1.

— Ну, как, Андрюш, здорово?

— Три пули из пяти? Не здорово, а так, средне...

— Так я третий раз и карабин-то в руки взял!

— Ну, для третьего раза подходяще... Давай в галоп, Ваня, а то комиссар, наверно, ждет нас...

Андрейка с Ваней, одетые в добротную кавалерийскую форму, вперегонки поскакали к чуть видневшейся у леса деревне.

Уже несколько дней разведчики отдыхали. Им составили распорядок дня: подъем в шесть утра, зарядка, завтрак; до обеда — занятия: верховая езда, рубка лозы и самое любимое — стрельба. После обеда они

вместе с красноармейцами посещали политбеседы или курсы обучения грамоте. Вечер был свободным. Они смотрели репетиции драмкружка, играли в городки.

Сегодня у друзей был особый случай: комиссар пригласил их к себе в штаб. Зачем — пареньки не знали и сейчас торопились. Андрейка на скаку нет-нет, да косил глаза на товарища. «Без году неделя в армии, а в седле сидит, что заправский казак,— с невольной завистью думал он про Ваню.— Того и гляди, меня за пояс заткнет!»

Андрейка был прав. Ваня ловко держался в седле. Он на лету схватывал приемы конников. Клинком рубил быстро, сильно и с «потягом», как учил его командир эскадрона Кривцов. Не клеилось пока у него со стрельбой, но Ваня не отступал при неудачах.

А как гордился он своим воинственным видом, чалым конем и оружием! «Эх, вот бы так в свою деревню прискакать! Все бы ахнули!»— думал он часто, и ему уже представлялось, как ненавистный враг Мирон Силыч в страхе бежит от него...

Разведчики подскакали к штабу, поставили коней в стойла и бросились к комнате комиссара.

Андрейка одернул гимнастерку, сдвинул набок фуражку и, скользнув взглядом по ладно сбитой фигуре друга, постучал в дверь.

Комиссар приветливо встретил пареньков, усадил их на лавку у окна, сам присел на табуретку, закурил.

— Ну, рассказывайте, хлопцы, как отдыхаете? Нравится ли у нас?

— Больно ладно!— воскликнул Ваня, забыв, что начальнику отвечать нужно по уставу. Поняв свою оплошность, смутился.

Комиссар улыбнулся.

— Ничего, ничего, не стесняйся, Иван. Я не рапорт принимаю, а веду беседу с боевыми товарищами.

— Хорошо нам, товарищ комиссар! Нравится! Конники все такие добрые, настоящие друзья,— произнес Андрейка, с любовью глядя на комиссара.— Как в родной дом попали.

— Красная Армия и есть для вас дом родной,— сказал комиссар и, чуть помедлив, продолжал:— Но, ребята, война не кончилась...— Он подошел к висевшей на стене карте, утыканной красными и белыми

флажками, обвел тупой стороной карандаша ту часть, которую огораживали красные флажки, и пояснил: — Это наша Советская республика. А вся Россия — вот такая! — рука комиссара с карандашом обошла почти всю карту.

— Ух ты!— удивился Ваня, ткнув товарища под бок.— Только красные-то флажки мало места занимают...

— В том-то и дело, Ванюша, что нас кругом белые теснят, в кольцо взяли. Весь мировой капитал им помогает. Но фронты разные. На одних фронтах враги квелые. Другие — сильно жмут. Где, вы думаете, главный враг стоит?

Андрейка, наморщив лоб, стал вспоминать разговоры, которые велись в дивизии Азина. Как интересно рассказывал о фронтах бригадный комиссар Илья Аронштать, любимец красноармейцев! В последний раз Андрейка слушал его, когда тот только что приехал из Москвы, от Ленина, которому передал подарок ижевских оружейников — маленькую трехлинейную винтовку. Комиссар зашел тогда к разведчикам и долго рассказывал о столице, о любимом вожде, о гражданской войне. Часто упоминал город Царицын. «Наверное, там и главные бои идут»,— подумал Андрейка и вслух высказал свое предположение.

Комиссар одобрительно глянул на Андрейку:

— Видно, что ты парень башковитый. Верно, там важные сражения происходят. И трудно там нашим... Но главная трудность все-таки легла на нас, бойцов Восточного фронта...— Он на минутку задумался, подыскивая наиболее доходчивые слова, и продолжил:—

Вот послушайте. Кто сегодня самый сильный для нас враг? Колчак. Значит, где решается судьба революции? Здесь, у нас. Недаром Ленин послал телеграмму, что если мы не освободим до зимы Урал, то наша Советская республика погибнет. Почему наш вождь так пишет? А вот почему. Во-первых, на Урале много заводов и фабрик, они дают вооружение. Во-вторых, хлеб Поволжья и Сибири спасет нашу республику от голода. В-третьих, разгром сильнейших армий врага позволит перебросить наши войска на другие фронты...

Ребята внимательно слушали комиссара. А он закончил торжественно, показывая рукой на карту:

— Мы не только не пустим врагов к Москве, но еще дадим им скоро такое сражение, что Гайде ихнему и небо с овчинку покажется!

— Ваша дивизия наступать будет?— спросил Андрейка.— А как же мы с Ванюшкой?

— Вы?— улыбнулся комиссар.— Если надумаете с нами пойти, зачислим в разведку. Ваше сообщение о Никитине мы передадим куда надо... Так что сами решайте.

— А вы куда пойдете: ближе к нашей дивизии, или от нее?— насторожился Андрейка.

— Сначала, не скрою, подальше от нее будем, — сказал комиссар.— А потом, может, и встретимся...

— Если долго, нам не подойдет, — вздохнул Андрейка, и произнес твердо:— Как разрешите, будем пробираться до своих.

Комиссар увидел, что разведчик нахмурился, и мягко продолжал:

— До своих так до своих... Проведем вас окольным путем по лесам на Уржум; там уж не так далеко и до места. А по пути задержитесь немного в отряде Чиркова; проверьте, не затесался ли тут ваш знакомый. «Гостей», вроде Никитина, ожидать там можно: это наш тыл.

2.

Ветер промчался по листве старой черемухи, полоснул по соломенной крыше, хлопнул полуоткрытой дверью хлева.

Прислушиваясь к разыгравшейся непогоде, Даша думала: «Что же делать с командиром?»

Она и эту ночь просидела над ним в сарае, не сомкнув глаз.

Мезенцев лежал на сене, прикрытый стареньким тулупом. Он был в беспамятстве.

«Больше ждать нельзя!— решила Даша.— Пойду разбужу деда Карпо»,— и она шагнула к ступенькам невысокой лестницы.

Дед Карпо и Даша четверо суток посменно дежурили у постели раненого.

Желтело лицо командира. Бордово-свинцовое пятно на ноге расползлось уже до колена. Нужен врач. А где его найти?..

— Пи-ить!..

Даша быстро повернулась, торопливо налила стакан молока и, приподняв голову командира, стала медленно поить его.

Скоро забрался в сарай и дед Карпо.

— Ну, как, дочка?— спросил он.

— Очнулся,— радостно вздохнула Даша.— Немного молока выпил.

Увидев, что Мезенцев шевелит губами, дед Карпо осторожно притронулся к его плечу. Раненый вздрогнул, открыл глаза, перевел взгляд со старика на девушку и, узнав ее, прошептал:

— Где Ан-дрей-ка?

— Далеко наши ребята, дяденька командир!— обрадованно заговорила Даша.— Сейчас наверняка у своих!

— Хо-ро-шо бы... Где я?— с трудом спросил Мезенцев, осторожно обводя взглядом сарай.

— У хорошего человека,— ответила девушка.— И дед Карпо здесь... Помните дедушку, который вас на пасеку увез?

Мезенцев внимательно посмотрел на старика. Потом благодарно опустил веки, вздохнул успокоенно и опять затих.

Глядя на спящего командира, дед спросил шепотом:

— Что будем делать, дочка? В деревне-то уже полно беляков... Как бы не сплоховать...

— Не знаю, что и придумать, дедуся,— сказала Даша и задумалась.— Может, лучше увезти его к нам поближе? В наших лесах много добрых людей скрывается, приютят,

— И то правда,— согласился дед.— Как раз кума моего в обоз забрали. Пойду, упрошу его. Авось, подвезет...

3.

Вечером Ваня повстречался с Петром Михайловичем, который кормил разведчиков блинами после долгого блуждания их в Пунцинском болоте; старик обрадовался встрече, расспросил о житье-бытье и на прощание позвал «порыбалить».

От этого приглашения Ваня не смог сомкнуть глаз всю ночь, и Андрейка решил уважить друга: отправился с ним к старому знакомому.

До Филипповской мельницы, куда ребята шагали с Петром Михайловичем, версты пролетели незаметно. Словоохотливый старик успел рассказать о своей жизни. А ему было что вспомнить! В молодости он сражался под началом генерала Скобелева в Болгарии против турок. Искал счастья на Урале: и золото мыл, и в шахтах работал, и гончарным делом занимался...

Но счастья своего так и не нашел, только здоровье потерял. Не было ему счастья и в родной деревне. Совсем плохо стало, когда сын на германскую войну ушел...

Старик задумался, вздохнул. Продолжал после молчания:

— А вернулся сынок-от с войны, и ну со своим дружком бывшим, с Гришкой, цапаться... Сын-от у меня, значится, за ваших, за красных то-исть, а Гришка — Луппы Алексеича сын — все к белым норовил... До чего стало доходить, чуть не подрались было... Вот она какая жизня пошла. Для одних — прямой дорогой, а другим — болотиной ржавой... И как пришли колчаки, наш Луппа-то Алексеич и говорит, что его сынок, Григорий, около самих генералов ходит...

Знакомое имя насторожило Андрейку. Ведь это Никитина зовут Григорием Лупповичем... Неужели это он, его смертельный враг?

Стараясь сдержать волнение, Андрейка спросил:

— Михалыч, а как фамилия Гришки этого, с которым твой сын сцепился?

— Никитин ему фамилия, Никитин...

— Так я его знаю,— с угрожающим спокойствием

произнес Андрейка.— Офицер он, бандит! Вот кто ваш Гришка,— и подросток в ярости сжал кулаки.

— Да я о том и говорю,— закивал в ответ старик.— Офицер он, право слово, офицер. Бают, в большом начальстве. Ты как знаешь?

— Он шпион. Из-за него наш командир чуть не погиб. И других может подвести, если опять к нашим проберется.

— По Тараске — салазки, по Егорушке — гармошка,— присказкой отозвался старик.— Таким супостатом и в деревне был. Покажу его дом. Во-о хоромина!— широко развел он руками.

Андрейка больше не слушал рассказ — перед ним вставали фигура предателя, засада у моста, встреча на пароме...

А Петр Михайлович, покосившись на разведчика и поняв его состояние, опять вздохнул и замолчал... Когда подошли к широкому, заросшему пруду, старик вытолкнул из кустов две долбленые, сбитые вместе, осиновые колодины и взял большой шест.

Андрейка, никогда не видавший такого сооружения, неуверенно поставил ногу в одну из колодин. Суденышко тотчас угрожающе накренилось набок, чуть-чуть не зачерпнув бортом воду.

— Вот пентюх!— рассердился было дед.— Да разве можно так? Ноги враз ставь в бусы,— и, усадив Андрейку с Ваней, ловко вскочил на корму сам, легко оттолкнулся шестом от берега.

Глядя на загрустившего разведчика, старик через минуту сказал добродушно:

— Ты не сердись, парень. За дело шумнул: опрокинуть бы лодку мог.

Андрейка непонимающе взглянул на него, потом улыбнулся виновато и со вздохом произнес:

— О Никитине все думаю...— и снова стал смотреть без интереса на бегущую за кормой воду, на плетеные морды, которые осматривал дед. Только один раз взгляд его оживился, когда Петр Михайлович и Ваня с трудом подняли тяжеленную плетенку. Серебристая сорога ручьем потекла через открытую дверцу... Видя, что своим молчанием он портит настроение и старику и Ване, Андрейка постарался взять себя в руки и начал нахваливать улов.

Домой возвращались оживленные, и разведчик не напомнил даже старику о том, что тот хотел показать им никитинские хоромы. Да и к чему было расспрашивать: только одна двухэтажная, обитая свежим тесом постройка под железной крышей возвышалась над соломенными ветхими избами.

Но старик не забыл об обещанном. Когда поравнялись с хороминой, заговорил:

— Как случилась заваруха на Ижевском заводе, этот супостат, Гришка-то, всю волость разбузыкал. Говорить он горазд. Соловьем заливается, а мужики и ухи развесили: думают, раз баско гуторит, знать, его правда... Ну и пошли за ним. Да скоро домой прибегли. Гришка тогда и подался к колчакам... Намедни в Сюмсях его видели: грозился прийтить с расправой...

4.

Никитин спал... Спал спокойно. На губах его вздрагивала улыбка: ему снилось детство.

Вот он — мальчуган. В коротких штанишках бежит он с Васькой, закадычным другом, за деревню, в поле. Заветное место у них — прудик: когда-то копали мужики глину для своих печей, и вешние воды заливали каждый год большую яму до краёв. Ох, и любили деревенские мальчишки здесь плавать!..

Гаснет улыбка на красивом, чуть припухшем лице спящего; густые черные брови поползли к переносью. Сменился сон. Кошмар сдавил грудь.

...Фронт в Галиции. Серые фигуры солдат выскакивают из окопов, со штыками наперевес бросаются врукопашную. Молодой командир взвода прапорщик Никитин, размахивая наганом, бежит рядом с первой шеренгой.

«Вж-и-к!»— пропело над головой. Австрийцы бегут... Откуда же пуля? Никитин оглянулся и почувствовал, как его ожег взгляд горящих глаз... «В своего офицера стрелять?.. Мало, знать, хлестал его по лицу!»— успела мелькнуть мысль, но сразу же тяжелый удар согнул голову...

Спящий скривил в злобной гримасе губы, прохрипел: «Ненавижу!..» Лоб покрылся холодной испариной... Никитин повернулся на бок и... проснулся. Рывком под-

нялся; шлепая босыми ногами по крашеному полу, прошел к столу. Нашарил пачку папирос, закурил. Жадно глотая табачный дым, повернулся к окну, широко распахнул обе створки.

В комнату потянуло прохладой. Но это не успокоило его.

Неудача с поимкой Мезенцева выбила Никитина из колеи. Вместо награды и похвалы его, проштрафившегося офицера, задвинули в медвежий угол — командовать первым Тобольским полком.

Когда-то ударный, полк этот терпел поражения и, окончательно разлагаясь, наводнял окрестные леса в низовьях Кильмези толпами дезертиров.

Рушилась дисциплина, солдаты роптали, все чаще отказывались выполнять приказы... Никитин понимал обстановку, но сделать ничего не мог. Он с болезненной тоской ждал неминуемого конца, уже не хотел ни славы, ни мести. Желал только одного: спрятаться, как улитка, отдохнуть, плюнуть на всю эту безнадежную войну...

Только перед рассветом Никитин снова уснул. Встал поздно. Быстро умылся. Как всегда, придирчиво оглядел себя в зеркале и пошел в штаб. В ожидании приезда нового командира дивизии, Угрюмова, торопливо пробегал глазами сводки, рапорты, донесения, раскладывал их по папкам. Приезд Угрюмова беспокоил. Что ему надо? Неужели кто-нибудь из офицеров накляузничал? Не успел принять дела, и сразу сюда... Не миновать нахлобучки...

Угрюмов вошел в кабинет без стука.

— Приветствую вас, Григорий Луппович!— бросил он с порога.— Давненько не виделись... А я вот уже второй день знакомлюсь с новой обстановкой...

Никитин вскочил на ноги, торопливо вышел из-за стола. Он хотел было приступить к докладу.

— Полно, батенька, что за официальщина.— Угрюмов крепко пожал ему руку.— Рад вас видеть на посту командира полка вверенной мне дивизии. Как-никак, старые сослуживцы... Да вы, я вижу, сегодня не в духе?— он загадочно прищурил глаз.— А вот я вас сейчас развеселю!

Никитин недоуменно развел руками:

— Ничего радостного не жду. Скорее обратное...

— Не угадали, друг мой! Не угадали!— покачал головой Угрюмов и, приметив нетерпеливый блеск в глазах офицера, достал из полевой сумки пакет.— Вот полюбуйтесь.

Никитин недоверчиво сломал сургучную печать, осторожно извлек хрустящую четвертинку бумаги. Развернул ее и быстро пробежал глазами. Краска удивления и радости покрыла его лицо.

— Не понимаю! Тут какая-то ошибка!

— Никакой ошибки,— улыбнулся Угрюмов.— Все правильно: подписи, печать и так далее... Поздравляю от души, Григорий Луппович, с присвоением звания подполковника,— и Угрюмов расцеловал растерявшегося офицера. — Вот так-то! Сразу через ступеньку шагнул! А теперь и меня поздравьте!

— Как! И вас? С генералом?

— Да-с, милостивый государь, — самодовольно ухмыльнулся Угрюмов.— С генерал-майором-с!

— Сердечно поздравляю, Арнольд Петрович!— кинулся к нему Никитин, но тут же спохватился:— Как же мне сейчас обращаться к вам? Через «превосходительство»?

— Полноте, полноте, Григорий Луппович,— отмахнулся Угрюмов.— Все будет по-старому. Только разве в официальных случаях...

— Да-да, я понимаю,— поспешно согласился Никитин. «Значит, мне простили провал с Мезенцевым? Кому-то еще ты нужен, старый боевой конь! О тебе еще помнят...»— радовался он и чувствовал, как вновь заряжается кипучей энергией.

— Вижу, на радостях и о хлебосольстве своем позабыли?— как бы возвратил Никитина с неба на землю Угрюмов.— А я, признаться, натощак сюда выехал.

— Виноват! — спохватился Никитин.

— Долго засиживаться нет времени. Закажите, подполковник, только легкую закуску. Нам нужно побывать на позициях... Ну, а к вечеру можно и обстоятельней сесть за стол...

Никитин понимающе улыбнулся, кивнул головой и вышел отдать нужные распоряжения. Какими глупыми показались ему сейчас ночные страхи! Нет, поторопился он отпевать себя! Определенно поторопился! Счастье снова улыбнулось ему, и стоило жить на свете!

5.

В радужном настроении Никитин отправился с новоиспеченным генералом на позиции...

Однако лучше было бы и не ездить туда! Угрюмов хмурился: окопов мало, да и вырыты в полроста; сторожевая охрана ведется небрежно, солдаты насуплены, вяло отвечают на приветствия... Они-то больше всего и не понравились Угрюмову.

Когда, усталые, запыленные, генерал с подполковником возвращались домой, Угрюмов проговорил раздраженно:

— Распустились люди, подполковник... С первого взгляда вижу, что половина из них — смутьяны. Стоит повести наступление, как многие из солдат разбегутся. Надо принять меры к тому, чтобы резко поднять дисциплину.

— Должен доложить, Арнольд Петрович,— торопливо отозвался Никитин,— что с этого я и начал работу, как принял полк. Боеспособность людей важнее фортификации.

— Боюсь, что начали либерально. А вас для того и послали в этот полк, чтобы вы приняли нужные меры. Не останавливайтесь ни перед расстрелами, ни перед угрозами, ни перед обещаниями! Полк через неделю должен быть готов к активным действиям!

— Через неделю?— изумился Никитин и натянул поводья. Конь взвился на дыбы. Хозяин огрел его плеткой и, поравнявшись с генералом, проговорил:— Не принимает ли начальство поспешных решений? Пока полк, думается, способен лишь обороняться, да и то...

На этот раз уже Угрюмов удержал рванувшегося коня.

— Не будьте наивным, подполковник. Что вы думаете, вас повысили в чине, послали на ответственный участок за ваши красивые глаза? Смею вас уверить, что нет! Командование знает ваш сильный характер и надеется на вас... Поймите: наступление неминуемо! А то для чего бы маршевые роты, боеприпасы, пополнения?..

Угрюмов огляделся кругом и, ослабив поводья, рассказал Никитину о секретном приказе адмирала Кол-

чака. Оказывается, Сибирская армия готовилась к решительному наступлению по двум направлениям: вдоль железной дороги на Глазов — Вятку и на Казань. Одновременно предполагалось частью сил корпуса Пепеляева форсировать устье реки Кильмези и, продвигаясь левым берегом Вятки, выйти на линию Нолинск—Кырчаны, отрезать коммуникации тридцатой дивизии и уничтожить ее. Выполнение этой операции возлагалось на дивизию Угрюмова, а полк Никитина в авангарде должен был разрубить фронт красных отрядов и расчистить дорогу для главных сил...

— Вот так-то, батенька мой,— закончил генерал и, усмехнувшись, спросил: — Вам приходилось, Григорий Луппович, когда-нибудь удить рыбу?

— Рыбу? — недоуменно проговорил Никитин.— Не знаю... Разве что в деревне, на мельнице, баловался... А что?

— Значит, вы знаете, какая основная снасть рыбака? — так же усмехаясь, спросил Угрюмов.

— Конечно, удочка,— пожал плечами Никитин.

— Вот-вот. Крючок! — подтвердил Угрюмов и, склонившись в седле, негромко сказал: — Мы и есть этот крючок. Все будет зависеть от того, какая рыба клюнет. Если мелочь, то мы ее — на берег...

— Ну, а если крупная? — нервно задал вопрос Никитин.— Тогда она оборвет крючок?

— Да, оборвет,— невозмутимо продолжал Угрюмов,— да еще и выплюнет на дно: утопит.

— Ну, и как вы, которому доверена целая дивизия, реагируете на это?

— А так, Григорий Луппович: ударим сильно — будет грудь в крестах; а не сумеем — окажемся в мешке, на самом дне... Завяжут тесемки этого мешка двадцать восьмая и тридцатая дивизии, и — конец нам. Они же на полтораста километров, по существу, в тылу у нас стоят!..

— Да, положеньице... Тем более, что двадцать восьмой командует Азин...

— Вот именно... Однако пока обстановка благоприятствует нам, а не Азину. Агентурные сведения очень хороши... Ну, а с тридцатой мы сыграем шуточку — век будут помнить... Заброшен у нас в нее свой человек, вроде того, как вы были когда-то у Азина... Так вот

этот человек сейчас во главе роты, которая поступила на пополнение... Направьте-ка к нему надежного человека для связи. Переход роты на нашу сторону оголит фронт, и тогда...

6.

В раму стукнули.

— Давай, ребята, до Гуры! Лошадки подседланы. Кабы не опоздать на представление.

Андрейка и Ваня торопливо выскочили на улицу.

Когда добрались, представление было уже в самом разгаре.

Конники поставили «Овода». Спектакль имел шумный успех. Зрители неумело ударяли в мозолистые ладони, топали ногами, кричали «браво».

Но с заключительной сценой получился конфуз.

Когда кардинал Монтанелли осудил своего сына Артура на смертную казнь, весь зрительный зал возмутился. Бойцы освистали кардинала. А когда Артура повели на казнь, зал разразился бурей. Сквозь топот слышались крики:

— Не смейте его убивать, буржуи!

— Мы ваши кишки на клинки намотаем!

Визгливый женский голос перебил всех:

— Чего смотрите, вояки? Человек гибнет, а вы сидите, трусы!

Этот крик переполнил чашу терпения. Трое кавалеристов схватились за клинки. Артист, изображавший палача, испуганно заметался по сцене. Увидев перед своим носом обнаженные шашки, он в ужасе сорвал с головы парик и истошным голосом заорал:

— Братцы! Я ж Кузьмин! Своего конника рубать задумали?!

Только сейчас зрители вспомнили, что это был спектакль...

Как раз во время этой драматической сцены на плечо Андрейки легла тяжелая рука; бравый кавалерист прошептал на ухо многозначительно:

— До штабу велено обоих доставить.

— Поехали, Ваня,— шепнул разведчик другу и поднялся со скамьи.— Вызывают нас...

Комиссар нетерпеливо ходил по горнице. Увидев ребят, шагнул навстречу, заговорил торопливо:

— Мы расстаемся, друзья. Наша дивизия срочно перегруппировывается. А вас, как говорили, лесами доставят в Уржум...— Он повернулся к замершему у порога красноармейцу и коротко приказал: — Поручаю вам провести разведчиков до отряда Чиркова. Вот сопроводительный пакет.

— Будет выполнено, товарищ комиссар.

— Прощайте, соколы! Ни пуха, ни пера. В пакет вложен приказ, по которому вам всюду будут оказывать содействие... Но помните: на бога надейся, а сам не плошай!

Андрейка видел в окно, как эскадроны взводными колоннами уже выходили из деревни...

Глава восьмая

Встречи в лесах

1.

Глухо простучали кованые копыта лошадей по деревянному настилу моста через болотину. Молодой березник кончился. Большак уперся в широкое поле. За ним виднелась деревня.

Андрейка напряженно всматривался: на широкой деревенской улице царило необычное оживление.

— Это Салья,— равнодушно бросил спутникам медлительный красноармеец-проводник.— Здесь штаб отряда. Сдам вас и уеду обратно.

Андрейка благодарно кивнул:

— Спасибо за помощь,— и повернулся к молчаливому Ване: — Что нос повесил? Скоро и до своих доберемся.

— Скорее бы,— вздохнул тот.— Надоело по лесам мотаться...

Въехав в деревню, всадники оказались на просторной площади. Они спешились около большой толпы красноармейцев. Андрейке не было видно, что происходит в толпе. Он подал повод Ване, попросил подождать и из любопытства бочком протиснулся к центру круга.

На пулеметной двуколке сидел молодой красноармеец. Подыгрывая себе на звонкоголосой однорядке-тальянке, он выводил старательно:

Не тоскуй, не плачь, мамаша!
Буйну голову свою
Пусть сложу за счастье наше,—
Колчаков я в гроб вгоню!

Скоро белых мы погоним
До Урала самого,
И там Гайду мы изловим
С Пепеляем заодно.

К двуколке подошел приземистый усач в кожанке и положил руку на гармошку. В наступившей тишине послышался его вятский говорок:

— Ну-ка, Костин, развернись! Давай любимую.

Гармонист улыбнулся. Подмигнув понимающе усатому, он пробежался пальцами по клавишам. Широко растянул меха. Скороговоркой, тенорком пропел:

Разудалую ту песенку
Сыграю я для вас.
Разверните круг пошире,—
Мы пойдем в веселый пляс!

И сразу же, без перехода, сжал меха, топнул ногой в зеленой обмотке и заиграл быструю, разухабистую «Барыню» с переливами.

Человек в кожанке вытянулся, его глаза задорно прошлись по толпе. Вот он прищелкнул пальцами, поочередно вывернул в стороны ноги, ударил по ним руками и поплыл на носках.

Бойцы раздвинули круг, захлопали в ладоши.

А гармошка заливалась, звала, звучала все задорнее.

Плясун топнул каблуками и пошел вприсядку. Полы хромовой тужурки крыльями взлетели в вихре пыли.

Ритм музыки нарастал. Окружающие охали, гикали, подбадривали плясуна:

— Эх-ма, поддай, поддай!

— Ай да Чирков! Вот так командир!

— Крути!

— Наяривай!

Чирков уже крутился волчком. Потом приткнулся

пальцами к земле и пошел, пошел гусем. Замелькали выбрасываемые вперед ноги... Взлет, еще взлет...

Андрейка не спускал с него восхищенных глаз. Так вот каков Чирков! А он-то представлял его пожилым, замкнутым. Вот тебе и замкнутый — смотри-ка, совсем как Мезенцев. Тот, в редкие минуты отдыха, так же легко выделывал в кругу друзей-разведчиков замысловатые коленца.

Гармошка уже не выводила мелодию, а только рявкала отдельными аккордами: «Их-их! Рух-рух!»

Гармонист озорно свистнул, прошелся пальцами по всей планке, ухнул — и сразу же с десяток молодых, задористых парней топнули, завертелись, закружились.

Чирков, тяжело отдуваясь, стал выбираться из толпы. Весь он еще был в бешеном ритме пляски, темные глаза озорно смеялись. Увидев незнакомого паренька с маузером на боку, согнал улыбку с лица; одернул тужурку, спросил строго:

— Кто такой будешь? Что-то впервой вижу!

— Красноармеец Тигунов,— четко отрапортовал Андрейка.— Следую к месту службы.

— Куда?

— В двадцать восьмую стрелковую.

— Фью-ю! — присвистнул командир. — Ты, парень, не путаешь чего, случаем?

— Не путаю! — ответил разведчик, и в его голосе послышалась гордость. — Двигаюсь через Уржум на Вятские Поляны.

Андрейке было приятно, что командир знал о его родной дивизии, и еще более приятным казалось удивление на лице Чиркова. «Знай наших — азинцев! Везде пробьемся! — горделиво подумал он, но тут же спохватился: — Рано хвастаешься...»

— Откуда ты следуешь-то? — удивился командир.

— Из расположения тридцатой,— скромно объяснил Андрейка, еле сдерживаясь от желания рассказать о пройденном и пережитом — так понравился ему командир.

Чирков удивлялся все больше и больше. Подняв брови, он недоверчиво оглядел запыленного паренька, неопределенно хмыкнул, но спокойно спросил:

— А документ соответствующий имеешь?

— Имею! — уже с явной гордостью ответил разведчик и, будто не зная, с кем говорит, добавил: — В отряд товарища Чиркова.

Тогда командир заулыбался и объявил:

— Я и есть Чирков. Пройдем в штаб. Ты один?

— Двое нас. Да еще проводник,— показал Андрейка на своих спутников.

2.

Прапорщик Гагин по приказу подполковника Никитина переправился со своей ротой через Кильмезь и с ходу овладел Аркульской заставой. В тот же день туда приехал и командир полка.

Застава явилась очень удобным пунктом для наступления. С одной стороны она была защищена широкой старицей, с другой — дремучим лесом. Только узкая полоса проселочной дороги прорывалась через тайгу.

Никитин в новеньких погонах (невесть где найденных адъютантом), на которые он нет-нет да поглядывал, бродил по заросшему берегу озера и с нетерпением ожидал возвращения прапорщика с головной заставы.

Озеро подходило к самой дороге, потом, выгибаясь дугой, смыкалось с полноводной рекой. До слуха Никитина долетали то кряканье уток, то резкий крик летающих чаек. Ему вдруг захотелось увидеть хотя бы одну крякву. Он перебегал от куста к кусту, от них — к затопленному стволу упавшего дерева, но напрасно: осторожные птицы замирали в траве или, с шумом поднимаясь, улетали в дальний конец озера.

Никитину надоела беготня. Отряхнув брюки от приставшей сухой травы, он прилег под посохшим дубом, подставляя лицо лучам солнца и улыбался весело, беззаботно, радуясь неизвестно чему.

Из-за перелеска вымахнул всадник. Это был Гагин. Круто осадив коня, он спрыгнул наземь и торопливо подбежал к командиру полка.

Никитин подвинулся, давая ему место возле себя. Произнес, потягиваясь:

— Ну и денек сегодня! Каждая тварь на солнце выползла: греется!..— Хрустнул плечами, спросил: — Тебе хочется жить, прапорщик?

Гагин смутился от неожиданного вопроса. «Удивительно,— подумал он,— такого сухаря вдруг на философию потянуло...»

— Да как сказать? — замялся он и, стараясь подделаться под настроение начальника, проговорил: — По-моему, каждый своей жизнью дорожит...

— Это верно. Иной раз видишь, что зашел в тупик, выхода нет, а все же ищешь свою соломинку... Схватишь ее, и будто не было тупика. Цель жизни увидишь...

Гагин морщил лоб, стараясь понять, куда гнет Никитин. А тот так же задумчиво, будто про себя, продолжал:

— И судьба-соломинка нас с тобой тянет только к одному: победить. Да, победить! Другого выхода нет... А как победить?..

Никитин круто повернулся к Гагину, испытующе глянул в его глаза.

— Мы неплохо начали, Григорий Луппович, — заговорил тот осторожно.— Красным нужен целый корпус, чтобы выковырнуть отсюда моих солдат. Буду укреплять оборону. Сейчас объехал участок, все посмотрел... Если разрешите, изложу свои соображения.

— Нет, ты меня не понял,— с досадой отмахнулся Никитин и добавил раздраженно:—Что ты носишься со своей обороной, как с писаной торбой? Да пойми, наконец, прапорщик, простую вещь: если мы погрязнем в этих чертовых болотах, то погибнем... Выход один — наступать! Разбить красных и вырваться из западни!

Гагин все так же осторожно возразил:

— Однако наступать в этих условиях не так-то просто... — его даже передернуло при одной мысли о том, что нужно будет идти по лесам, где каждый куст, каждое дерево станут крепостью для обороняющихся.

Никитин, как будто не слыша возражений подчиненного, сказал жестко:

— Я ставлю задачу, от которой будет зависеть не только твоя дальнейшая судьба...

Гагин побледнел, но промолчал. Мысль о предстоящем задании его окончательно встревожила. «Эх, Гагин! — горько сказал он себе.— Не сносить тебе головы. Загубит тебя этот хитрюга!»

Никитин понял, что Гагин перетрусил, и молвил с усмешкой:

— Держитесь молодцом, прапорщик! Я привез неплохой план...

Достав из планшетки карту-пятиверстку, он вполголоса начал объяснять задание.

Гагин слушал молча. Когда Никитин закончил, он робко спросил о сроке выполнения.

Никитин сказал резко и убедительно:

— Они уже там. Вам нужно быть в условленном месте завтра утром... С вами пойдет Жуков. Он только вчера прибыл из лазарета.

3.

Было позднее утро, а разведчики, уставшие после изнурительного похода, все еще лежали на сеновале. Подниматься Андрейке не хотелось. Он сладко потянулся и закинул руки за голову. Прислушиваясь к Ванюшкиному похрапыванию, думал о Мезенцеве, о Даше, вспоминал родной полк... С нежностью поглядывая на спящего друга, представлял, как доложит о нем комбригу Северихину, а может быть, и самому Азину...

Его мысли прервал негромкий разговор за стеной. Андрейка прислушался.

— Как же мы будем переходить линию фронта? — глухо гудел встревоженный голос.— Застава нас задержит. Поднимется переполох...

— Вначале роту расположите в окопах. В охранение поставьте верных людей. Наши части подойдут, окружат...

Андрейка насторожился: второй голос показался ему знакомым. «Где я его слышал?» — напрягал он память.

Андрейка вспомнил паром на реке Вале...

Неожиданно все стало ясно.

— Вы, Гагин, предупредите меня, дайте сигнал, когда окружение будет закончено,— прогудел первый голос.

Так вот где привелось с ним встретиться!..

Андрейка неслышно подполз к стене и стал напряженно вслушиваться, стараясь не пропустить ни одного слова.

Вот заговорил Гагин:

— А с коммунистами и сочувствующими как думаете поступить? Сколько их наберется?

Первый помолчал, потом ответил с усмешкой:

—Да человек двадцать-тридцать наверняка... Вначале их не будем трогать. А вот когда разоружим — наведем порядок!

— Ваня, Ванюшка! — чуть слышно зашептал, повернувшись к другу, Андрейка и ухватил его за плечо. — Вставай, соня! Гагин за стеной говорит!

Ваня проснулся, протер глаза, прислушался. С ненавистью подтвердил:

— Ей-богу, он!..

— Тихо! — сказал Андрейка.— Скорее в штаб!

4.

— Ох, как неудачно,— сокрушенно произнес Андрейка, когда часовой сказал пареныкам, что Чирков выехал на позиции.

Андрейка сосредоточенно думал: «Что же делать? Надо срочно что-то предпринимать, а в штабе хоть шаром покати! Не часовому же докладывать о разговоре». Но придумать ничего не мог.

Вскоре мимо штаба прошагала колонна пехотинцев — пополнение отряда. Местные отрядники толпились группами, оживленно говорили о вновь прибывших, явно завидовали их новенькой, ладно пригнанной форме.

Андрейка неотступно искал глазами знакомую фигуру. Толкнул в бок товарища:

— Вань, не видишь его?

— Сейчас погляжу,— отозвался тот и торопливо пошел за колонной.

Рота уже подошла к середине деревни, когда он вернулся к другу и зашептал:

— Смотри, вон тот, с краю!

— В первому ряду? — возбужденно переспросил Андрейка. Вгляделся. Ошибки не было!

И разведчик поспешил к командиру роты, который шел сбоку. Тот замедлил шаг и удивленно взглянул на паренька в военной форме.

— Товарищ командир! — взволнованно проговорил Андрейка.— В вашей колонне идет белый контрразведчик!

Командир вздрогнул, опасливо оглянулся, смерил Андрейку испытующим взглядом и глухим шепотом спросил:

— Ты, брат, не рехнулся? В моей роте — белый?

— Клянусь, товарищ командир!

— Который?

Андрейка осторожно показал на Гагина.

— А кто еще подтвердит? — уже встревоженно прошептал командир, наклонившись к Андрейке.

Разведчик растерянно развел руками.

— Да никто, кроме моего дружка,— и доверительно сообщил: — Я уж в штаб бегал, только там никого нет. Надо его скорее задержать, товарищ командир! В лесу он сбежать может!

Командир нахмурился и проговорил:

— Так нельзя, парень. Можно сделать промашку. А вдруг он не один? Сначала надо выявить его сообщников, узнать их планы...— он помолчал и добавил назидательно: — Арестовать никогда не поздно... Ты вот что, иди обратно, да не болтай никому. Может, в деревне помощники у него остались — передать могут. Я верных товарищей к нему приставлю, глаз не спустим. Как арестую, лично доставлю сюда. И о тебе доложу, чтоб наградили. Договорились? — Он по-товарищески протянул руку Андрейке.

Решив, что все в порядке, разведчик обрадованно повернул обратно.

Но Ваня не разделил его радости.

— Нет, Андрюш,— покачал он головой,— неладно выходит. Наверно, этот самый и разговаривал с Гагиным: голос похож, гудит, ровно колокол на нашей церкве.

Андрейка оторопело посмотрел на него. Потом ударил себя по лбу и воскликнул:

— Вот растяпа!.. Так это они заодно! Ох, гады!

Что теперь делать?

Он даже похолодел при мысли о том, чем все это может кончиться.

Но тут же принял решение:

— Ты, Вань, иди следом за ротой, да не показывайся им на глаза. Проследи за офицерами. А я в штаб, дождусь Чиркова... Только осторожнее. Чуть что, обратно беги...

5.

Всю дорогу до штаба Андрейка думал о том, как бы поскорее найти Чиркова.

Часовой, снова увидев надоедливого мальчишку, загородил ему дорогу винтовкой и сказал:

— Не велено никого пускать. Там заседание.

— Я же тебе говорю, у меня важное дело! Нельзя ждать!

Часовой невозмутимо возразил:

— У них тоже важное.

— У меня еще важнее!

— Отойди, малый! — прикрикнул часовой, которому надоело препираться, и угрожающе вскинул винтовку.

— Когда заседание кончится, рота к белым уйдет! — не выдержал Андрейка.— Понял ты? Офицеры новую роту к себе уводят! Доложи командиру! Ну!

— Ты вот что, паря, иди отсюда подобру-поздорову. И не выдумывай глупостев... Виданно ли дело, чтоб целую роту да к белым?.. Угораздило тебя придумать такое!..

Андрейка прямо-таки задохнулся от негодования. Присев на пенек, сжал голову руками.

— Вот-вот,— успокоил его часовой,— охлынь маленько! А то с дуру-то накричал черт-те што! — и, сменив гнев на милость, пожалел паренька: — Может, паря, тебе голову-то, тово, напекло малость? Шел бы лучше под навес, скорей полегчает...

— Сам ты иди! — взъелся вконец раздосадованный разведчик и, вскочив с пенька, показал часовому кулак.

6.

День жаркий, безоблачный.

Рота движется медленно.

— Ногу, товарищи, ногу выше! Шире шаг!

Командир поравнялся с головой колонны, незаметно моргнул Гагину и, отойдя в сторону, стал пропускать взвод за взводом мимо себя. Вот проехал ротный обоз, санитарная повозка...

Гагин, увидев нахмуренное лицо офицера, подошел к нему и, шагая рядом, спросил озабоченно:

— Что случилось, поручик?

— Боюсь, что вы опознаны, черт бы побрал этого парня!

— Какого парня? Как — опознан? Я у вас всего два дня. Вы шутите?

— Не до шуток! С минуты на минуту я жду погони! Понимаете, в чем дело...

Офицер, торопясь, в нескольких словах рассказал о встрече с Андрейкой.

— Поймите, что мальчишка знает вас. Настаивал на аресте. Я ему заговорил зубы. Но вдруг он пойдет в штаб?

— Ума не приложу, кто меня мог знать в этих местах?— встревоженно сказал Гагин.— Хоть какой он из себя-то?

Офицер коротко обрисовал Андрейку.

— Он!— воскликнул пораженный вестью Гагин.— Азинец!.. Да, положеньице скверное. Этот проныра в покое не оставит... Знаю я его: наверняка уже крадется следом... А вот я сейчас проверю!

Гагин быстро нагнал колонну красноармейцев, отозвал в сторону здоровенного бойца и стал с ним шептаться.

— Только, Жуков, без шума!— закончил он и предупредил: — Иначе весь план загубим и прежде всего — себя.

На крутом повороте дороги Жуков скользнул за придорожный куст и затаился. Ждать пришлось недолго: из-за дерева осторожно выглянул молодой красноармеец. Он перебежал поляну и снова исчез в лесу.

— Ах, так это ты?— пробормотал изумленно Жуков, узнав Ивана.— Ну, ничего, сейчас я с тобой расплачусь за все!

И как только выгоревшая фуражка разведчика мелькнула меж кустов, он крикнул:

— А ну, выходи, дьяволенок!

В ответ неожиданно прогремел выстрел.

Жуков инстинктивно пригнулся, отполз; в горячке выпустил обойму в кусты, где, по его расчетам, скрывался паренек.

В лесу было тихо. Только комары с нудным писком облепили лицо и руки Жукова. «Убежал, наверно»,— подумал он, но не решался покинуть засаду.

Встревоженный выстрелами, появился командир. Посовещавшись, они торопливо отправились вслед ушедшей роте.

И сразу же из кустов высунулось круглое веснушчатое лицо Вани. Разведчик в нерешительности потоптался на месте и быстро побежал обратной дорогой.

Он торжествовал. Еще бы! Впервые в жизни он дрался один на один с врагом и не испугался. «Подожди, мы с Андрейкой тебе еще покажем!»— мысленно пригрозил разведчик и прибавил шагу.

Вот и деревня! Андрейка сидит у штаба. Видать, добился своего — дошел до Чиркова. Ваня подбежал к другу и, еле переводя дыхание, выпалил все, что узнал об ушедшей роте. Под конец сказал гордо:

— Ишо в Степку Жукова стрелил. Как он заорал «Выходи», я хвать эту штуку,— Ваня похлопал рукой по кобуре,— и врезал в него! Наверно, здорово он перетрусил! Лежит и головы не поднимает. Только шпарит из ружья по кустам. А меня там и след простыл... Кабы не тот офицер, я бы Степку устукал...

— Какой Жуков? Чего ты сочиняешь?— оборвал его Андрейка.

— Сам знаешь, какой,— обиженно отозвался Ваня. — Какого ты прикончил. А он возьми и оживи.

— Как «оживи»? Это покойник-то?

— Чтобы глаза мои лопнули! Право, Жуков... Ожил! Вот тебе и «покойник»,— передразнил его Ваня.

«Выходит, я промазал, а он мертвым притворился?— удивился Андрейка.— Тогда понятно, откуда засада на реке появилась, когда командира поранило». Но тут же подумал, что отряд, посланный Чирковым вслед изменникам, нагонит их, и Жуков все равно попадется. И он рассказал другу, как ему удалось попасть к Чиркову.

— Я через окно к нему влез... Целый отряд ушел туда. Скоро и мы с командиром тронемся: я упросил его взять нас с собой.

7.

— Разрешите войти, господин подполковник?— сказал бодро Гагин.

По его тону и по тому, как горделиво он гремел палашом, Никитин понял, что операция удалась. Но ему не терпелось узнать подробности, и он поторопил:

— Рассказывайте, рассказывайте, прапорщик.

Гагин, лихо щелкнув каблуками, не без хвастовства доложил:

— Рота красноармейцев выведена на передовые позиции, разоружена и переправлена на этот берег. Доставлено все хозяйство...

Никитин осклабился в самодовольной улыбке:

— Ну, что ж, моя наука пошла вам впрок... Отменно, отменно!—Он потер руки.— Утром будем наступать! Общее руководство передовым отрядом за вами, прапорщик.

Гагин развел руками, но высказать вслух свое нежелание побоялся: он знал, как крут бывает в гневе начальник.

А Никитин продолжал:

— После разгрома штаба закрепитесь в их лагере. Я подойду на помощь с первым батальоном.

Гагин кусал губы, думая, как бы увильнуть от рискованной операции. Понял, что это не удастся. Чтобы хоть как-то обезопасить свое положение, попросил:

— Операцию опасно откладывать на завтра: нас выследили разведчики, те самые парни, что были с Мезенцевым. Они могут рассказать своему командованию.

Разрешите выступить сегодня к вечеру, чтобы красные не успели подтянуть силы.

Никитин вскочил на ноги, изумленно уставился на офицера. У него мелькнула даже мысль, что он ослышался; переспросил:

— Как? Они здесь?.. Невероятно!

Увидев утверждающий жест Гагина, он минуту молчал, потом сказал:

— Согласен, прапорщик... Действуйте! Успешно выполните задание — получите повышение. Если же провалите, тогда не взыщите...

Оставшись один, Никитин в задумчивости сидел за столом. «Откуда появились разведчики? Что привело их сюда, в глухомань? Может быть, и Мезенцев здесь?.. Пошлю с Гагиным Жукова, от него не уйдут...»

8.

Вятские леса — угрюмые, вековые... Беда, если сбился человек с дороги. Будет он ходить и день, и неделю, и месяц, кружить вокруг да около, пока не иссякнут силы, не заглотит его покрытая зеленью трясина или не поломает кости хозяин здешних мест — медведь.

Андрейка взобрался на огромную пихту и осмотрелся.

Вечерело. С низины дохнуло прелой испариной.

Молодую зелень широкой поляны черной ломаной линией разрезали пустующие окопы. Позади них дыбились две большие землянки. А за ними по всей опушке леса расположились красноармейцы, отдыхающие после быстрого трудного перехода. Одни из них блаженно разлеглись на земле и уже похрапывали, другие курили, третьи просто грелись под лучами заходящего солнца.

Андрейка разыскал глазами Ваню. Подумал: «Что он там копошится?» — но тут же улыбнулся, увидев, что Ваня с двумя красноармейцами выкатили на пригорок пулемет и тщательно его замаскировывают. В это время Андрейка заметил трех конников, которые осторожно ехали по дороге и часто оглядывались по сторонам.

Соскользнуть с дерева и подбежать к Чиркову было делом одной минуты. Командир выслушал его рапорт, скомандовал:

— По местам!

Андрейка видел, как быстро растекались группы красноармейцев, скрываясь в зелени.

Чирков сказал несколько напутственных слов командирам взводов и приказал Андрейке:

— Иди к пулеметчикам.

Андрейка ящерицей пополз к пригорку, удобно пристроился рядом с Ваней и, подготовив карабин, осмотрел опушку леса. Ого, как искусно укрылись красноармейцы!

— Ну как, Вань, не страшно?— спросил он друга.

— Не знаю... Муторно немножко...

— Ну, это пройдет,— успокоил его Андрейка.

На дороге раздался цокот копыт. Всадники уже приближались к окопам. Вот они остановились, осмотрелись и повернули коней обратно. Вскоре, по трое в ряд, из-за поворота дороги показалась большая группа вражеских конников.

«Не меньше эскадрона!»— определил Андрейка и замер в ожидании боя.

Едва белогвардейцы выехали на середину поляны, как застрочил пулемет. И сразу же басовито завторили ему дружные залпы.

Выстрелы множились эхом в лесу, перекликаясь и замирая вдали. Храпели кони, замертво валились на землю, подминая под себя всадников. Белые растерялись, сбились в кучу.

Вдруг Андрейка вздрогнул, торопливо передернул затвором: он увидел Гагина, а с ним — и Жукова.

— Смотри, Вань! Вон они! — схватил он за плечо друга. — Вон, с краю...

Ваня вгляделся и, заметив Жукова, повернулся к Андрейке; глаза его лихорадочно горели, голос срывался:

— Которого стрелять-то, Андрюш? Которого?

— Дуй в Гагина, — пробормотал Андрейка, торопливо целясь в долговязого.

Раздался выстрел. Приклад вздрогнул, больно отдавшись в плече. Андрейка понял, что промазал, и лязгнул затвором. Дымящаяся гильза исчезла в траве.

Он снова поймал Жукова на мушку и медленно нажал на спусковой крючок. Есть! Так ему и надо! Жуков схватился рукой за грудь и медленно пополз с коня.

Ох, Ваня! Чего он мажет? Вон как Гагин размахивает шашкой — пытается навести порядок среди растерявшихся беляков. Ишь как ругается, как хлещет коня, старается повернуть мечущихся в панике всадников! Но ничего, не уйдет!

Раз!.. И конь Гагина, жалобно заржав, повалился на бок.

Белогвардейцы, увидев, что офицер свалился наземь, повернули коней обратно.

— Ура! — закричал Андрейка. — Ай да я! Двоих подбил!

Но что это? Смотри-ка, Гагин пересел на другого коня! Он уже улепетывает вместе с уцелевшими колчаковцами! Вон как мчится сломя голову через густой кустарник. Достать его, достать!

Рука Андрейки лихорадочно дослала патрон в патронник.

Трах!.. Мимо! Ушел!..

Опустела поляна, словно и не было стычки; и запели птахи, и луч солнца высветил вершины сосен. И только трупы коней, валявшиеся вперемешку с убитыми колчаковцами, говорили о том, что здесь была горячая схватка...

Андрейка и Ваня вместе с красноармейцами обходили поле боя.

Вдруг Ваня заметил, что один из поверженных врагов тяжело повернулся и негнущимися пальцами стал судорожно расстегивать кобуру. Ваня замер в ужасе, видя, как мелькнул вороненый наган, как он стал медленно подниматься на Андрейку. Вот-вот раздастся выстрел,— и не станет его любимого друга!.. Ваня забыл, что в его руках карабин, что на боку у него маузер и короткая шашка. С воплем «Андрюш, берегись!» он бросился на врага и, сколько было сил, стал прижимать его руку к земле.

Выстрел прогремел, когда рука врага бессильно опустилась...

И тут уже настала очередь Андрейки ужаснуться; подбежав к другу, он склонился над ним:

— Ты ранен, Вань? Ранен? Отвечай!..

Ваня молчал. Наконец он пришел в себя, медленно разогнул спину, огляделся. На него смотрели остекляневшие глаза Жукова...

Глава девятая

В вихре огневом

1.

На дворе уже ночь, ребята дважды подогревали самовар, а командира все нет и нет.

— Наверно, не придет, в штабе заночует, — первым усомнился Ваня и собрался было ложиться спать.

Не успел Андрейка упрекнуть его за это, как в сенях раздался шорох, открылась дверь и из темноты прозвучал голос Чиркова:

—А вот и я. Заждались? — он шагнул в комнату, скинул потрепанный кожушок, повесил фуражку на гвоздь в стене и, подсев к столу, улыбнулся: — Ну, хозяева хлебосольные, давайте вместе чай пить будем.

Скоро на столе уже пыхтел и отдувался меднолицый самовар. Готова и заварка из смородинного листа. Ваня налил каждому по стакану чая.

С улыбкой следя за этими приготовлениями, командир сообщил:

— А я вам новость принес, друзи мои дорогие.

Ребята подвинулись ближе к нему.

Чирков торжественно поднял указательный палец и проговорил:

— В прошлую ночь полки двадцать первой дивизии переправились через Вятку и ведут бои на левом берегу. А около села Мамадыш перешла в наступление и форсировала реку двадцать восьмая дивизия!

— Ух ты! — невольно вырвалось у Андрейки. — Наши пошли! Ну, Азин сейчас даст жизни Колчаку!.. А как же мы? Чего мы здесь сидим? Надо торопиться, догонять свой полк! — засуетился он, но сразу сник. — А Гагин? А Никитин? Он, наверно, тоже где-то здесь... Нет, — тряхнул чубом Андрейка, — уходить нам еще рано...

— Да и незачем вам теперь, друзья мои, пробираться к своим,— сказал Чирков,— они сами идут сюда...

— Ура! —закричал Андрейка и, спохватившись, что это у него вышло по-ребячьи, зажал рот рукой.

Чирков рассмеялся: валяй, мол, парень, не стесняйся,— и кивнул на самовар, потом на свой опустевший стакан:

— Что же вы гостя-то не угощаете?

Пока Ваня наполнял его стакан, Чирков продолжал рассказ:

— Пришел приказ и нам: будем форсировать реку Кильмезь. — Чирков задумался. Потом, видя, что разведчики смотрят на него с любопытством и ожиданием, пояснил: — Еще недавно такое задание было бы нам не по плечу. А теперь мы — ого! — сила. Не то что месяц назад...

Чирков плотнее уселся на табурете, глотнул обжигающего кипятку.

— А тогда как было? Расскажите, — попросил Андрейка.

Чирков улыбнулся и повел неторопливый рассказ:

— Трудно нам было в начале мая в этих местах. Сибирский тракт оказался неприкрытым. Белые и ринулись в этот коридор. Пятого мая заняли Сюмси, через два дня — село Кильмезь, выскочили к берегам Вятки. Хотели ее с ходу форсировать, да обожглись, отпор получили. Генералы ихние надумали тогда в другую сторону двинуться, переправились на правый берег Кильмези да и пошли на Уржум и Нолинск. А тут как раз наших частей не было...

— Как же так? — удивился Андрейка. — Мы как отступали от Камы, всегда прикрывали отход. Куда беляки ни сунутся, бывало, а мы тут как тут!

— Так то вы, — сказал Чирков, — недаром вашей дивизией сам Азин командует, и недаром ее железной прозвали... Ну, слушайте дальше. Основной силой в то время в Уржуме была Теребиловская дружина, человек в пятьсот, да еще Елабужский отряд... Его послали, значит, к пристани Медведок, а дружину — в Русский Турек. Командиру ее, Сормаху, велено было переправиться через Вятку и отогнать колчаковцев. И я в той дружине воевал. Для переправы подогнали, помню, лодки да полуразбитый паром. А Вятка разлилась, что море... Волны метровые ходят... Лодки захлестывает... Что делать — не знаем. Снизу подошел пароход «Республика» с баркасом, а на нем красные гусары. Но и кавалеристам не удалось высадиться, отбили их беляки... Дружи-

на наша сумела все же перебраться через Вятку. С боем, значит, захватили Немдинскую пристань. А дальше куда идти? По обе стороны беляки-то. И решили мы разделить отряд на две части. Одни двинулись на Максанку, а другие сюда, под Красноярский кордон. Как дали мы жару, белые и убежали за Кильмезь... Много раз они пытались снова наступать, да все без толку...

Чирков выпил еще стакан чаю, поблагодарил и просто сказал:

— Пришел я к вам, ребята, не истории рассказывать, а по важному делу.

Он не спеша достал трубку, выколотил из нее пепел об лавку, набил свежей махоркой, раскурил.

Разведчики насторожились. «Вот почему командир пообещал вечером зайти и попросил спровадить хозяйку к соседям, — подумал Андрейка. — Выходит, что самое важное он нам еще не сказал...»

Чирков помолчал. Потом молвил тихо:

— Нужна ваша помощь...

— Мы готовы, товарищ командир, вы только прикажите нам, — тотчас сказал Андрейка.

Чирков посмотрел на него, перевел взгляд на молчавшего Ивана; но и у того в глазах была решимость.

— Белые тоже думают наступать. Перебежчики и местные жители рассказывают, что к ним большие подкрепления присланы. Со всей реки лодки собирают: видимо, готовятся к переправе. У них командование сменилось. Нам надо все узнать подробно и упредить их, первыми ударить. В разные места я уже своих людей послал. Только в одно место не удается проникнуть—к военным укреплениям в Старом Селе. Там находится штаб Тобольского полка. Вам легче, чем взрослым, везде проникнете. Да и глаз у тебя, Андрейка, наметан...

Андрейка понимающе кивнул в ответ и повернулся к другу:

— Как, Вань?

— Куда ты, туда и я, — отозвался Ваня солидно. — Завсегда вместе.

— Вот и хорошо, — похвалил Чирков.—Но одних я вас не отпущу: пойдете с Ермолаем, жителем того села. Он хотя человек невоенный, да проводник добрый. — Чирков, помолчав, добавил: — Только одно условие:

запрещаю вам рисковать. Учтите, у них новое начальство крепко лютует. Послали командовать полком Никитина... Не тот ли, ваш знакомый-то?

— Никитина? — в один голос выдохнули разведчики.

Андрейка даже не сдержался, вскочил на ноги. Так вот почему оказался здесь Гагин! Паренек вспомнил искаженное злобой лицо Никитина там, на перевозе, и решительно повернулся к Чиркову:

— Этот Никитин — самая злая контра из всех, товарищ командир.

Чирков испытующе посмотрел на Андрейку:

— Тогда будьте особенно осторожны, не попадайтесь ему на глаза... — И, раскуривая потухшую трубку, встал. — А сейчас — спать! — Он достал часы, щелкнул крышкой. — Разбудят вас через три часа.

2.

Чалая лошадка тащит телегу по ухабистой дороге. Медленно, со скрипом катится тяжело нагруженный воз. Телега заставлена большими ящиками, а меж них, на охапке сена, лежит человек, закрытый до головы рваной рогожей. В передке телеги приткнулся старик-возница. Он дремлет, только изредка открывает глаза и по привычке погоняет лошадь.

— Цэ-цэ! — цокает старик беззубым ртом и нехотя дергает вожжи. Лошаденка небрежно взмахивает хвостом. Стар возница. Стар и его коняга. Много лет они вместе, и понимают друг друга без слов.

Солнце палит нещадно. Тучи слепней летают вокруг лошади. Она поминутно вздрагивает всем телом, трясет головой.

За телегой понуро бредет усталая Даша. Она в рваной одежде, осуну-

лась, еле передвигает ноги. По грязному лицу пот проложил извилистые дорожки.

Подвода плетется в хвосте длинного обоза. Серая пыль от колес, от копыт лошадей стоит в воздухе сплошной пеленой, обволакивает людей, забивается в глаза, в нос, в уши.

Уже несколько раз колчаковские патрули останавливали обоз, проверяли подводы, и всегда подозрительно косились на распростертого пожилого человека. И каждый раз Даша, вытирая глаза, рассказывала, как пали их лошади, а сосед заболел сыпным тифом...

Солдаты, испуганно пошептавшись между собой, торопливо отходили от телеги.

К вечеру обоз въехал в большой молчаливый лес. Стало немного прохладнее. Свободнее вздохнули люди, приободрились лошади... И только прибавили шагу, как впереди загрохотали выстрелы, послышались крики. Началась суматоха.

Старик и девушка встревоженно вглядывались вперед, где, на извилине дороги, из леса выбегали мужики с ружьями, вилами, дубинками.

— Час от часу не легче! — перекрестился возница.

Вот трое мужиков приблизились к последней подводе; впереди них — чернобородый. Он еще издали закричал:

— Давай, старик, вытряхивай ящики! — но, увидев лежавшего на телеге человека, с удивлением спросил:— А это кто тут еще?

Даша уже начала было испуганно причитать, выкладывая самой надоевшую историю, когда в чернобородом признала Митрича. Она порывисто бросилась к нему:

— Митрич! Это я, Даша! Узнаешь? Мы Мезенцева, красного разведчика, везем!

Митрич удивленно посмотрел на девушку, с трудом опознал в этой замарашке свою знакомую и широко улыбнулся.

Потом он подошел к телеге, откинул дерюгу. Увидев бледного, исхудавшего Мезенцева, взволнованно сказал:

— Товарищ дорогой! Ты опять приехал к своим друзьям!..

3.

Андрейка приоткрыл глаза. На сеновале было совсем темно, и лишь в дыру на крыше виднелось светлеющее небо.

«Еще рано»,— решил он. За стеной раздалось звонкое «ку-ка-ре-ку». Сразу же ему стали вторить дальние и ближние петухи. Петушиный концерт окончательно разбудил разведчика.

— Вот проклятые, спать не дают,— проворчал Андрейка и вдруг вспомнил о задании Чиркова. Тотчас вскочил с постели: «Проспал! И Ванюшка дрыхнет!»

Он поспешно растормошил друга, оделся в приготовленную с вечера крестьянскую одежду...

И вот они шагают за проводником по лесу. Проводник идет быстро и легко, ни одна ветка не хрустнет под его ногами. Глядя на него с уважением, Андрейка думает: «Бывалый охотник» — и старается во всем ему подражать.

На восходе солнца они подошли к большому озеру. Прячась в прибрежных кустах, чуть не столкнулись с вражеским дозором. Поползли дальше; раздвинув кусты, осмотрелись.

Высокий бруствер окопа опоясал всю прогалину от леска до озера. Вдалеке, у опушки сосняка, горел костер. Вокруг него расположились солдаты. Они спали. Поблескивали штыки дозорных.

— Тут и живут, — кивнув на вражеский лагерь, прошептал Ермолай и пояснил: — По тому леску не пройти, поросль густая не пустит. А за леском топь гнилая. По ней и зверь не ходит, не токмо человек. Можно бы по озеру податься, да лодки нет. Единый путь остается, как мы шли. Примечай пуще...

Андрейка внимательно присматривался ко всему, старался запомнить каждый бугорок, кустик, искал подход к лагерю; подсчитывал, сколько солдат у костра.

— Десятка четыре будет,— прошептал он со вздохом.— Да дозоров два. Если их снять, можно без выстрела к лагерю подобраться.

Он уже представлял, как похвалит его Чирков за доставленные сведения, как пройдет бой, и до того замечтался, что споткнулся о корень, не удержал равновесия и, чуть не упав, ухватился за куст.

И сразу же раздался окрик часового:

— Стой! Кто идет?..

Прижавшись к земле, разведчики слышали, как разговаривали между собой часовые. Потом один из них торопливо побежал в лагерь; другой, озираясь, стал медленно пятиться от кустов.

Проклиная себя в душе за неосторожность, Андрейка торопливо пополз за Ермолаем. Следом спешил Ваня.

Вот и берег реки, заросший кустарником. На высокой круче густым частоколом стоит хвойный лес. Внизу, над вымоинами, накренились к воде мохнатые ели, намертво вцепившиеся толстыми корневищами в берег.

— Отдохнуть бы,— взмолился Андрейка, почувствовав себя в безопасности.— Ведь никак верст пятнадцать отмахали...

Ермолай понимал, что ребята притомились. Кроме того, у него были свои соображения, и он согласился:

— Ну что ж, ячменна каша... Можно и отдохнуть: чую, что замаялись... Да и резонец есть в этом: несподручно вместе на селе засветло показываться. А вы кумекайте: избенка моя третья с того конца. Во дворе колодец ишо с журавлем, запомните.

Проводив взглядом Ермолая, ребята прилегли, чутко прислушиваясь.

Бледный рассвет загорался над рекой. Пискнула синица и смолкла испуганно. Над обрывом каркнула ворона, мелькнула под кустом черным оперением. Ваня глаз не сводил с воды. Ее зеркальная гладь порой ломалась ударом большой рыбины, и во все стороны бежали бугорки волн. И снова тишь...

Раннее утро на реке всегда будоражит рыбацкую душу Вани, заставляет его напряженно вглядываться в речную даль, настороженно ловить каждый всплеск... А ведь было время, когда он в такое утро посиживал с удочкой под крутояром, смотрел на поплавок! Сейчас и не верится...

— Ну, друг, может, поотдыхали? Хватит? — прервал его мысли Андрейка.— Пойдем?

Глубокой низиной они выбрались на поле и огляделись. В версте поблескивала светлым куполом высокая деревянная церковь. За ней, на крутом берегу, толпились два-три десятка приземистых домиков. Девчонка-

пастушок погоняла бредущее стадо. Жалобно блеяли ягнята.

Разведчики остановили пастушку. Чтобы завязать разговор, спросили, что это за деревня.

Девчонка, не удивившись встрече, сказала с вызовом:

— Не деревня, а Старое Село! Надо бы знать!

Поглядев на заплатанную одежду ребят, она насмешливо поджала губы и бойко погналась за отбившейся от стада коровой.

— Задира,— проворчал Ваня.— И говорить не хочет...

Он хотел что-то крикнуть ей вдогонку, но Андрейка одернул его, и они побрели к селу. В первом же доме, куда сунулись было разведчики, оказалось полным-полно солдат.

— Подайте, христа ради...— загнусавил нараспев Ваня, широко крестясь на образа.

Пожилая хозяйка, озираясь на солдат, торопливо сунула им по теплой ватрушке.

Ванюшка кланялся ей униженно, а сам так и шнырял глазами по сторонам. «Ну и артист!» — подумал с восхищением Андрейка.

Ох и опасна жизнь разведчика! Ходишь в стане белых и думаешь о том, что не к месту сказанное слово, малейшая оплошность, слишком внимательный взгляд — и ты пропал. А пропадать нельзя — тебе дано задание везде побывать, все увидеть, узнать количество солдат, пулеметов, места их расположения, подходы, и при этом остаться незамеченным...

Целый день Андрейка и Ваня пробыли в селе; многое удалось повидать, услышать. Уже вечерело, когда они, осторожно оглядываясь, скользнули во двор к Ермолаю.

Тот встретил их не один — рядом с ним был курносый босоногий мальчишка.

Увидев настороженный взгляд Андрейки, Ермолай успокоил его:

— Ничего, ничего, это мой сын,— и сразу же предупредил: — В избу нельзя, солдаты на постое... Пошли в баню, я там окно завесил и коптилку принес...

Андрейка рассказал, где они провели день, что видели.

Ермолай внимательно слушал, потом заговорил сам. Он сообщил, что белые установили на церкви пулеметы.

Андрейка с Ванюшкой переглянулись: вот, оказывается, где у них пулеметы еще! С улицы и не видно...

А мужик продолжал:

— Срам смотреть на солдат. Одежда, обувка, сами видели, рвань одна. Едят, что у наших селян отберут. Кто и из милости просит...—Ермолай вздохнул и добавил: — Может, и озоровали бы, да боятся расплаты от ваших...

Когда Ермолай закончил рассказ, Андрейка спросил озабоченно:

— А как лучше пробраться к колокольне, к пулеметам?

Ермолай подумал, потом ответил с достоинством:

— Ежели от Селина будете наступать, то можно от того леска у реки, где останавливались передохнуть. Идти нужно к кладбищу. От него по берегу, там солдат нет. Тут рукой подать и до лога у церкви.

— А может, от Студеного по лесочку? — нерешительно вставил его сынишка.

— Тоже енерал нашелся,— усмехнулся отец.— Надо ночью пробраться в лог, вот тогда с руки будет.

Андрейка снял картуз, достал смятый лист бумаги. Примостился на лавке. Огрызком карандаша стал записывать что-то.

— Что это? — полюбопытствовал Ваня.

— А это я запись делаю,— наставительно ответил Андрейка.— Все в голове удержать нельзя.

Ермолай, дождавшись, когда Андрейка закончит работу, спросил с беспокойством:

— Где спать-то будете? Здесь, али на гумно свести?

— Нет, у вас нельзя,— решительно сказал Андрейка.— Товарищ Чирков строго наказывал, чтобы на тебя подозрение не навести... Ночью уйдем за реку.

— Лодка будет там же, где сказывал, — заметил Ермолай. — Как переедете, упрячьте хорошенько...

— Вань,— задумчиво сказал Андрейка, когда они остались одни.— Знаешь что? А не попробовать ли нам пробраться до штаба?

Ваню обрадовало это предложение:

— А и правда! Вдруг там Никитин один! Вот бы кокнуть его! То-то бы здорово!

—Кокнем не кокнем, а, может, разузнаем чего, — сдержанно ответил Андрейка.

Они начали осторожно пробираться к церкви. Около поповского дома резкий окрик заставил их вздрогнуть. Разведчики затаились, но косой луч электрического фонарика ударил им в глаза.

«Попались! — с болью подумал Андрейка.— Не зря Чирков предупреждал... А может, обойдется?..» И он шепнул Ване:

— Ты только не бойся, продолжай притворяться.

— Кто такие? Чего тут прячетесь? — заговорили строго солдаты, окружив ребят.

Ванюшка сразу же запричитал плаксивым тоном:

— Из Селина мы, дяденька... Сироты, побираемся, кто что даст... Да по дороге часовые останавливают, так мы по огородам думали...

— Я вот тебе дам, по огородам! Так всыплю!..— прикрикнул на него пожилой белогвардеец и, погрозив кулаком, рявкнул: — А ну, брысь отсюда! Гони их, Свиридов, в шею...

Обрадовавшись спасению, разведчики пустились со всех ног и только за селом, на лугах, перевели дух.

Все кусты казались им одинаковыми, и они потеряли много времени в поисках лодки, пока не догадались, что ищут ее не там, где надо: со страха они убежали не в тот конец села.

Ваня предложил вернуться назад, но Андрейка покачал головой:

— Нельзя, Вань, застукают. Одна теперь дорога— через лес...

Они поспешно свернули в лес и пошли вдоль берега. Вскоре наткнулись на огромный барак, из которого то и дело выходили колчаковцы.

Подростки затаились. Через некоторое время в свете луны, выглянувшей из-за тучи, они увидели множество лодок.

— Смотри, смотри, сколь их! — взволнованно зашептал Ваня. — Целая прорва.

Андрейка пробормотал:

— Повезло нам. Давай убираться, пока не сграбастали. Надо доложить обо всем Чиркову. Залезем в заросли подальше от беляков и переждем ночь. А там и подадимся до своих.

4.

Низко в небе переливалась голубым светом большая звезда. Село словно вымерло. Ни звука, ни огонька... Только ярко светились большие окна в столовой поповского дома. Хозяин, отец Александр, играл в карты с Никитиным. Перед ними стояла наполовину опорожненная бутылка вина.

Отец Александр — это был не кто иной, как тот черноволосый поп из-под Тюмени, который повстречался с разведчиками в лесу. Он заметно подобрел телом, говорил медленно и важно. В недавнем времени многих священников из полка колчаковское командование послало в воинские подразделения, чтобы поднимать дух солдат и вести негласный надзор за их настроениями.

Никитин был сегодня не в духе. Еще бы,— ему было отчего расстроиться: вечерняя оперсводка сообщала, что красные дивизии начали широкие наступательные операции по всему фронту!..

Поглядывая исподлобья на чернявого попа в домашнем подряснике, Никитин тасовал карты и продолжал говорить:

— Извините, отец Александр, я с вами всегда откровенен, как на исповеди...

— И я ценю вашу искренность,— степенно ответил священник.—В этом видна и добродетель, и ум трезвый. Церковь всегда скрепляла державу русскую, приводила к покорности верноподданных ее... И в эту тяжелую годину меч и крест господний быть должны воедино...

— Да, да...— рассеянно произнес Никитин, раздавая карты.— Меч и крест воедино... И все-таки нас бьют большевики. Может случиться, что придется уходить к Уралу...

Он вздохнул. Боже мой, если бы такое положение было только на Восточном фронте! Но ведь по всей России красные войска начинают громить белых!

Отец Александр нарушил тягостное молчание:

— Должен сказать вам, дорогой мой: от епископа получено распоряжение об усиленном возношении молитв против большевиков-вероотступников, о многолетии святого воинства Христова.

Никитин посмотрел на него внимательно и похвалил:

— Очень нужное дело... Не мешало бы молебствия устроить в батальонах, привести наше воинство к исповеди. Это помогло бы выявить смутьянов.

— Исповедоваться ходят многие,— сказал отец Александр.

— Ну и как? — оживился Никитин.— Солдаты, наверное, не хотят воевать? Не верят в победу?

— Исповедующиеся не подлежат огласке,— со вздохом отозвался поп и, хитро глянув в лицо офицера, смиренно потупил глаза.— Надо бы вам проверить людей, ненадежных убрать... Меньше будет смерды окаянной...

— Как их узнаешь, кто вероотступник, а кто истинный христианин? — тоже с хитрецой сказал Никитин.

— А я списочек исповедовавшихся составил,— скромно заметил священник.— Полюбопытствуйте на него, особенно где перед фамилией поставлены будто крестики малозначные...

— Ну, обрадовали меня, святой отец! — воскликнул Никитин.— Благодарю вас за помощь. После неудачи с эскадроном пагубные разговоры среди солдат усилились... Мы их пресечем в корне!..

— На все возмездие господне,— молитвенно сложил руки поп и истово перекрестился на иконостас.— Какие сведения о планах супостатов-христопродавцев имеете?

— Зашевелились, как осы. Ужалить думают. Но я их перехитрил. К Красноярскому кордону стянуты лодки со всей реки. Пусть попробуют наступать — в реке места им хватит...

5.

Услышав детский приглушенный голос, Андрейка прокрался несколько шагов и выглянул из-за дерева: старик и девочка вытаскивали из зеленого тайника маленькую долбленую лодочку-ботничок. Как это было кстати!

Андрейка выскочил на берег и крикнул:

— Здравствуйте!

Дед вздрогнул, а когда перед ним неожиданно выросли две фигуры, перепугался окончательно.

— Да вы не бойтесь, — успокаивал его Андрейка.— Очень просим, дедуся: перевезите нас на ту сторону.

Видя, что перед ним всего-навсего подростки, дед оправился от испуга и внимательно выслушал их рассказ о том, как умерли их родители от тифа и как они сейчас пробираются к родственникам.

Старик посочувствовал им, повздыхал. Потом посадил в лодку и, отталкиваясь веслом, сказал:

— К своим мужикам вас увезу... Мы как раз с Устей харч им повезли... Они, может, помогут вам разыскать родных-то.

...Разведчики вслед за стариком шагали по еле заметной тропинке. И вот она вывела их на широкую поляну. У огромной развесистой сосны пылал большой костер. В его свете был виден маленький охотничий домик. Вокруг костра сидели люди. Но никто из них не повернул головы: все увлеченно слушали рассказ человека, которого ребята не смогли рассмотреть из-за дыма. До разведчиков доносился только ровный окающий голос.

— Устал он, Азин-то, решил отдохнуть. Лег на поляне и проспал семь суток кряду... Ну, белые снова набрались силой, окружили ту поляну, вот-вот бросятся на богатыря. Заржал тут конь белогривый — гром загремел; топнул копытом — земля задрожала, деревья повалились. Проснулся Азин, протер глаза, глянул, а кругом вражья рать ружья, пушки навела, стрелять изготовилась. «Опять вы, енералы, на Русь кинулись? Мало еще вам, видно, попало!» — закричал Азин-богатырь и вскочил на ноги, свистнул по-соловьиному. Подбежал конь белогривый. Взлетел Азин на златое седлышко,

выхватил саблю-меч, большую да вострую. Ну, енералы испугались, конечным делом, и давай из пушек бахать...

Сердце Андрейки наполнилось гордостью. Вот каков его любимый начдив! Сказки в народе о нем складывают! Юноша подошел ближе к костру, стараясь не пропустить ни одного слова.

А рассказчик продолжал, воодушевляясь все больше:

— Как бабахнули пушки, поляну дымом заволокло. Вонзаются ядра чугунные в тело богатырское, пробивают насквозь... Только тут же заживают раны его, наливается силой грудь могучая... И пошел Азин рубить рать несметную. Вправо мечом махнет — целый полк валит, влево махнет — у тыщи врагов головы отлетают. А которых богатырь не прибьет — конь копытом в землю втопчет...

Но не дал дед дослушать сказ до конца — хлопнул в ладоши.

Сразу же от костра вскочило человек двенадцать мужиков и парней. Окружив пришедших, они расспрашивали старика о своих семьях, настороженно разглядывали разведчиков: кто такие, откуда?

Андрейка догадался, что это были те самые «лесные братья», о которых они слыхали в деревнях, и решился им признаться, кто они и с какой целью были в селе.

— Ровно бы рано таким воевать,— усомнился один из мужиков.

— Ой, брешешь, парень,— сказал другой, у которого была борода лопатой.

— Я? Брешу? — обиделся Андрейка.— Да чтоб мне пропасть на этом месте!

Но мужики придвинулись к ним еще ближе, прощупывая их недоверчивыми глазами.

Ваня струхнул, прижался к Андрейке.

А тот подумал, что, пожалуй, мужики не выпустят их до поры до времени, и вся разведка их окажется напрасной. И вдруг его осенила спасительная мысль.

— Не верите нам? — сказал он.— Говорите, что брешу? А хотите, я расскажу вам о начдиве Азине, о котором вам сейчас тут байки сказывали?

Мужики сразу же зашумели:

— Наврет три короба, помяни мое слово!

— Мал да удал, целую корчагу соврал...

2

Воспоминания так захлестнули Андрейку, что он словно наяву увидел своих друзей-разведчиков, комбрига Северихина, самого Азина... Теплое чувство заполнило грудь, подступило к сердцу. Он сердито посмотрел на мужиков и сказал:

— Верьте не верьте, а я азинец. И виделся с ним, как вот с вами сейчас, не однажды...

И он начал рассказывать о своем любимом начдиве, с радостью убеждаясь, что лед недоверия тает.

Андрейка говорил о том, как близок Азин к бойцам, как смел он и находчив. И вот уже с жадным вниманием слушают рассказ мужики, и все увлеченнее звучит голос Андрейки:

— ...Случилось это под Казанью в прошлом году. Тогда наша дивизия билась с чехами и разными белогвардейцами. А около Арского поля много стояло вражеских пушек. Не давали они нашим бойцам вперед продвигаться. И решил Азин вместе с начальником своей артиллерии Гундориным самолично в разведку сходить, узнать, где эти злосчастные пушки и как их угробить легче. Вот переоделись они в офицерскую одежду. Где полем едут, где лесом пробираются. Выехали к большому полю и увидели пушки. Все осмотрели из кустов, записали, что надо, и хотели уж обратно возвращаться, как закричали беляки:

— Кто такие?

Видит Азин — кругом враги. Но не растерялся наш командир, виду не показал. Как гукнет он на белых:

— Какой части будете?

Белые молчат, потом голос подали:

— А вы?

— Я командир офицерского батальона... Почему не держите с нами связь?

Испугались белые грозного окрика, думают, еще попадет от начальства; растерялись... Не успели они и глазом моргнуть, как наши командиры ускакали по лощине. А на завтра от этих самых пушек одна смятка осталась...

— Вот как воюет Азин! — с гордостью закончил рассказ Андрейка и, видя доверие мужиков, решился осторожно намекнуть, что вместо того, чтобы по лесам хорониться, шли бы они лучше к красным — скорее бы тогда прогнали беляков.

Он боялся, что «лесные братья» обидятся. Однако этого не случилось. Правда, кое-кто усмехнулся на его слова, но были и такие, которые потупились, а один чернявый парень даже спросил робко:

— Как к этому Азину добраться? Я бы, тово, не против под его начало...

— Ишь, Аника-воин! — одернул его кто-то.

Но неожиданно в разговор вмешался старик-перевозчик.

— А что, мужики? — заговорил он.— Парень-то башковитый, дело гуторит. Хватит за бабьим подолом-то сидеть! Надо бы помощь красным дать.

Мужики зашумели, заспорили. И Андрейка понял, что есть среди них такие, которые готовы податься до отряда Чиркова...

6.

Первая рота еще с вечера подошла к берегу. Ждали ночи. В темноте из Красноярского кордона на лодках прибыл первый взвод.

Командир взвода Парфенов, немолодой, с большими оспинами на лице, разыскал Чиркова и кратко доложил:

— Задание выполнено. Застава уничтожена. Захвачено шестьдесят и потоплено с сотню лодок. Потерь нет.

Чирков крепко пожал руку своему любимцу, имевшему за храбрость на германской войне двух «георгиев», и попросил:

— А ну-ка, не скромничай, расскажи поподробнее.

Парфенов смутился: он умел воевать, но рассказывать об этом для него было делом трудным. Кашлянув в кулак, волнуясь, начал хриплым голосом рассказ об операции.

Андрейка жадно слушал — ведь речь шла о захвате тех лодок, про которые сообщили они с Ваней. Ого, как обрадовался Чирков, когда они сообщили ему об этом! Было принято решение забрать или уничтожить лодки. Выполнить операцию доверили бывшим «лесным братьям»: многие из них пришли в отряд.

И «лесные братья», вошедшие в первый взвод, оправдали надежды. Прошлой ночью они переправились на двух лодках через реку и забросали вражеский лагерь гранатами. Выставив заслон с пулеметом на до-

рогу, Парфенов приказал пробивать днища маленьких и старых лодок топорами, а баржевые и полузавозки сцеплять вместе и гнать в Аркульскую старицу, где уже не было белых...

— Вот и все, — закончил рассказ Парфенов и стал доставать кисет.

Чирков еще раз похвалил его, потом сказал:

— Не забудь напомнить об отличившихся — наградим.

— Все одинаково бились...— развел руками Парфенов.—Разве вон их?—и он показал на Андрейку с Ваней. — Они ведь лодки-то обнаружили.

Кровь прилила к голове Андрейки, забилась в висках. А Чирков молвил с улыбкой:

— Да на этих-то героев я уж послал представление в штаб армии...

Затем он повернулся и подозвал к себе командиров взводов. Через минуту голос его уже был строг и требователен:

— Переправу начинаем в полночь. Первым идет взвод разведки, потом — остальные три взвода. Задача — убрать без шума часовых и наутро, когда подойдет отряд, ударить вместе с ним по Старому Селу... Я переправлюсь со второй ротой...

7.

Утренняя заря застала отряд Чиркова у села. Молча поползли красные цепи на высокий берег. В ответ — ни выстрела. Только когда красноармейцы стали развертываться на опушке леса, у белых поднялась паника. Звучали громкие команды, ругань, ржание лошадей, редкие выстрелы.

Андрейка шагал в цепи разведчиков рядом с Парфеновым и поглядывал на Ванюшку. А тот, сжимая карабин, прищурив узкие глаза, не только смело шагал рядом, но и подсмеивался над тем, как необутые и полуодетые беляки бегут по полю... Вот парень! А давно ли труса правил? Даже Даша его ругала... И от того, что его друг превратился в настоящего воина, на душе Андрейки стало теплее и радостней.

Едва последняя цепь поднялась по лесистому оврагу у Аркульского перевоза, как Чирков бросил отряд в

атаку. Но сразу же сильный пулеметный огонь с церковной колокольни заставил красноармейцев залечь.

Андрейка быстро отыскал глазами Чиркова и пополз к нему, чувствуя по раздававшемуся за спиной пыхтенью, что Ваня не отстает.

Когда они подползли к командиру, тот сказал озабоченно:

— Придется вам показать разведанный путь, как говорили,— и, повернувшись в сторону Парфенова, приказал: — Давай, действуй! Со взводом пойдешь за пареньками. Задача — уничтожить пулеметы на колокольне. Дадите нам сигнал ракетой... Вот, возьми,— и он подал ракетницу Андрейке.

Счастливые доверием, Андрейка с Ваней, пригибаясь, побежали к берегу. За ними — взвод Парфенова. На опушке леса остановились перевести дух.

Андрейка шепнул Парфенову:

— Надо вон через ту заросль к логу, а по нему к церкви. Главная заковыка, как переползти эту поляну.

— А если, Андрюш, по одному? — нерешительно предложил Ваня.

— Правильно, — поддержал его Андрейка и, первым сунувшись на землю, ящерицей пополз среди кустов. За ним Ваня, за Ваней — красноармейцы. Словно зеленая змейка, извиваясь, заскользила по лужайке.

Может быть, и туго пришлось бы смельчакам, но выручил Чирков. Он велел ротам усилить огонь и делать вид, что отряд готовится к атаке. Громкоголосое «ура» отвлекло внимание колчаковцев от поляны, по которой пробирался взвод разведчиков.

Андрейка с Ваней благополучно пересекли простреливаемое место, скатились в овраг; облегченно вздохнув, быстро взбирались они по его крутому склону. Отсюда до церкви уже рукой подать... Но что это? У церкви трое часовых! Ишь как озираются по сторонам!

Мысли лихорадочно забились в голове Андрейки: что предпринять? Ведь Чирков надеется на них...

Горячий шепот Парфенова прозвучал над ухом:

— Слышь, Андрюха, тут вот как надо: только пулемет откроет огонь, под его треск и возьмем этих на мушку...

Решение принято!.. Томительным было ожидание. Но вот застрочил пулемет, и в его непрерывную трель

глухо влился залп. Не разглядывая, удачен он был или нет, красноармейцы во главе с Парфеновым короткими перебежками бросились к церкви.

Первым взбежал по приступкам на колокольню Ваня. Андрейка прыжками следовал за ним; он не мог сразу понять, почему замер его друг. Шагнул вперед — и на мгновение растерялся сам: на него глядел Гагин! Кого-кого, а его-то Андрейка узнал бы из тысячи!

Так вот где сошлись их дороги!..

Но как неузнаваем был их враг. Куда девалась самоуверенность Гагина? Сейчас его глаза молили о пощаде.

Андрейка не знал, как поступить. Он видел злого врага, змею, которую нужно уничтожить; но, может быть, его следует пощадить, взять в плен?..

Андрейка оглянулся. Увидев непримиримость во взгляде Вани, хотел его остановить. Но тот оттолкнул руку друга...

Когда на колокольню подоспели красноармейцы, Андрейка торопливо выхватил ракетницу.

С колокольни было хорошо видно, что красные заметили сигнал. Поднялись во весь рост цепи и бросились вперед.

В это время Парфенов хлестнул по окопам белых свинцовой струей из захваченного пулемета.

Поняв, что их расстреливают с колокольни, колчаковцы бросились в хлевы, в бани, в подполья...

Лавина красноармейцев захлестнула село.

Андрейка, дернув за рукав Ваню, сбежал с колокольни. Не сговариваясь, они бросились к штабу, в надежде, что найдут там Никитина.

Вот и знакомое крыльцо. Быстро рванул Ваня дверь, но тут же отпрянул обратно и зашептал:

— Андрюш! Никитин-то за столом спит!

— Ты чего сочиняешь?

— Глянь, увидишь сам.

Обиженный недоверием друга, Ваня снова осторожно открыл дверь:

— Смотри!

Андрейка с маузером в руке медленно подошел к офицеру, увидел валяющийся на столе наган и догадался: «Застрелился». Он подобрал пистолет и слегка толкнул офицера в плечо. Труп медленно сполз со сту-

ла на пол... И тогда они увидели, что это был не Никитин...

Они осмотрели все комнаты. Никитин как в воду канул.

— Убег,— сокрушался Ваня, но продолжал упорно лазить по чердаку, заглянул в подполье.

— Что, ребята, потеряли? — послышался знакомый голос. Перед ними стоял возбужденный боем Чирков.— Никитина ищете?

— Ага,— отозвался Ваня угрюмо.—Затаился где-то.

— Не ищите: он уже далеко... Наверное, к Кильмези подъезжает,— и, увидев недоверчивые взгляды разведчиков, пояснил: — Пленные рассказали...

8.

О, как страдал Мезенцев от боли, как часто проваливался в забытье, в бреду вспоминая Андрея...

Даша с тоской наблюдала за ним. Она с трудом сдерживалась, чтобы не расплакаться. Шесть дней она сидит, не отходя от него... Ладно, что много было помощников. Крестьяне допытывались у девушки о здоровье командира, печально качали головами. А Митрич даже рисковал нападать на колчаковских обозников в поисках лекаря. Наконец, удалось поймать «захудалого фельдшеришку», как он сказал Даше.

Фельдшер осмотрел раненого, сделал перевязку и обрадовал всех: «Больной идет на поправку».

Когда разведчик приходил в себя, Даша и Митрич стремились развеять его беспокойные думы, рассказывали о людях, о своей жизни... Со временем и он начал беседовать с крестьянами.

Однажды, когда Даша меняла ему повязку, Мезенцев открыл глаза, вздохнул и прошептал:

— Дай кваску, душа горит...

Даша поспешно вскочила на ноги, выбежала за квасом.

А Митрич, сидевший у изголовья, нагнулся к больному и осторожно прикоснулся пальцами к его руке. Мезенцев слабо пожал руку Митрича, вздохнул:

— Как-то они там?.. Где сейчас?.. Хоть бы одним глазком взглянуть на Андрейку... Вместо сына ведь он у меня...

— Придет, придет твой Андрейка... Сильно болит-то?

— Болит...

— Может, молочка принести, шанежку?

— Не надо. Квасу вот напьюсь и усну... Что-то голова кружится... И силы совсем не стало...

Мезенцев замолк, закрыл глаза и прислушался. В его груди, казалось, что-то бурлило, подбиралось к горлу... Ни о чем не хотелось думать, сил, действительно, не было, но он снова открыл глаза, услышав Дашины шаги. Раскрасневшаяся от быстрой ходьбы, девушка опустилась на колени и тихо проговорила:

— Пей, Константин Михайлович, холодный квас-то.

Мезенцев поблагодарил ее медленным кивком головы и с трудом сжал ковш в руках. Квас показался ему чудотворным и живительным; ему стало легче, он улыбнулся про себя.

— Митрич,— позвал он, отдышавшись,— ты хотел мне прошлый раз рассказать что-то... Ты прости меня, больного, что не смог тогда послушать...

— Да как тебе было слушать-то, Константин Михайлович, когда болезнь-лихоманка забрала тебя, — отозвался Митрич.— А рассказать я тебе, командир, хочу быль одну старую. Мне ее покойный дед излагал, да до того складно, будто свидетелем был...

Даша подсела поближе к Мезенцеву, поправила повязку на его ноге. Тот благодарно посмотрел на девушку и приготовился слушать. А Митрич тем временем достал кисет с огнивом, закурил и начал неторопливо:

— Было это, почитай, лет сто назад. Крепко досаждали нашему брату-мужику разные помещики, урядники и прочие. Сильно недоволен был народ. А только схватиться в открытую с богатеями не решался. Такого вожака, как ты о Ленине говорил, не было... Но скоро нашелся человек по имени Камит Усманов — из удмуртов. Должно быть, хороший человек был, раз все мужики за ним поднялись. Два года ловили Камита — и солдаты, и казаки, да народ крепко прикрывал — не выдал, даже на награду не польстился. А все-таки поймали его царские слуги и сказнили...

— Как же поймали, если народ не выдал? — удивилась Даша.— Ведь Константина Михайловича не поймали же?..

Митрич ласково глянул на девушку:

— Народ-то прятал, да родной сын подлецом оказался. Прельстился деньгами — отца на плаху отправил. Было это в дальней отсюдова деревне Баграм-Бигре.

— Люди были еще, Митрич, темные,— сказал Мезенцев.— Поэтому и не осознал сын, где правда, а где кривда... И сейчас надо каждому мужику нашу политику разъяснять. И о земле, и о продразверстке, и о врагах Советской власти.

— Это верно,— согласился Митрич.

И еще рассказывал Мезенцеву разные истории Митрич. А потом сказал, что неплохо бы командира в деревню отправить.

— Пользительнее это было бы для тебя,— пояснил он.— Здесь-то сырость кругом...

Но Мезенцев уже спал — не слышал его слов. Тогда Митрич наклонился к Даше, стал с ней советоваться.

— Может, к тебе, дочка, его увезти?

Даша обрадовалась этому и сказала, что мама будет рада, а проехать к ним можно на лодке, незаметно.

— Вот и ладно,— одобрил Митрич.— А то уж так я беспокоился... Мы с мужиками решили до красных податься. Открыл нам глаза на жизнь командир-то...

9.

Откинувшись на спинку стула, Чирков закрыл веки... Когда раздался стук в дверь, устало промолвил:

— Кто там еще? Входи...

Увидев пареньков, он сладко потянулся, стряхнул с себя утомление и с улыбкой произнес:

— А-а... Ночные гости! Опять какие-нибудь планы? Садитесь, выкладывайте.

Андрейка, то и дело оглядываясь на дружка, горячо заговорил о том, что они с Ваней решили поймать Никитина.

Чирков задумался. После молчания промолвил:

— Нет, не могу согласиться...

— Но вы же, товарищ командир, сегодня утром допустили нас в бой? — заволновался Андрейка.

— Не проси, парень, не доказывай. В бою вы бок о бок с нами, старшими, были...

Андрейка насупился, потом попросил снова:

— Товарищ командир, поймите, не можем мы жить спокойно, пока своими руками не поймаем этого предателя,— и он стал рассказывать о Никитине, о перенесенных из-за него мытарствах. А в конце решительно заявил: — Если не отпустите, сами уйдем!

— Как это сами? Забыли, что вы бойцы? — повысил голос Чирков.— Ишь, какие прыткие... Вот велю обоих запереть в подвал, тогда смирнее будете!

Однако погрозил он им для острастки — чтобы дисциплину чувствовали. А сам подумал о том, что таких не удержишь — кто-кто, а уж он-то узнал их за эти дни. Герои, ничего не скажешь... Так не лучше ли их отпустить с Парфеновым, чем ждать, когда сбегут одни? Ведь Парфенов-то с разведчиками как раз отправляется в те края — в помощь отрядам, готовящимся к форсированию Кильмези.

Чирков поглядел на огорченные лица разведчиков и уже спокойнее спросил:

— Ну, что замолчали? Не хочется сидеть в подвале? То-то... Ладно, хватит дуться! — он встал и подошел к подросткам, обнял их за плечи.— Никитина мы тоже думаем словить... Сегодня пойдет туда Парфенов. Если твердо решили, разрешаю идти с ним.

Друзья разом вскочили и запрыгали от радости.

Чирков смотрел на них и качал головой: «Эх, парни, парни! Ребята так гостинцам радуются, как они тому, что, может быть, на смерть идут... Да, из таких будут стоящие воины!».

Он усадил Андрейку и Ваню возле себя и объяснил, что они должны делать.

Потом, проводив их до крыльца и приказав вызвать Парфенова, вернулся. Меряя комнату шагами, он с заботой думал о юных разведчиках, об их трудной и опасной жизни...

10.

Крестьяне с нетерпением ждали прихода Красной Армии. И задиристый мужичок из Кошколетева с охотой взялся провести парфеновских разведчиков через линию фронта:

— Приведу вас к куму, а он там подраскинет, что к чему...

Через два часа Парфенов уже расспрашивал бойцов головной заставы о вражеских постах. Потом разведка двинулась дальше.

Кругом раскинулся глухой лес. Не видно ни зги. Хлесткие ветви больно ударяли в лицо. Чтобы не отстать, бойцы держались за веревку, привязанную к ремню проводника.

— Теперь тихо,— неожиданно предупредил проводник.— Лес кончился...

Оглянувшись по сторонам и увидев вокруг себя тот же дремучий лес, бойцы недоверчиво отнеслись к его словам. Но вот перед ними открылось широкое поле, на дальнем конце которого горел костер.

— Беляки, однако, дорогу стерегут,— сказал мужичок и предостерегающе поднял руку.— Ну, да мы хитрее их: обойдем сторонкой,— и он повел разведчиков по пологому скату безымянной речушки.

Скоро, освещенные луной, стали видны первые избы. Мужик осторожно провел красноармейцев меж гуменников по огородам к небольшому дому. Собака во дворе было залаяла, но, узнав в проводнике своего, сразу смолкла.

— Полезайте на сеновал,— распорядился проводник.— А я схожу в избу до кума.

По крутой лестнице разведчики ощупью влезли на пол из жердей, на коленках проползли дальше, нащупали груду соломы и прилегли.

Мысль о том, что в доме могут оказаться белые, не давала Андрейке покоя. Но вот в пролете показался хозяин с тускло мерцающим фонарем в руках. Голос его прозвучал добродушно:

— Вы тута? Валяйте в избу. Позавтракаете, и обратно на солому.

Кум оказался разговорчивым. За столом он рассказал о сельских новостях.

— Знакомый солдат, постояльцем был, говорил, что красные уже в Мослах, в Домаскине, на Вихарево торопятся. В штабе у беляков сутолока, имущество грузят, удирать думают. Видно, им порядком перепало, — хозяин улыбнулся и провел рукой по рыжей бороде.— А ведь вперед колчаки с музыкой шли, веселые да нарядные. Как раз, помню, воскресенье было. От Малаховой горы кавалерия едет, впереди генералы важные. А

навстречу наши богатеи — Заруцкий, Абросимов, Кадочников и прочие с хлебом-солью вышли... Колокола на церкви звонят, аж лопнуть хотят. Народу собралось — тьма. Говорили, народная армия идет, освобождение от разверстки и черезвычайного налога даст. Ну и многие, вправду, ждали добра... А вскоре белые праздник учинили. У них, вишь ли, год прошел, как стали с красными воевать. По этому случаю выстроили около церкви солдат. Целый полк, а может, и больше. Сначала, как полагается, молебен отслужили. Наш протоерей, ну, прямо, мелким бесом рассыпался на радостях. Разоделся, важно так вышагивает, что гусак к пруду.

Хозяин встал и комически изобразил священника, незаурядным баском затянул нараспев:

— Победоносному воинству дай, господи, победу и многие лета-а-а!..

— А здорово у тебя, отец, получается,— улыбнулся Андрейка.— Прямо, как поп!..

Хозяин, довольный, рассмеялся и продолжал:

— Потом, значится, был парад... Ну, думаем, правильна власть... А тут и пошло, и пошло. Скот забирают, лошадей забирают. Мужиков в ихнюю армию силой сгоняют. И посыпались разны налоги, поборы да сборы. Совсем задавили. И все на бедных. Богатые улыбаются, с них как с гуся вода... Как задрали с нашего брата семь шкур, мы и опомнились, вроде бы после попойки крепкой али бани угарной. Побежали мужики — кто в лес прятаться, кто скот в надежные места угонять...

Разведчики внимательно выслушали рассказ.

— Спасибо, хозяин, за хлеб-соль, — поднялся из-за стола Парфенов. — И за рассказ спасибо... Только нам дело делать поручено.

—Может, помощь нужна в чем? — уставился хозяин на Парфенова. — Ты не сумлевайся, не подведу.

Парфенов знал, что без проводника им трудно выполнить задание: Чирков приказал на утро ударить по штабу, поднять панику, отвлечь внимание врага, чтобы облегчить наступление красным отрядам, которые должны были подойти к селу. И сказал осторожно:

— Да дело наше и хитрое, и простое... Нам нужно незаметно пробраться к штабу... Где он у них?

Хозяин, почесав бороду, усмехнулся:

— Штаб-от што, он в приметном доме. Как идти по улице, будет двухэтажная, вся из кирпича, хоромина; такая одна на селе. Напротив нее — дом полукаменный. Верх обшитый и выкрашенный, плотным забором дом обнесен. Внизу пивная завсегда была... То и есть штаб. Кадочникова купца домина. Охраны там — что в улье пчел... Нелегко будет вас провести. Да ладно уж... Только тихо идите,— и хозяин не спеша стал надевать дырявую одежину.

11.

Чуть брезжил рассвет. Прижимаясь к домам, к изгородям, молча пробирались за проводником разведчики. Андрейка шел за Парфеновым. Он слышал, как далеко за селом то вспыхивала, то гасла стрельба.

Вот разведчики пошли огородами. В стороне промелькнула маленькая избушка — очевидно, баня.

В это время Ваня осторожно дернул Андрейку за рукав и шепнул:

— Андрюш! А вдруг мужик-то нас к белякам ведет?

— Удивляюсь тебе, — проворчал в ответ Андрейка. — Давно бы пора различать своих, не первый день разведчик...

— Да ить дорога-то больно длинна, — сказал тот извиняющимся тоном.

— Ну, это всегда так в незнакомом месте, — успокоил его друг.

Но Ваня не унимался:

— Андрюш, а Андрюш...

— Ну, чего еще?

— Что-то в грудях у меня тяжело.

— Перед боем, от этого, — снова успокоил его Андрейка.

В это время Парфенов остановился у высокого плотного забора и зашептался с проводником. И тотчас тот растаял в темноте.

Разведчики притаились. Слышно было, как там, за изгородью, тихо хрустели овсом лошади.

Парфенов осторожно обошел изгородь, пощупал руками крепко приколоченные доски, подергал калитку. Потом поманил к себе товарищей.

— Надо пробраться во двор, — сказал он хриплым от волнения голосом.—Там наверняка часовой или два. Снять их кинжалами, открыть эту калитку. Тогда без шума войдем в дом. Штаб на втором этаже... Нужно захватить в плен офицеров, забрать важные бумаги. После этого дом запалим. Ну, а в случае чего, отходить тем же путем, что шли сюда. Понятно?

— Понятно, — раздался в ответ шепот.

— Только вот во двор-то как попадем? — озабоченно спросил кто-то. — Через забор, или доску будем выламывать?

— Зачем выламывать? — взволнованно сказал Андрейка. — Подсадите нас, мы заберемся во двор и вам калитку откроем.

Парфенов покосился на него и молвил со вздохом:

— Это бы, конечно, неплохо... Да Чирков строго-настрого запретил вас поперед старших пускать.

Андрейка уловил в его голосе колебание и подумал, что он согласится на это предложение. Но Парфенов решительно махнул рукой и, подозвав рослого красноармейца в шапке, приказал лезть через забор ему.

— При неудаче, — наказал он, — уходи в конюшню или на сеновал, а мы забросаем двор гранатами, прикроем тебя.

— Есть,— отозвался тот, одернул гимнастерку, снял карабин и передал его товарищам. Потом проверил, как скользит в чехле финка, и попросил: — А ну, подсобите-ка.

И когда разведчики осторожно приподняли его, он ухватился за крытый верх изгороди и легко перебросил мускулистое тело.

Прыжок его был мягок и еле слышен. Вскоре раздалось приглушенное мычание часового. Затем, скрипнув, открылась калитка.

Проскользнув за Парфеновым во двор, Андрейка увидел у крыльца мертвого часового.

Двое красноармейцев обыскивали конюшню, один стоял наготове у ворот.

— Ну, пошли, — дернул за рукав друга оказавшийся возле него Ваня и шагнул следом за вбежавшим в дом командиром.

Андрейка ощупью нашел ступеньки крыльца и взбежал по ним. Увидев две двери, секунду раздумывал, за которой скрылся Парфенов, и распахнул одну наугад. Даже в темноте чувствовалось, что комната обширна; чернела громоздкая мебель. Широкая занавеска прикрывала дверной проем, очевидно, ведущий в спальню.

В это время Ваня опрокинул табурет.

И сразу же из спальни прозвучал резкий окрик:

— Кто там?

Следом за ним раздался выстрел.

Ваня охнул и, ухватившись за занавеску, обрывая ее, тяжело сполз на колени, сунулся лицом вперед.

В дверях мелькнуло белое пятно. Не рассматривая, Андрейка раз за разом ударил по нему из маузера.

Пятно растворилось. Но звон разбитого стекла показал, что выстрелы не достигли цели.

— Через окно ушел! — скрипнул зубами Андрейка и склонился над Ваней. Молча подхватил его и, сгибаясь под тяжестью, понес из комнаты.

Навстречу уже бежали встревоженные отсутствием пареньков красноармейцы. Они подхватили Ваню, быстро понесли его к дверям. Андрейка бросился было следом, но его остановил резкий голос Парфенова:

— Держи спички! Поджигай спальню и уходи быстрее!

Андрейка растерянно сжимал карабин. В его голове метались мысли: «Ванюшку убили!.. А Никитин ушел опять...» Он машинально подсунул охапку бумаги под постель, чиркнул спичкой... Глядя на разрастающееся пламя, медленно попятился к двери. Не слышал Андрейка ни топота солдатских сапог, ни криков, ни выстрелов... И только разрыв гранаты привел его в себя. Вот когда он отчетливо осознал, что остался один в горящем доме, в окружении врагов!

Пламя уже охватило комнату, жадно лизало пол у его ног. Задыхаясь от едкого дыма, прикрыв лицо, Андрейка бросился бежать, попал в какой-то чулан, захлопнул за собой дверь. Огляделся. Окно!.. Распахнув створки, уже занес ногу, как вдруг снизу раздался свирепый голос:

— Хватай его!

Кусты затрещали под ногами бегущих к окну врагов.

Путь к отступлению был отрезан. Андрейка резко отпрянул от окна и выхватил маузер. Он будет стрелять до последнего! А последнюю пулю — себе...

Но враги не показывались, они ждали, когда бушующий огонь выгонит паренька из дома. Языки пламени подбирались все ближе к чулану. Дышать стало трудно от едкого дыма. «Что делать? — мучительно думал Андрейка. — Погиб я...» Ему ясно вспомнилось лицо Мезенцева, его ласковый голос, потом появилась Даша; она торопливо расстегивала ему гимнастерку, а он вырывался, кричал: «Грудь разрывает! Жжет внутри...»

Андрейка потерял сознание. Он не слышал грозного «ура», не знал, что красные отряды, пользуясь замешательством колчаковцев, ворвались в село...

12.

Разведчики въезжали в большое селение. Сытые кони похрапывали, мотали головами. Это была передовая застава сформированного в Кильмези нового полка имени товарища Блюхера.

Во главе бойцов заставы на высоком вороном жеребце ехал Андрейка. Никто бы не мог сказать, что

этому молодому бойцу в фуражке с красным околышем, в ловко подогнанной форме, всего пятнадцать лет. Только очень уж по-мальчишески сверкали озорные с искорками глаза. Бок о бок с другом покачивался в седле неразлучный Ваня. И он был уже не тот мальчик, что месяц назад. Тяжелые испытания, схватки с врагами закалили его.

У колодца всадники остановились напоить коней, с шутками и смехом расположились под березой.

Вездесущие деревенские мальчишки сбегались со всех сторон поглазеть на веселых конников. Один из подростков робко подошел к Андрею и, потянув рукой за гимнастерку, тихо спросил:

— Можно мне, дяденька, в красные записаться?

Андрейка оглянулся. Он увидел такие умоляющие глаза, что не сразу ответил. Сразу вспомнил себя: ведь он был точь-в-точь таким же, когда впервые встретился с азинцами, а сейчас вот, смотри, его называют «дяденькой...» Смешанное чувство жалости и одновременно — гордости за свое поколение наполнило его душу. Разведчик дружелюбно положил руку на плечо паренька:

— Мал ты еще, браток... Но не робей. Скоро прибудет сюда главное начальство. Как увидишь военного в кожанке, с седыми висками — Чирков по фамилии, подойди к нему и попроси. Скажи, что Андрей послал.

Из ближнего дома выбежала девушка. Она кричала радостно:

— Андрей! Андрюшенька!

Услышав знакомый голос, разведчик удивленно оглянулся.

— Даша? — он бросился к плачущей от счастья девушке.

Даша обняла его. Оттолкнула, поглядела в глаза. Снова припала к его груди.

— Андрейка... Андрюшенька... Жив? — шептала она.

— Как видишь... А ты как? Рассказывай... А Константин Михайлович где?

Но, охваченная радостью, Даша не слушала его, а спрашивала сама:

— Где вы были? Как дошли с пакетом? Где Иван?

Ваня, стоявший у колодца, услышал свое имя и, весь просияв, бросил ведро, торопливо подбежал. Радостный, смущенный, поздоровался.

— Какой стал кряж! Прямо взрослый солдат! — воскликнула Даша, оглядывая его с ног до головы. — Ох, как хорошо, что оба вы живы!

Вдруг она спохватилась и, загадочно улыбаясь, велела друзьям идти за ней. Разведчики, пожав плечами, повиновались Даше. А навстречу из ворот дома, тяжело опираясь на суковатую палку, уже медленно шагал худой, бородатый человек с сединой в волосах. Ласковые, теплые глаза его так и осветили Андрейку.

«Неужели?! Неужели Константин Михайлович?» — промелькнуло в его голове. Он с волнением и страхом вглядывался во встречного, и вдруг рванулся со всех ног к нему.

— Отец!.. Жив!.. — он задохнулся и, не найдя больше слов, сунулся Мезенцеву на грудь и впервые уже по-настоящему заплакал.

— Сыночек мой черноглазый! — шептали губы Мезенцева. — Жив! Жив!.. И Ваня! Здравствуй, голубчик!

Командир расцеловал Ивана, опять повернулся к Андрею.

Его взгляд отыскивал и отмечал на возмужалом лице Андрейки мельчайшие, одному ему видимые, изменения.

Слушая торопливый, сбивчивый рассказ Андрейки о том, как было выполнено задание, Мезенцев с гордостью думал, что его нареченный сын не подвел, стал настоящим разведчиком...

— Очнулся я в госпитале. Рассказали мне, что Парфенов за мной вернулся, из огня вынес; сам из-за меня обгорел,— закончил торопливо рассказ Андрейка.— Я его каждый день проведывал, в соседней палате...

— А на мне дырка мигом заросла, — вставил в разговор свое слово Ваня, — будто и не бывало.

— Эх, молодость, молодость! — вздохнул Мезенцев. — Завидую. У меня хуже было. Старею, видно... Если бы не Даша, вряд ли и свиделись.

Мезенцев бросил ласковый взгляд на смутившуюся девушку:

— Дочка меня выходила, от смерти спасла...

Командир обхватил Дашу рукой, потом привлек к себе Андрейку:

— Сейчас вы будете моими детьми! Точка!.. А скажи, сынок, почему ты не в своей дивизии? Разлюбил друзей, что ли?

— Нет, отец! Наша дивизия к Каме подходит. Скоро с ней сойдемся, тогда к своим вернусь... И еще — хочется с Никитиным счет свести... А сейчас пора мне...

Мезенцев вздохнул. Кто-кто, а уж он-то понимал, что Андрейка выполняет задание и не имеет права задерживаться. Поцеловав разведчиков, сказал:

— Я скоро совсем поправлюсь, тоже вернусь в свою дивизию. Быстрее оба переводитесь туда!

— Ладно, отец.

Андрейка вскочил на подведенного Ваней коня и, привстав на стременах, оглянулся. Взвод разведчиков ждал командира.

Махнув на прощание Мезенцеву и Даше рукой, Андрей скомандовал:

— Взвод, рысью марш!

И заклубилась пыль за всадниками...

Оглавление

Дорогие читатели!

Присылайте свои отзывы на книгу по адресу: гор. Киров, Динамовский проезд, 4, Кировское книжное издательство.

Художник
В. А. Шикалов.

Кулябин Василий Васильевич.
С ПАКЕТОМ ИЗ 28-й... Киров, Кн. изд., 1963. 159 стр., с илл.

Редактор *В. В. Заболотский.* Художественный редактор *М. П. Бушмелева.*
Технический редактор *Е. И. Склярова.* Корректор *А. Н. Галкина.*

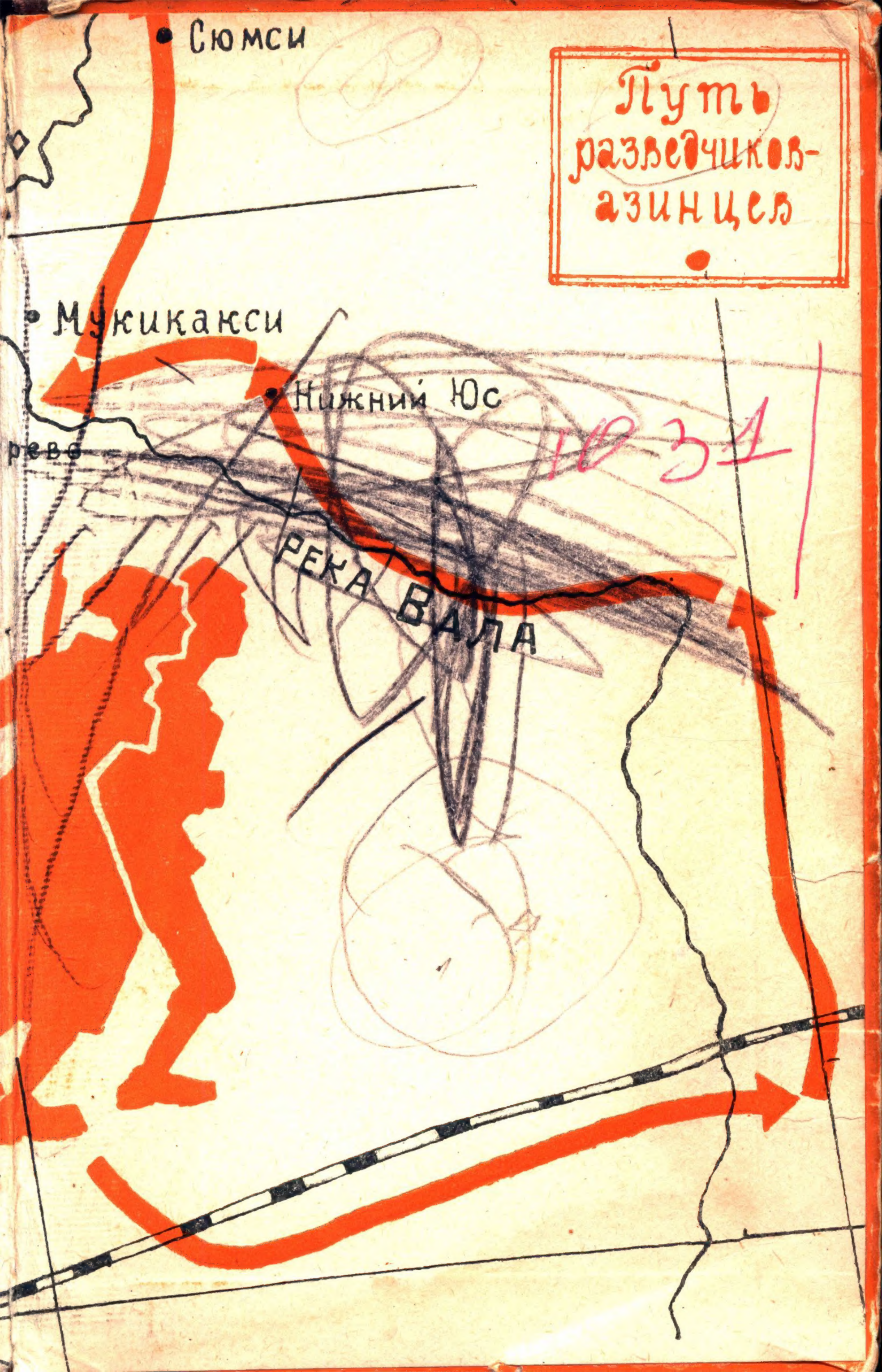
Сдано в набор 27.IV-1963 г. Подписано к печати 19.IV-1963 г.
Формат бумаги 84 x 108[1]/[32]. Физ. печ. л. 5. Усл. печ. л. 8,2.
Уч.-изд. л. 8,72. Тираж 30000. Изд. № 1485. ФЕ02307. Зак. 33.

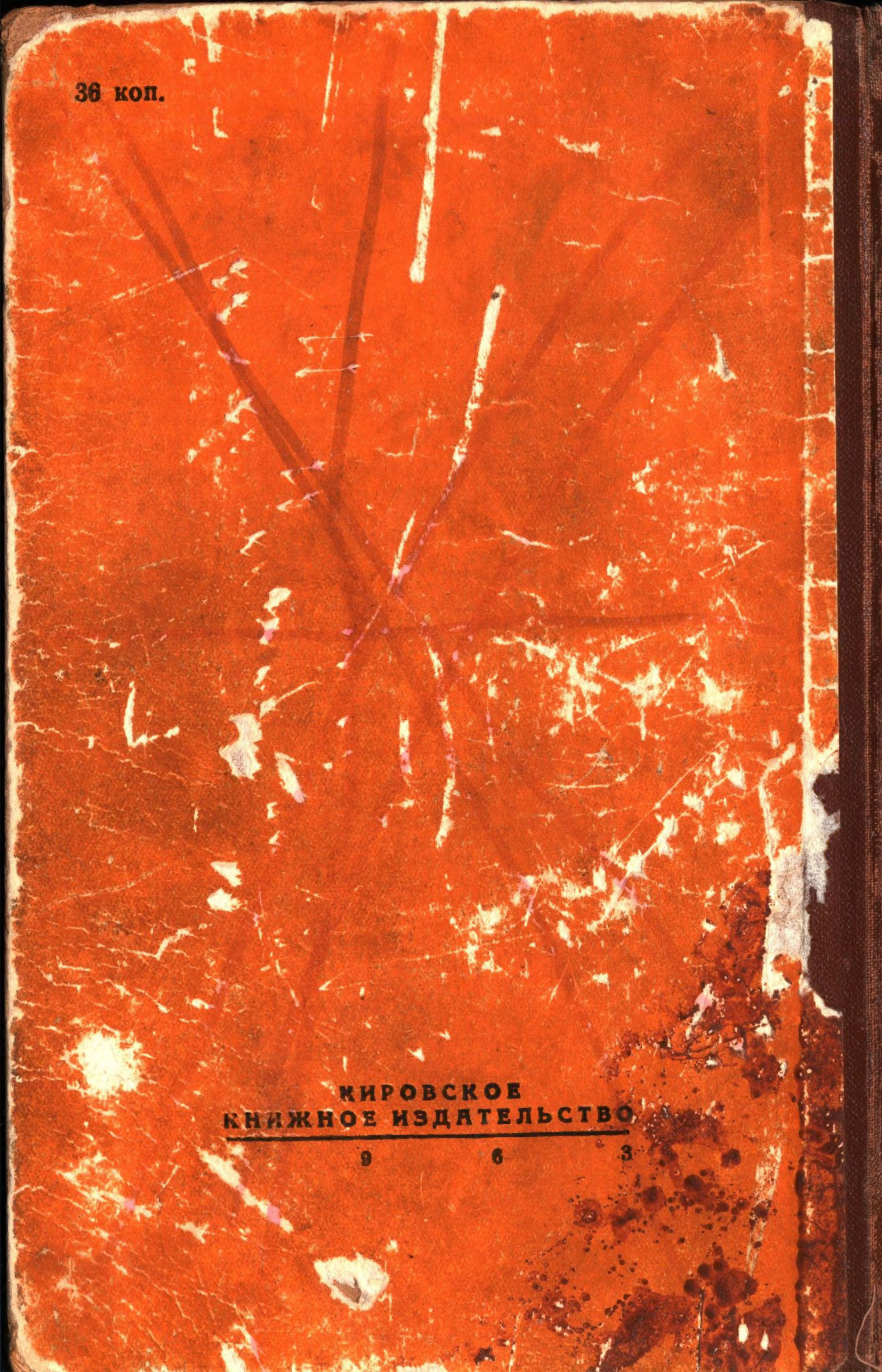
Цена в переплете 36 коп.

Кировское книжное издательство — Киров, Динамовский проезд, 4.
Обл. типография полиграфиздата — Киров, Динамовский проезд, 4.

Салья
РЕКА КИЛЬМЕЗ
РЕКА
Кильмезь
Вихар
Старое Село
Селино
РЕКА
ВЯТКА
Бол. Порек
Мелеть
Малмыж
Вят. Поляны

Сюмси
Путь разведчиков-азинцев
Мукикакси
Нижний Юс
рево
Река Вала
1031

36 коп.
КИРОВСКОЕ
КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
9 6 3

С ПАКЕТОМ ИЗ 28-й